Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 29 ФЕВРАЛЯ 3—4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая. — Хлебозаготовки и классы в деревне 3

Мотылев, В.—Проблема темпа в проектах пятилетнего плана (в порядке постановки вопроса). 7

Сленков, А.—Как реагировала оппозиция на решения XV с'езда 19

Анисимов, М.—Классовая политика партии в деревне и машиноснабжение 32

Шубин, П.—Банкиры об экономике Англии 39

Варга, Е. — Политика британских империалистов в Индии . 53

Дискуссионный отдел.

Мерфи, Дж. — Об изменении тактики английской компартии 85

От редакции 86

Ломинадзе, Б. — Новый этап китайской революции и задачи китайских коммунистов . . . 86

Миф, П. — Спорные вопросы китайской революции. . . . 108

Критика и библиография.

Кармалитов, А.—К вопросу о методе анализа расслоения советской деревни 123

Ольминский, М. — Письмо в редакцию 136

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Главлит № А—8416. Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Хлебозаготовки и классы в деревне.

В борьбе за ликвидацию хлебозаготовительных затруднений, сказавшихся особенно остро в течение трех последних месяцев истекшего года, партия, работая над улучшением и усилением хлебозаготовительной и вообще хозяйственной работы, должна была обратить особое внимание своих организаций на классовую обстановку, которая сложилась в настоящее время в экономически окрепшей деревне, ибо эта обстановка в значительной мере нашла свое серьезное отражение в ходе хлебозаготовок. Работа партийного, советского и кооперативного аппарата в процессе хлебозаготовительной кампании подвергалась основательной проверке как со стороны его работоспособности, так и со стороны проведения им задач классовой пролетарской политики в деревне.

Иначе и не могло быть. Коммунистическая партия на каждом конкретном этапе развития СССР ставит своей задачей точный и ясный учет соотношения классовых сил и на основе этого учета намечает конкретные задачи практической политики и работы.

XV с'езд партии с достаточной четкостью определил расстановку классовых сил на текущий период развития и в своих решениях «о работе в деревне» особо остановился на характеристике социальной структуры современной деревни. Поставив в центре внимания партии борьбу за коллективные формы крестьянского хозяйства, XV с'езд сделал это, учтя экономический под'ем и происходящие процессы расслоения деревни, требующие усиления наступления на кулацкие элементы деревни, при твердой опоре на бедняка и укреплении союза с середняком.

Происходящий за последние годы хозяйственный рост деревни находит свое выражение как в укреплении и консолидации середняцких ее групп, в под'еме значительной части деревенской бедноты, так и в росте кулачества. Нет нужды доказывать снова то, что доказано в полной мере, а именно: что середняк является центральной фигурой земледелия, что роль этого слоя в деревне не только не ослабляется, а усиливается. С точки зрения хлебозаготовок это положение подтверждается тем обстоятельством, что главные массы хлеба находятся в руках среднего слоя деревни.

Однако, вырос и кулак, не мало использовавший три последних урожайных года. Роль и значение кулака при этом должны измеряться не только количеством хлеба, находящимся в его распоряжении, но и тем экономическим и прочим влиянием, которое он имеет еще среди крестьянства и которое он использует против сдачи хлеба пролетарскому государству.

Это свое влияние кулак проводит, используя те трудности и ошибки нашей хозяйственной работы, которые были характерны для первой половины хлебозаготовительной кампании и которые нашли свое выражение в недостаточном производстве и завозе промтоваров в деревню, в скрытых переплатах отдельных заготовителей при покупке хлеба у крестьянства. Необходимо учесть также следующее обстоятельство. Зажиточные слои деревни и особенно кулак в последние месяцы истекшего года получили возможность оборачиваться на сырьевых культурах, мясопродуктах и т. п. товарах, продаваемых по повышенным в этом году ценам, удерживая у себя хлебные продукты и пытаясь таким образом сорвать хлебные цены. Кулак шел при этом по линии установления контакта с частным скупщиком и спекулянтом, покупающим хлеб по повышенным ценам. Спекулятивный характер кулацкой хлебной торговли особенно подчеркивается рядом сообщений о несдаче кулаком хлеба, несмотря на наличие в деревенском кооперативе достаточного количества промтоваров. Подрывная работа кулака-спекулянта оказывалась наиболее успешной, разумеется, там, где было сильнее его влияние на середняцкую массу деревни.

Совершенно ясно, что спекулятивная деятельность и эксплоататорские стремления подросшего кулачества не могли остаться без должного ответа со стороны партии и пролетарского государства в виду необходимости оздоровления хлебного рынка и решительного усиления хлебозаготовок. На ряду со всемерной защитой политики прочного союза с середняком партия неизменно подчеркивала вторую задачу—задачу борьбы с кулаком. Последний с'езд партии особо подчеркнул необходимость «развивать дальше наступление на кулачество». Преодоление оппозиции, непонимавшей всей необходимости для пролетарской диктатуры надежного союза с середняком, лишь больше подчеркивает задачу усиления борьбы с кулацкой опасностью. Забывать об этом —значит сходить с ленинских позиций, т.-е. сходить с позиции классовой пролетарской политики.

На ряду с проведением необходимых мероприятий по завозу промтоваров в хлебные районы, по улучшению работы заготовительного аппарата, по очистке советских органов и кооперации от чуждых элементов, партия дает директиву—ударить по рукам кулака-спекулянта, срывающего хлебный рынок.

Основным условием для выполнения этой задачи является решительная борьба со всяческими попытками заготовительных организаций повышать хлебные цены (путем использования бонификаций, незаконных накидок и пр.). При этом необходимо решительно пресекать конкуренцию между кооперативными и государственными заготовителями, способствующую дезорганизаторской работе хлебных спекулянтов и кулаков.

По отношению к отдельным элементам кулачества, прячущим в целях вздувания цен многотысячные запасы хлеба, должны быть применены решительные законные меры вплоть до конфискации их спекулятивных хлебных фондов (в частности на основании ст. 107 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующей статьи Украинского Кодекса).

В борьбе против кулацкой спекуляции хлебом партийные организации должны зорко следить за тем, чтобы не были затронуты середняцкие слои деревни, чтобы мероприятия против спекулянтов не ослабили, а укрепили союз пролетариата со средним крестьянством.

Каждая мера против кулака должна быть основана на существующих революционных законах против спекуляции и должна проводиться в строго-законном порядке.

Опорой партии и советского государства в борьбе с кулацко-спекулятивной деятельностью являются бедняцкие слои деревни. Бедняк, не имеющий своего хлеба, часто попадает в кабальную зависимость от кулака, ссужающего его хлебом. Пролетарское государство поможет бедняку разными мерами. В частности, необходимо теперь помочь бедняку передачей на льготных условиях 25% хлеба, конфискованного у спекулянтов, выдавая этот хлеб в долгосрочную ссуду бедняку для удовлетворения его семенных, а в случае необходимости и потребительских нужд. Правильно проведенные мероприятия против кулацкой спекуляции хлебом, несомненно, укрепят влияние и авторитет партии и советской власти среди деревенской бедноты и среднего крестьянства, т.-е. основной массы деревни.

В ходе хлебозаготовительной кампании были выявлены существенные недостатки не только в работе заготовительных организаций, но и в работе партийных организаций.

Директивы партии, в частности директивы XV с'езда о работе в деревне, в части борьбы с эксплоататорскими поползновениями кулака в ряде случаев проводились неудовлетворительно, а иногда явно искривлялись на практике. Часто недостаточной была и работа партийных организаций по организации деревенской бедноты. Необходимо преодолеть состояние пассивности и неучастия, замечающееся в некоторых деревенских парторганизациях, наладить работу с беднотой, организовать отпор кулачеству.

Директивы партии о борьбе с кулацкой спекуляцией хлебом, на ряду с мероприятиями организационного, экономического порядка, как завоз промтоваров, работа по мобилизации свободных средств крестьянства в форме займов, самообложения, уже дали свои первые положительные результаты в виде решительного перелома в ходе хлебозаготовительной кампании. Партия ставит задачу в дальнейшем продолжать нажим на кулацкую верхушку деревни, осуществить все мероприятия, стимулирующие сдачу хлеба середняцкой частью деревни.

За время работы над проведением директив партии, необходимо отметить случаи искривлений и головотяпства со стороны ряда организаций, что выражалось как в переходе к непосредственному товарообмену, так и в применении методов продразверстки, практики «заградилок» и т. п. В дальнейшей работе необходимо целиком и решительно устранить эти перегибы, ведущие к нарушению товарооборота деревни и отрицательно действующие на середняцкие слои крестьянства. Глупостью или контрреволюционной болтовней следует считать всякие разговоры о том, что проводимая кампания по борьбе с кулаком-спекулянтом означает «отмену нэпа», восстановление «военного коммунизма» и т. п. Напротив, вся эта кампания проводится и

должна проводиться в рамках нэпа и на его основе, в строгом согласии с существующими законами советского государства. Недочеты же в местной практике и отдельные перегибы партия сумеет исправить.

Борьба с кулаком, отпор притязаниям кулачества были и остаются нашей важнейшей задачей. Эта борьба должна проходить красной нитью через работу деревенских как партийных, так и советских и всех общественных организаций. Все проводимые налоговые и прочие мероприятия должны строго соответствовать духу пролетарской политики в деревне. Опыт же хлебозаготовительной кампании, как одной из важнейших хозяйственных кампаний советского государства, к тому же проходившей за последние месяцы при сосредоточении на этой задаче огромного количества партийных сил, будет одним из крупных фактов не только во всем деле хлебозаготовок, но и в деле улучшения проведения политики партии в деревне в целом.

Решительный перелом в хлебозаготовках подтвердил правильность принятых партией практических мер, в частности мер в отношении кулачества. Опыт хлебозаготовительной кампании поможет заострить внимание местных партийных, советских и кооперативных органов на задачах борьбы с кулаком и тем самым на задачах преодоления капиталистических элементов в деревне, что и было поставлено в центре внимания работы в деревне XV партийным с'ездом.

В. Мотылев.

Проблема темпа в проектах пятилетнего плана.

(В порядке постановки вопроса).

«В вопросе о т е м п е развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на б л и ж а й ш и й г о д или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы д л и т е л ь н о наиболее быстрый темп развития». (Из резолюции XV партс'езда).

«...По мере осуществления плана промышленного строительства открываются все новые и новые возможности для последующего увеличения темпа развития как промышленности, так и сельского хозяйства, открываются все большие перспективы по использованию всех внутренних ресурсов СССР». (Из резолюции XV партконференции).

В предыдущей статье [1]) мы стремились доказать, что преимущества переходной системы хозяйства над капиталистической создают в о з м о ж н о с т ь сверхамериканского темпа развития СССР. Эта возможность должна быть, однако, реализована системою экономических и технических мероприятий. Перспективные планы должны поэтому ставить в центре внимания развитие преимуществ нашей системы хозяйства и их реализацию. Лишь при этом условии они могут обеспечить подлинное и длительное ускорение темпа развития.

Переходя к рассмотрению с этой точки зрения последних проектов пятилетнего плана, мы считаем необходимым оговориться, что не преследуем задачи развернутой их критики. Такая критика была бы преждевременной и необоснованной, ибо проекты эти находятся еще в процессе разработки. Опубликованные наметки Госплана [2]) и ВСНХ [3]) носят предварительный, ориентировочный характер и, несомненно, подвергнутся в процессе разработки плана существенным изменениям, что специально оговаривается в опубликованных материалах. Так как они разрабатывались до партийного с'езда, то в них не нашли еще должного отражения директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства. Однако, опубликованные материалы создают не только возможность, но и необходимость о б с у ж д е н и я основ-

[1]) См. «Проблема темпа развития СССР», «Большевик», 1927 г., № 23—24. Настоящая статья представляет продолжение первой и исходит из развитых в ней положений.

[2]) См. «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.». Изд. «Плановое Хозяйство», 1928 г.

[3]) См. «Контрольные цифры пятилетнего плана развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.)», Гостехиздат, 1927 г.

ных вопросов пятилетиого плана на основе приводимых ими цифр. Обсуждение должно выяснить, в каких иаправлениях эти предварительные наметки нуждаются в пересмотре или уточнении при разработке пятилетнего плана. В настоящей статье мы преследуем именно эту задачу. Мы сосредоточим внимание на последних проектах комиссии Госплана и ВСНХ и коснемся первых проектов лишь попутно.

I. Соотношение отправного и оптимального вариантов.

Перспективное плаиирование сталкивается с трудиостью предвидения и предварительного точного учета некоторых важных условий хозяйственного строительства ближайшего пятилетия. Сюда относятся вопросы о международной обстановке и связях с мировым хозяйством, о возможности неурожаев, об эффекте социалистической рационализации и т. п. Между тем, хозяйствеиный план представляет собою систему взаимно-обусловленных и виутреине-согласованных и увязанных мероприятий, заданий, контрольных цифр. Просчет в каком-либо существенном составном злементе плаиа или иеожиданное его нарушение международной обстановкой, неурожаями и т. п могли бы поэтому вызвать срыв плана в целом с вытекающими отсюда последствиями. С другой стороны, недоучет возможных благоприятных условий вызвал бы недостаточное их использование, т.-е. замедление темпа развития, вытекающее из иедочетов планироваиия.

Чтобы избежать этих опасиостей, иеобходимо разработать, по меньшей мере, два вариаита хозяйственных планов. Задача этих вариантов правильно формулирована в «Перспективной ориеитировке» Госплана. «Мы в настояшее время строим сразу два варианта. Один о т п р а в н о й, более осторожный, в расчете на менее благоприятные условия хозяйствениого развития с тем, чтобы определить вполне обеспечеиный масштаб накоплеиий и вложений. И другой о п т и м а л ь н ы й, который реально достижим при полном напряжении наших волевых усилий и материальных ресурсов в достаточно благоприятной внешней обстановке. Конечно, ни тот, ни другой варианты не рассчитаны на такие форсмажорные обстоятельства, как, скажем, новая мировая война и блокада. У с л о в и я м в о е н н о г о в р е м е н и д о л ж е н о т в е ч а т ь о с о б ы й в а р и а н т х о з я й с т в е н н о г о п л а н а»[1].

Наличие оптимального варианта вынудит при выработке контрольных цифр на каждый год стремиться к максимальной реализации всех возможностей ускорения темпа хозяйственного развития. С другой стороны, наличие отправного варианта облегчит определение конкретных годичных темпов в тех случаях, когда условия будут носить менее благоприятный характер. Сопоставление конкретных условий предстоящего хозяйственного года с условиями, предположенными в отправном и оптимальном вариантах, позволит определить возможные годичные темпы. Значение обоих вариантов удачно формулировано Г. М. К р ж и ж а н о в с к и м.

«Минимальный пятилетний хозяйственный ряд наглядно обрисует перед нами те хозяйствеиные грани, выход за пределы которых немедленно повлечет за собой то или иное функциональное расстройство нашего хозяйственного организма. Фактическое приближение к цифрам—показателям этого минимального ряда—будет наглядным образом с и г н а л и з и р о в а т ь н а м о п р е д с т о я щ и х о п а с н о с т я х и предостерегать нас должиым образом в нашем хозяйственном маневрировании. В этом свое громадное служебное значение этого минимального хозяйственного ряда.

«Максимальный пятилетний хозяйственный ряд должен быть смело рассчитан на ряд благоприятствующих хозяйственных факторов. Здесь, между

[1]) См. «Перспективная ориентировка», стр. 8

прочим, мы можем учесть и возможности заграиичного кредита и такой коэффициент подроста всей нашей организациониой установки, такой под'ем иашей суммарной советской культуры, которые естественным образом отброшены при учете средних возможностей. Эта проектная работа максимального хозяйствениого пятилетиего плана имеет свои трудности: то напряжение, которое требуется для его осуществлеиия, отнюдь не должно переходить в п е р е н а п р я ж е н и е, могущее повлечь, со своей стороны, болезненные явления в области хозяйства»[1]).

Отсюда следует, что разница между отправным и оптимальным вариантами не должна быть ничтожной. Если отправной вариант должен строиться с максимальной осторожностью, чтобы определить с о в е р ш е н н о о б е с п е ч е н н ы й темп развития и предупредить возможность просчетов и срывов, то при составлении оптимального варианта необходимо исходить из возможности благоприятных условий. К числу таких условий относятся ие только международная обстановка, урожаи, эффект социалистической рационализации и т. п., но и эффект максимального напряжения волевых усилий, как это правильно отмечено в приведенной нами цитате из «Перспективной ориентировки» Госплана. Поскольку оптимальный вариаит должен стимулировать максимальное напряжение волевых усилий и материальных ресурсов, максимальную реализацию всех возможиостей, он должеи строиться таким образом, чтобы все эти возможности были в ием учтены в полном их об'еме. Разница между отправным и оптимальным вариантами должна поэтому быть существенной.

Посмотрим, удовлетворяют ли этому условию варианты «Перспективной ориентировки» Госплана. Нижеследующая таблица характеризует их соотношение.

Темпы хозяйственного роста[2]).

(Прирост с 1926—27 г. по 1931—32 гг. в %%).

Показатели	Отправной вар.	Оптимальный вар.
1 Продукция промышленности:		
А) Госуд. цензовая	71,8	93,0
В том числе планируемая	77,9	103,0
В) Проч. цензовая (кооп. и част.) . . .	32,9	30,9
Итого (А—В) . . .	67,9	87,0
С) Мелкая	35,8	35,8
2. Продукция сельского хозяйства (с лесов., рыболовством и охотой)	24,0	31,4
3. Общее строительство (кроме сельского).	86,2	122,5
В том числе жилищное	164,8	16 ,8
4. Валовой товарооборот (по ценам реализации)	40,8	55,6
А) Экспорт	124,2	170,4
В) Импорт	92,0	115,6
5. Транспорт:		
А) Общая работа железных дорог . . .	45,6	56,0
В) Общая работа госпароходства	88,5	110,8
С) Грузооборот морских портов	87,3	103,3
6. Электрификация (работа станций)	76,7	76,7
7. Бюджет:		
А) Доходная часть госбюджета	48,1	58,5
В) „ „ мест. бюджета . .	69,7	76,7
8. Народный доход в целом	46,0	56,4
„ „ на 1 душу насел. . . .	30,9	40,2

[1]) Предисловие к «Перспективам развертывания народного хозяйства СССР на 1925 26 – 1930 31 гг.», «Плановое Хозяйство», 1927 г.
[2]) «Перспективная ориентировка», стр. 56—60 и 17—19.

Показатели	Отправной вар.	Оптимальный вар.
9. Индексы цен:		
A) Строительный—понижение на. . . .	30,0	Не указаны
B) Отпускных цен ВСНХ—пониж. на .	21,1	"
C) Розничных цен промтоваров пониж. на	24,5	"
" " с.-х. товаров—пониж. на	5,5	"
10. Реальная зарплата рабочих—повыш. на .	45,0	"

Сопоставление отправного и оптимального вариантов показывает, что разница между ними в общем незначительна. Если сопоставить абсолютные цифры обоих вариантов, то окажется, что оптимальный превышает отправной в среднем лишь на 7—8 проц. Валовая продукция фабрично-заводской промышленности по оптимальному варианту выше на 11 проц., продукция сельского хозяйства—на 6 проц. Лишь в области строительства разница значительнее: по новым постройкам и капитальному ремонту она составляет 19 проц.

В действительности, однако, разница эта еще менее значительна. Дело в том, что при составлении отправного варианта не учтено еще предстоящее увеличение в ряде отраслей числа смен в связи с переходом к семичасовому рабочему дню. С учетом этого фактора отправной вариант еще больше сблизится с оптимальным, как это отмечается и «Перспективной ориентировкой».

«Этот расчет (влияния увеличения смен. *В. М.)* еще не вполне закончен. Но уже теперь видно, что с учетом сменной работы отправной вариант существенно приближается к оптимальному. На самом деле, оптимальный вариант по планируемой ВСНХ промышленности предусматривает расширение продукции за пять лет на 103%. Отправной—на 77,5% без поправки на сменность и на 93% с поправкой на сменность. По всей цензовой госпромышленности это сближение еще больше. Оптимальный вариант дает 87% прироста, отправной без поправки—72% и с поправкой—84,5%, т.-е остается разница всего в 2,5%». (Стр. 28).

Так как переход к трем сменам и рост продукции связаны с расширением строительства, с ростом товарооборота, работы транспорта, народного дохода, бюджета и т. д., то произойдет сближение вариантов в целом.

Является ли, однако, такое соотношение вариантов целесообразным? Нам кажется очевидной нецелесообразность и необоснованность такого соотношения Отклонения на несколько процентов возможны и в пределах одного года даже в том случае, если условия этого года учтены правильно. Такие незначительные отклонения являются пока неизбежным результатом относительного и условного характера плановых предположений. Между тем, в пределах пятилетия трудности предвидения осложняются неопределенностью ряда основных условий хозяйственного строительства. Это придает пятилетнему плану еще более относительный характер, как это отмечено резолюцией XV партс'езда — «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства».

«Зависимость от урожая и невозможность предварительного точного статистического его охвата; зависимость от рыночной стихии, которая все более взнуздывается плановым началом, но еще не укладывается целиком в его рамки; колебание кон'юнктуры мирового рынка и зависимость от этого последнего; наконец, внеэкономические факторы, связанные, в первую очередь, с враждебным капиталистическим окружением и отражающиеся как на экономических отношениях с заграницей, так и на экономических отношениях внутри страны,—все это обусловливает собою относительность значения плановых и цифровых предположений вообще».

Неопределенность этих условий, а также возможного эффекта социалистической рационализации и напряжения волевых усилий, требует такого соотношения между отправным и оптимальным вариантами, которое путем более значительной разницы между ними учитывает возможность значительных колебаний и изменений всех этих условий. Сближение вариантов в проекте Госплана является поэтому необоснованным и вредным.

Предполагаемое в связи со сменностью увеличение темпов отправного варианта должно производиться с сугубой осторожностью. Переход к трем сменам увеличивает потребность промышленности в сельскохозяйственном сырье и техническом оборудовании. Поэтому зависимость от урожаев и внешней торговли становится еще более тесной. Даже настоящий проект отправного варианта требует весьма значительного роста экспорта (на 124,2%) и импорта (на 92%). Переход к трем сменам потребует еще более значительного увеличения внешней торговли. Поэтому возможность неурожаев и международных трудностей должна быть учтена еще в большей степени. Это не значит, что темпы отправного варианта не могут быть вовсе усилены. Но такое усиление допустимо лишь в той мере, в какой оно не нарушает реальности этого варианта при предполагаемых им менее благоприятных условиях.

II. Темпы оптимального варианта.

Иначе обстоит дело с оптимальным вариантом. Этот вариант, несомненно, преуменьшен. Корни этого преуменьшения—в недоучете возможного эффекта социалистической рационализации в условиях благоприятных урожаев и благоприятной международной обстановки. Это становится совершенно очевидным при сопоставлении капитальных затрат с их эффектом. Оптимальный вариант проектирует капитальные затраты в сумме 22.192 млн. руб. против 18.514 млн. руб. (с учетом снижения цен) по отправному варианту. Таким образом, по оптимальному варианту капитальные затраты на 3.678 млн., или на 20% больше, чем по отправному. Между тем по росту валового оборота, продукции, народного дохода оптимальный вариант превышает отправной лишь на 7—8%, несмотря на то, что разница между ними должна определяться не только эффективностью добавочных вложений, но и большей эффективностью капитальных вложений в целом, вследствие больших успехов рационализации и т. п. Эффективность капитальных вложений по оптимальному варианту явно недостаточна. К сожалению, «Перспективная ориентировка» не указывает, какая часть капитального строительства переходит незаконченной на следующее пятилетие. Поэтому возникает вопрос, не затрачиваются ли добавочные вложения на такие предприятия, эффект которых скажется лишь во втором пятилетии. Нам кажется, однако, это маловероятным. Такое решение предполагает, что эти добавочные капитальные вложения производятся, главным образом, в последние годы пятилетия. Между тем оптимальный вариант должен предусмотреть возможность добавочных затрат на протяжении всего пятилетия. Однако, если бы даже большая часть добавочных капитальных вложений направлялась на предприятия, эффект которых скажется большей частью во втором пятилетии, то и в этом случае разница между вариантами не могла бы быть столь незначительной, принимая во внимание, что оптимальный вариант должен учесть возможность большей эффективности капитальных вложений в целом, а не только добавочных.

Недостаточная эффективность капитальных вложений становится еще более очевидной при сопоставлении оптимального варианта «Перспективной ориентировки» с «Контрольными цифрами пятилетнего плана развития про-

мышленности СССР», утвержденными 1 ноября 1927 года президиумом ВСНХ в качестве основы для составления пятилетнего плана промышленности. Эти цифры представляют собою третий проект ВСНХ, при составлении которого была учтена основная ошибка первых двух проектов, заключавшаяся в недоучете возможного эффекта социалистической рационализации, возможной эффективности капитальных вложений. Оптимальный вариант Госплана проектирует капитальные затраты по гос. промышленности в сумме 7.298 млн. р (с учетом снижения цен; без электрификации; включая 134 млн. рублей на индустриализацию сельского хозяйства) против 5.918 млн. руб. по отправному варианту, т.-е. рост капитальных затрат на 23%. Контрольные же цифры ВСНХ проектируют эти затраты с учетом снижения цен в сумме 7.088,2 млн. руб., т.-е. несколько меньше оптимального варианта Госплана. Сопоставим, однако, эффект капитальных вложений по обоим проектам.

Темпы роста продукции промышленности [1]).
(Прирост за пятилетие в %%)

Показатели	Оптим. вар. Госплана	Контр. циф. ВСНХ
1. Вся цензовая	87,0	102,2
В том числе:		
Гос. цензовая	93,0	105,1
В том числе:		
Гос. планируемая	103,0	108,0
2. Кустарная и мелкая	38,5	53,8
Всего по промышленности	79,0	97,6

Приведенные в таблице цифры показывают с достаточной убедительностью, что проект ВСНХ при несколько меньших затратах проектирует более значительные достижения, чем оптимальный вариант Госплана [2]). Верно, следует принять во внимание, что вариант Госплана не учитывает увеличения смен, между тем как «Контрольные цифры» ВСНХ учли этот переход в хлопчатобумажной промышленности. Однако, в основном разница определяется не этим, а различным подходом к определению эффективности капитальных вложений.

Не являются ли, однако, намеченные ВСНХ темпы роста и достижения неосуществимыми, чрезмерными? Не преувеличивает ли проект ВСНХ возможного эффекта социалистической рационализации? Конечно, этот проект не является отправным, т.-е. вполне обеспеченным. Он предполагает такой рост продукции сельскохозяйственного сырья и внешней торговли, такой эффект социалистической рационализации, которые возможны лишь при благоприятных условиях. Он является, таким образом, оптимальным вариантом. Если же рассматривать его, как оптимальный, то намечаемые им темпы не только не являются преувеличенными, но должны рассматриваться как скромные.

В самом деле. Технико-производственные возможности ближайшего пятилетия при благоприятных условиях проектом не только не исчерпаны, но явно недоучтены. Возможности, вытекающие из стандартизации и специализации производства, из развития массового и серийного производства учтены, например, в явно недостаточной степени. Недостаточное внимание к задачам стандартизации и специализации, являющееся крупной ошибкой нашей промышленной политики последних лет, обнаружилось, к сожалению,

[1]) Цифры взяты из указанных выше, в примечаниях, материалов («Перспективная ориентировка», стр 57 и «Контрольные цифры», стр 21).

[2]) Хотя Госплан не возражает против проекта ВСНХ, принимая его в качестве оптимального, мы считаем необходимым рассмотреть оптимальный вариант Госплана по промышленности, ибо недочеты этой части варианта Госплана типичны для оптимального варианта в целом.

и при разработке проекта ВСНХ. Авторы проекта вынуждены сами это отметить («Контрольные цифры», стр 31).

На ряду с этим, необходимо принять во внимание, что проект ВСНХ учел переход к трем сменам лишь в хлопчатобумажной промышленности. Между тем, эта мера может и должна быть применена в ряде других отраслей производства.

Все это доказывает, что технико-производственные возможности полностью не учтены. Это отмечают и авторы «Контрольных цифр».

«При этом нужно подчеркнуть, что мы стоим лишь в самом начале процесса рационализации производства, что мы фактически только приступаем к нему; поэтому мы не можем учесть то, что нам дадут в этом направлении ближайшие годы. При пересмотре выяснилось, что несколько месяцев, протекших со дня окончания работ по составлению первого варианта пятилетки (опубликованного) до пересмотра, уже дали возможность учесть из практики существующих предприятий такие достижения (напр., в льняной, бумажной и других отраслях), которые при составлении первого варианта намечались к достижению лишь к концу пятилетки.

«Поэтому мы имеем основание полагать, что задания в области технико-производственной, намеченные при составлении настоящего варианта, в большинстве своем не только не являются преувеличенными, но оставляют определенный резерв, который в настоящее время не может быть учтен сколько-нибудь точно. К этому нужно еще добавить, что несомненный и весьма значительный резерв производственной мощности мы имеем вследствие перехода на сокращенный рабочий день и связанное с этим увеличение числа смен. Переход на трехсменную работу учтен в нашем варианте только по хлопчатобумажной промышленности, при чем благодаря третьей смене производство по хлопчатобумажной промышленности дает увеличение выработки ткани на 81,6% против увеличения на 32,6% по предыдущей пятилетке. Увеличение числа смен в других отраслях промышленности даст нам также весьма существенный резерв производственной мощности». (Стр. 4).

Благодаря недоучету технико производственных возможностей проект ВСНХ намечает слишком скромное снижение себестоимости и цен, а значит— и слишком скромное повышение реальной заработной платы. Здесь он намечает цифры, почти совпадающие с отправным вариантом Госплана В нижеследующей таблице сопоставлены достижения по этим показателям, намечавшиеся различными проектами пятилетнего плана [1]).

Показатели	Отправ. вар. Госплана	Предыдущий проект Госплана	Контр. цифры ВСНХ	Предыдущий проект ВСНХ.
	В	процентах		
1. Снижение строительного индекса	—30	—	—32	—20
2. Снижение себестоимости	—	—17,7	—24,2	—16,5
3. Снижение отпускных цен ВСНХ	—21	—17,5	—21,3	—17,5
4. Рост реальной заработ. платы	+45	+49	+46	+36,3

Таблица показывает, что в последних проектах по сравнению с предшествующими проектами намеченные достижения значительно усилены. Однако, совпадение цифр отправного варианта Госплана с цифрами последнего проекта ВСНХ, являющегося, как установлено было выше, оптимальным, дает основание полагать, что в проекте ВСНХ недоучтены возможности более значительных достижений в этих направлениях при наличии тех благоприятных условий, которые являются его предпосылками.

[1]) Цифры предыдущего проекта ВСНХ (второго) взяты из «Материалов к пятилетнему плану разв. пром. СССР (1927/28—1931/32 гг.)», Гостехиздат, 1927 г. Цифры пред. проекта Госплана (второго) —из «Перспектив разверт. народн. хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», изд. «План. Хоз.», 1927 г.

Все это доказывает, что со стороны учета возможного эффекта социалистической рационализации проект ВСНХ не только не является чрезмерным, но даже—в некоторых показателях—преуменьшенным. Его усиление по этим показателям возможно, хотя при этом следует избежать опасности перенапряжения. Тем более преуменьшен оптимальный вариант Госплана. Отмечая, что с учетом сменности разница между вариантами в цензовой гос. промышленности составит лишь 2,5%, «Перспективная ориентировка» заявляет: «Но и с учетом сменности отправной вариант сохранит целый ряд весьма существенных отличий от оптимального. Главнейшее из них в том, что оптимальный вариант рассчитан на привлечение в промышленность довольно значительных средств со стороны. А отправной ориентируется на внутренние ресурсы промышленности». (Стр. 28). Нам кажется, прежде всего, что источник добавочных средств указан здесь односторонне, что недостаточно учтена возможность использования в качестве добавочных средств добавочного накопления в промышленности вследствие более значительных результатов социалистической рационализации при предполагаемых оптимальным вариантом благоприятных условиях. Вместе с тем, здесь важно подчеркнуть, что разница между вариантами должна заключаться не только в разнице сумм капитальных вложений, но и в соответственной разнице эффективности.

Столь же несомненно преуменьшение оптимальным вариантом возможного темпа роста сельского хозяйства. Если отправной вариант, учитывающий возможность неурожаев, намечает рост валовой продукции сельского хозяйства на 24% за пятилетие, то оптимальный вариант, предполагающий благоприятные условия развития сельского хозяйства, должен и может запроектировать более значительное достижение, чем намеченный рост на 31,4%. Недостаточность темпа развития сельского хозяйства была отмечена т. Сталиным в политотчете ЦК на XV партс'езде. Оптимальный вариант должен предусмотреть возможность более значительного под'ема сельского хозяйства, не останавливаясь перед некоторым увеличением капитальных вложений в него. Однако, главная задача заключается в обеспечении проектом надлежащего темпа кооперирования крестьянских хозяйств и во всестороннем учете возможного эффекта этого процесса, его возможного влияния на под'ем сельского хозяйства. Урожайность и удойность в коммунах, артелях и товариществах были уже в 1926—27 г. выше, чем в единоличных хозяйствах. Между тем, ускорение процесса кооперирования на протяжении пятилетия может предоставить значительной массе крестьянских хозяйств преимущества крупных хозяйств и, значит, ускорить процесс под'ема сельского хозяйства. Если усилить, наряду с этим, внедрение минеральных удобрений и обработку сельскохозяйственных продуктов, то можно, несомненно, достигнуть гораздо более значительных темпов под'ема, чем намеченные оптимальным вариантом Госплана, избежав при этом опасности перенапряжения.

III. Кривая капитальных затрат и их эффективности.

Определение капитальных вложений по годам и распределение их в пределах каждого года между отраслями народного хозяйства представляет одну из наиболее сложных и трудных задач пятилетнего плана. Задача индустриализации и обобществления страны требует таких вложений в промышленность, которые могут обеспечить быстрый темп индустриализации не только на протяжении пятилетия, но и за его пределами. Однако, такой темп индустриализации осуществим лишь при одновременном согласованном развитии остальных сфер хозяйства. В противном случае их отсталость может тормозить развитие промышленности и темп индустриализации в целом. В связи

со сложностью вопроса о принципах распределения вложений между сферами народного хозяйства «Контрольные цифры» ВСНХ выдвигают вопрос о системах построения пятилетнего плана:

«Возможны две системы построения пятилетнего плана по годам. Одна из них, нашедшая себе отражение в настоящей системе контрольных цифр, предполагает аккумуляцию значительных средств, вкладываемых в промышленность на протяжении ближайших лет с тем, чтобы полученный таким образом толчок в развитии промышленности обусловил в дальнейшем бесперебойное развитие всего народного хозяйства в целом, высвобождая в последующие годы средства для такого же усиленного и ударного развития отдельных отраслей, состояние которых делается определяющим минимумом для всего хозяйственного развития. Другая система может заключаться в одновременном, гармоническом движении всех отраслей народного хозяйства более медленным, но и более плавным темпом». (Стр. VIII).

Нам кажется, однако, что вопрос о системе построения пятилетнего плана не является столь неясным. В действительности в СССР ни одна из этих систем не может и не должна быть осуществлена в чистом виде. Задачи индустриализации столь актуальны, что пятилетний план должен, несомненно, обеспечить наиболее быстрый темп развития промышленности. Это не исключает, однако, возможности и необходимости одновременного согласованного развития всех остальных отраслей хозяйства более медленным, но плавным темпом. В предыдущей статье было установлено, что такой согласованный одновременный под'ем всех сфер народного хозяйства, их одновременная индустриализация сыграли существенную роль в ускорении темпа развития Соединенных Штатов. Необходимо и в СССР найти такое соотношение и сочетание темпов развития всех отраслей, которое обеспечивает длительно наиболее быстрый темп индустриализации в целом.

Крупнейшей ошибкой первого проекта ВСНХ (ОСВОК) была затухающая, т. е. падающая по годам кривая капитальных вложений. Эта особенность проекта ОСВОК подверглась резкой критике. При разработке последующих проектов следовало, таким образом, избежать этой ошибки. Удалось ли, однако, последующим проектам обеспечить восходящую кривую капитальных затрат? Нижеследующая таблица дает ответ на этот вопрос:

Динамика капитальных вложений в госпромышленность по годам [1]).

Годы	По неизменным ценам										По понижающимся ценам			
	1-й проект ВСНХ (ОСВОК)		2-й проек ВСНХ		3-й проект ВСНХ		2-й проект Госплана		3-й проект Госплана (отпр.)		3-й проект ВСНХ		3-й проект Госплана (отпр.)	
	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году	В млн. руб	В % к пред. году
1925—26 . . .	935	—	—	—	—	—	781	—	—	—	—	—	—	—
1926—27 . . .	1549	165,5	—	—	—	—	918	117,4	988	—	—	—	983	—
1927—28 . . .	1454	93,8	1179	117,3	1269	126,9	1142	124,4	1250	126,5	1192	119,3	1168	118,8
1928—29 . . .	1251	86,2	1318	112,0	1542	121,5	118[illegible]	103,6	1383	110,6	1401	117,0	1187	101,6
1929—30 . . .	959	76,5	13[illegible]1	104,8	1689	109,5	1206	101,9	1498	102,5	1488	106,0	1203	101,3
1930—31 . . .	—	—	1395	101,0	1798	106,5	1205	100,0	1588	112,7	1501	101,0	1184	98,1
1931—32 . . .	—	—	1452	104,0	1957	108,8	—	—	1671	105,2	1506	100,0	1176	99,3

[1]) Цифры второго и третьего проектов ВСНХ и Госплана взяты из указанных выше в примечаниях, материалов. Цифры 1-го проекта ВСНХ взяты из след. издания: «Материалы ОСВОК. Серия III. Перспективы развития промышленности», вып. V, «Промиздат», 1927 г.

Если сопоставить капитальные вложения в промышленность в неизменных ценах, то оказывается, что последующие проекты не только устранили затухающий характер кривой капитальных вложений, но даже придали ей слегка восходящий характер. Наиболее значительный рост вложений приходится, однако, на первые годы; в последующие годы сумма капитальных вложений возрастает незначительно, и темп прироста замедляется. Если же рассматривать капитальные вложения с учетом снижения цен, то кривая капитальных вложений в последнем проекте ВСНХ оказывается во второй половине пятилетия стабильной, а в последнем проекте Госплана даже слегка падающей, затухающей.

То обстоятельство, что, несмотря на повторные пересмотры пятилетнего плана, кривая капитальных вложений не носит равномерно-восходящего характера даже в неизменных ценах, а в понижающихся оказывается слегка затухающей,—выдвигает вопрос, не имеются ли какие-либо об'ективные условия, требующие особого роста капитальных вложений именно в первые годы пятилетки. Такие условия, несомненно, имеются. Нужды подготовки обороны страны и обеспечения ее экономической самостоятельности настоятельно требуют возможно больших вложений в промышленность в ближайшие же год—два. Однако, разница в темпе роста капитальных вложений по годам слишком значительна, чтобы эти условия могли ее оправдать целиком. В действительности существуют необходимость и возможность более систематического, хотя не обязательно равномерного, прироста капитальных вложений в промышленность на протяжении всего пятилетия. Нельзя представлять себе дело так, что в первые годы нужны усиленные вложения в промышленность для того, чтобы затем перейти к усиленным вложениям в другие сферы народного хозяйства. В действительности каждый новый этап будет выдвигать перед промышленностью новые задачи и требовать ее дальнейшего усиленного под'ема, согласованного, однако, постоянно с темпом под'ема остальных сфер народного хозяйства.

Восходящий характер кривой капитальных вложений может быть усилен, прежде всего, некоторым перераспределением капитальных затрат по годам. Авторы контрольных цифр ВСНХ правильно отмечают чрезмерно резкий рост намеченных капитальных затрат в 1928—29 г. и *необходимость перенесения части добавочных затрат этого года на следующие годы* с обеспечением, по возможности, окончания подавляющей части работ в текущем пятилетии. Но все же главной причиной замедления в проектах темпа роста капитальных вложений во второй половине пятилетия является, несомненно, отмеченный выше недоучет возможного эффекта вложений первых лет и эффекта социалистической рационализации. Возможное накопление, а значит, и возможный об'ем капитальных вложений, зависят от успехов социалистической рационализации. Поэтому недоучет ее возможных успехов должен вызвать преуменьшение возможных вложений в последующие годы пятилетки.

Что дело заключается именно в этом, доказывают не только данные и соображения, приведенные в первой части настоящей статьи, но и анализ кривой роста продукции промышленности, характеризуемой в нижеследующей таблице.

Прирост продукции промышленности план-руемый ВСНХ.

(В %% к предыдущему году).

Годы	Отправ. вар. Госплана	Проект ВСНХ
1926—27	13,3	—
1927—28	16,5	18,1
1928—29	12,4	16,6
1929—30	10,9	17,6
1930—31	10,6	13,8
1931—32	10,0	12,8

Таблица показывает, что кривая прироста продукции носит в обоих проектах затухающий характер. Если сопоставить эту таблицу с таблицей капитальных вложений, то становится очевидным наличие противоречия, несоответствия между кривой капитальных вложений и кривой прироста продукции. Капитальные вложения возрастают особенно значительно в первые годы пятилетки. Так как эффект их должен сказаться в последние годы, то темп прироста продукции должен в эти годы, казалось бы, усилиться,—между тем, в действительности, он замедляется, ослабевает. Подобное соотношение не может быть признано нормальным и свидетельствует о недоучете эффективности капитальных вложений и возможных результатов социалистической рационализации. Затухающая кривая прироста продукции была закономерной при переходе от восстановительного периода к реконструктивному, так как с исчерпанием резерва восстановительных возможностей, с переходом к расширению технической базы, темп должен был, естественно, замедляться.

В первые годы пятилетия исчерпание последних резервов восстановительных возможностей может еще сопровождаться снижением темпа прироста продукции, но *в последние годы должна выявиться, наоборот, тенденция к нарастанию темпа прироста под влиянием нарастания преимуществ переходной системы хозяйства и степени их реализации.* Поскольку эта реализация может найти свое отражение в большей мере в оптимальном варианте, чем в отправном, постольку это замечание относится больше к проекту ВСНХ, чем к отправному варианту Госплана.

Если принять во внимание предстоящий в ряде отраслей переход к трем сменам, то необоснованность и недопустимость замедляющегося роста капитальных вложений станут еще яснее. Дело в том, что увеличение числа смен усилит снашиваемость технического оборудования и сократит срок его применения, в особенности на старых предприятиях. В интересах обеспечения во втором пятилетии возможности расширенного воспроизводства окажется поэтому необходимым расширить во второй половине текущего пятилетия постройку новых предприятий и увеличить соответственно капитальные вложения. Средства для этого доставит само увеличение числа смен. Увеличение продукции позволит ускорить амортизацию основного капитала в меру ускорения его снашивания. Таким образом, амортизационные исчисления будут расти, а это позволит увеличить капитальные вложения. С другой стороны, так как переход к трем сменам будет осуществлен в первую очередь, в виду рыночной кон'юнктуры, в отраслях, производящих предметы потребления, являющихся более рентабельными, то усилится и темп накопления за счет прибылей.

В результате перехода к трем сменам усилится и рост эффективности основного капитала, так как ускорится амортизация износившегося морально, т.-е. устаревшего по своей конструкции, технического оборудования, а значит, и замена его новым, более эффективным. Таким образом, учет перехода к трем сменам при разработке проектов пятилетнего плана должен придать кривой капитальных вложений и кривой роста продукции восходящий характер.

Вообще, слабым местом проектов пятилетнего плана является их явно недостаточная увязка с интересами второго пятилетия. В этом сказалось отсутствие генерального плана, лишившее составителей проектов пятилетнего плана возможности надлежащего учета в пределах данного пятилетия нужд следующего пятилетия. Таким образом, характеристика проблемы темпа в проектах пятилетнего плана подводит нас вплотную к вопросу о генеральном плане.

* * *

Подведем итоги. Основной недочет последних проектов пятилетки в том, что они не исходят из всесторонне разработанного плана социалистической рационализации народного хозяйства СССР. Социалистическая рационализация, в отличие от капиталистической, заключается не только в технических и организационных улучшениях, но и в реализации многообразных преимуществ переходной системы хозяйства. XV партконференция подчеркнула, что «реализация этих преимуществ в практическом строительстве составляет важнейшую задачу партии в период социалистического переустройства всего народного хозяйства». Недостаточную разработанность в проектах пятилетнего плана экономических и технических вопросов реконструкции народного хозяйства, их узко-статистический характер, отметил тов. Рыков на XV партс'езде.

Так как пока опубликованы лишь итоговые контрольные цифры проектов, то о недоучете технико-производственных возможностей, возможного эффекта социалистической рационализации, можно судить лишь по соотношению различных величин. Тем не менее, анализ этих соотношений обнаруживает с достаточной ясностью наличие в проектах ряда существенных недочетов. Мы полагаем, что поставленные нами вопросы вытекают из опубликованных материалов, что при пересмотре и разработке проектов очерченные в статье недочеты могут и должны быть устранены [1].

---

[1]) После сдачи наст. статьи в печать мы познакомились с вышедшим со значит. опозданием № 12 «План. Хозяйства» за 1927 г. с новым проектом отправного варианта с учетом семичасового раб. дня и увеличения числа смен. Отмечаем с удовлетворением, что исправленный отправной вариант ослабляет некоторые из отмеченных в статье недочетов. Это подтверждается нижеслед. таблицей:

Темп роста цензовой геспромышленности.

Годы.	Капит. вложения в неизмен. ценах.		Капит. вложения с учетом снижения цен.		Рост продукции.
	В млн. руб.	В % к 1926—27 г.	В млн. руб.	В % к 1926—27 г.	В % к пред.
1926—27	983	100	983	100	17,5
1927—28	1240	126	1158	117	15,6
1928—29	1420	145	1200	122	13,0
1929—30	1538	157	1230	125	13,3
1930—31	1675	171	1240	126	13,3
1931—32	1805	183	1253	128	11,4

Таблица показывает, что в новом проекте сумма капит. вложений повышена, при чем кривая капит. вложений приобрела слегка восходящий характер и в понижающихся ценах, а кривая прироста продукции не носит столь резко выраженного затухающего характера, как в «Персп. ориентировке». Тем не менее, и этот проект нуждается в дальнейшей разработке в целях более полного устранения недочетов и, в частности, обеспечения восходящего характера кривой роста продукции.

А. Слепков.

Как реагировала оппозиция на решения XV с'езда.

XV с'езд партии заявил, что принадлежность к троцкистской оппозиции несовместима с принадлежностью к ленинской партии, выводом из этого решения были: исключение с'ездом виднейших представителей оппозиционного блока из партии и исключение ячейками из партии тех оппозиционеров, которые отказались безоговорочно признать свои ошибки и правильность всех решений XV партийного с'езда.

Категоричность решения об'ясняется теми обстоятельствами, что 1) в своей критике идеологии и политики партии оппозиционеры не остановились перед ревизией программных положений большевизма и скатились в исходных пунктах своих политических построений к социал-демократизму; 2) в практике борьбы против партии оппозиционеры вступили на путь борьбы с режимом пролетарской диктатуры, пытаясь, по сути дела, проложить дорогу режиму буржуазной демократии.

Решения с'езда касательно оппозиции потребовали от каждого оппозиционера недвусмысленного ответа на вопрос: продолжать ли и углублять борьбу против партии, переходя в лагерь мелкобуржуазной контрреволюции, или безоговорочно отказаться от своих ошибочных взглядов и антипартийных действий и в процессе практической работы доказать свою готовность и способность бороться за коммунизм в рядах партии.

Виднейшие представители б. «ленинградской оппозиции», тт. Зиновьев и Каменев, выступили в печати с документом [1]), смысл которого заключается в их отказе от оппозиционной борьбы и от ряда существеннейших элементов оппозиционной идеологии.

Нет никакого сомнения в том, что в заявлении тт. Каменева и Зиновьева недостает необходимой отчеканенности и решительности в обобщениях и выводах, как недостает и более конкретных ответов на конкретные вопросы.

Конечно, нельзя относиться положительно к тому, что тт. Зиновьев и Каменев столь запоздали с этим заявлением; конечно, следует не забывать о том, что ошибки тт. Зиновьева и Каменева, поскольку ими обусловливалась напряженнейшая борьба оппозиции против партии, нанесли партии весьма существенный вред; конечно, отошедшим от оппозиции товарищам еще надо доказать на деле свой окончательный и всесторонний разрыв с идеологией и практикой оппозиции,—но нельзя не признать, как это признала редакция Ц. О., что представители б. «ленинградской» оппозиции «делают этим письмом решительный шаг, который облегчает возвращение в партию всех, стоящих на той же позиции».

---

[1]) См. их «Письмо в редакцию Ц. О.», «Правда», 27 января с. г.

* * *

Как и следовало ожидать, Троцкий со своим немногочисленным кругом сторонников не осмыслил антиреволюционности своей позиции и реагировал на решения XV с'езда так, как может реагировать только враг пролетарской диктатуры.

Свое отношение к решению XV с'езда он выразил в документе, который предназначен в качестве «путеводителя» для непримиримых троцкистов и носит название «На новом этапе». Троцкий, разумеется, «возмущен» «предательством» тт. Каменева и Зиновьева; он квалифицирует их поведение, как «факт совершенно небывалый в истории революционного движения, пожалуй, в истории политической борьбы вообще»; он утверждает, что это их поведение «содействует не сохранению единства партии, а ее деморализации»; он полагает, что отказ от оппозиционных взглядов означает «идеологическое оправдание» всех элементов «двурушничества, карьеризма, шкурничества» и т. д., и т. п.

Словом, блюститель «единства» партии и хранитель «ленинских заветов» обличает тех, которые отказались от поддержки его меньшевистского курса.

Курьезность картины становится еще более выразительной, если к этому добавить, что, в оценке Троцкого, «выступления немногочисленной оппозиции были последним историческим всплеском октябрьской волны» (!?).

До каких пределов слепоты может дойти «мессиански» настроенный «трагический одиночка», не понимающий, что он стал смешным!

Миллионы строителей социализма шагали в десятую годовщину Октябрьской революции, убежденные в правильности пути нашей партии, как никогда, а несколько сот человек, защищавших швабрами портреты экс-вождей, потонули в этом людском потоке, как нелепые пятнышки. Такова была картина. А Троцкий именно в этих нелепых пятнышках усмотрел «последний исторический всплеск октябрьской волны»!

Нет диктатуры рабочего класса, нет дисциплинированных масс пролетариата, нет партии, нет октябрьских завоеваний,—налицо только «последний исторический всплеск октябрьской волны», представленный сотней—другой оторвавшихся от масс и плененных меньшевистской идеологией одиночек.

Самое смешное заключается в том, что ведь все это говорится серьезным, прямо-таки мессианистским тоном, что этот, с позволения сказать, «анализ» прикрывается именем Ленина!

Когда знакомишься с этим документом Троцкого, то проникаешься глубочайшим убеждением в правильности тех предсказаний относительно троцкизма, которые имели место на последних партс'ездах и конференциях. При этом оправдались не только самые общие предсказания, но в очень короткий срок подтвердились все детали перспективы развития троцкистской оппозиции, детали, предсказанные представителями партии в целом.

На примере развития троцкистской оппозиции еще лишний раз блестяще подтвердилась правильность марксистского метода, которым пользуется партия при анализе политических явлений.

Когда на XV конференции партии троцкизм был охарактеризован, как антиленинский социал-демократический уклон, то это казалось кое кому из членов партии слишком сильно и, во всяком случае, слишком рано сказанным. Но один—два года развития троцкистской оппозиции доказали, что прогноз был абсолютно правилен, что слова были найдены верные.

Это блестяще доказывается рассматриваемым документом Троцкого.

В самом деле. Какую идеологию выплеснул «последний исторический всплеск октябрьской волны»?

Троцкий «защищал» интернационалиста Ленина против «национально-ограниченного» партийного руководства, выступая в таком вопросе, как вопрос о построении социализма в нашей стране, по сути дела, с оценками, тяготеющими к социал-демократическим оценкам.

Но никогда он не выражал своих взглядов в этой области с такой четкостью, как в рассматриваемом документе.

> «Конечно, — пишет он, — оппозиция не берется построить социализм в одной стране. Если исходить из того, что в течение ряда десятилетий империализм останется победоносным на Западе и Востоке, тогда чистейшим ребячеством было бы думать, что пролетариат в СССР мог бы удержать власть и построить социализм против победоносного мирового империализма».

Сравните это с тем, что писал Ленин в конспекте брошюры «О продналоге»:

> «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)»...

Разве Троцкий не выступает тут против Ленина в решающем пункте? Разве он не выдвигает здесь концепцию «левых» социал-демократов (вреднейшей породы социал-реформистов) против большевистской оценки решающего порядка? Партия предупреждала Троцкого, что подобная ошибка в таком вопросе неминуемо обяжет его к социал-демократическому решению вопросов о классовой природе советской власти, о динамике классовых отношений в нашей стране, о роли нашей партии в классовой борьбе и т. д. и т. п.

Разве основательность этого предупреждения не доказана ходом развития троцкистской оппозиции?

Троцкий бросил как-то в ходе фракционной борьбы фразу о «далеко непролетарском государстве». Эту фразу квалифицировали в партии как не случайную, это определение поставили в связь с другими троцкистскими оценками и установили, что при социал-демократическом решении вопроса о построении социализма в нашей стране такая квалификация вполне естественна.

Троцкий усердно налегал тогда на тот факт, что это определение взято из неправленной стенограмы, что ему «приписывают» мысль, которую он не хотел высказать. Что же мы имеем по этому поводу в последнем документе Троцкого?

> «То, что происходит,—пишет он,—это—сосредоточение власти в руках бюрократических органов, опирающихся на рабочий класс, но все более сдвигающихся в сторону мелкобуржуазных верхов города и деревни и частично переплетающихся с ними».

Итак, пролетарской диктатуры уже нет. Налицо только «бюрократические органы, опирающиеся на рабочий класс, но все более сдвигающиеся в сторону мелкобуржуазных верхов», и т. д.

Но ведь стоя на такой оценке, не трудно притти к такому выводу, что, скажем, покойное «рабочее» правительство Макдональда с «пролетарской» точки зрения, ничем не хуже советской власти! Разве «рабочее» правительство Макдональда не было «опирающимся на рабочий класс»?

Троцкий очень решительно расчищает себе дорогу к «левым» реформистам. Право, Отто Бауэр без всякого риска подпишется под этим определением Троцкого! Подпишется и облобызает!

Партия говорит о развертывании советского строительства, об «оживлении советов»; она добивается все более широкого вовлечения рабочих масс в управление государством, она возглавляет работу пролетарских масс по улучшению и совершенствованию своего государства, по устранению из него явлений бюрократического порядка, а Троцкий пытается обосновать необходимость активизации пролетариата против партии и против пролетарского государства. Троцкий понимает политическую активность пролетариата точь в точь так, как меньшевики.

Участие в советском строительстве, участие в строительстве социализма — это не активность; активность была бы в том случае, если бы рабочие боролись против советской власти (якобы и по меньшевикам и по Троцкому—не пролетарской), против партии.

> «Сейчас, — клевещет Троцкий,— идет отбор служилых и покорных. «Беспокойные» элементы оттираются и преследуются. Это ослабляет партию и класс в целом, разбронировывает его перед лицом врага. Таким образом, возрастающее давление буржуазных сил на рабочее государство (откуда оно взялось у Троцкого? *А. С.*) происходило до последнего времени без активного сопротивления основной массы пролетариата. Такое положение не может длиться вечно. Есть основания думать, что значительный интерес, проявленный беспартийной рабочей массой к партийной дискуссии перед XV с'ездом, как и явления, связанные с колдоговорной кампанией (Троцкий имеет в виду единичные конфликты, имевшие место в нескольких пунктах. *А. С.*), означают начало пробуждения интереса широких рабочих масс к основным политическим проблемам наших дней и пробуждение в них тревоги за судьбы пролетарской диктатуры. По мере дальнейшего роста активности пролетариата будет расти и спрос на оппозицию в рабочей среде...
>
> Вся острота положения состоит в том, что партийный режим тормозит и парализует активность пролетариата одновременно с тем, как официальная партийная теория успокаивает и усыпляет его».

«Защитник» ленинизма Троцкий, как и меньшевики, усмотрел опасность термидора в компартии и советском государстве [1]), а «борьба против опасности термидора есть классовая борьба»,— декларирует он в цитируемом документе.

Задача оппозиции,—по Троцкому,—заключается в «устранении двоевластия». Укрепление термидорианских элементов узаконивает это двоевластие.

> «Термидор, по самому существу своему, есть переходный режим, своего рода керенщина наизнанку. Керенщина 1917 г. прикрывала двоевластие, барахталась в нем и против своей воли помогла пролетариату вырвать власть у буржуазии. Термидорианский режим означал бы новое узаконение двоевластия с перевесом буржуазии и, опять-таки против собственного желания, помог бы буржуазии вырвать власть из рук пролетариата».

Партия узаконивает «элементы двоевластия»; она подготовляет господство термидорианского режима, аналогичного режиму Керенского.

---

[1]) Мы оставляем здесь в стороне всю путанную игру Троцкого с понятием «термидор».

Керенщина — это, как известно, преддверие к перевороту. Троцкий, «констатировавший» процесс термидорианского перерождения партии и советского руководства, об'являет себя пророком переворота против советского государства. Сказано «деликатно», но достаточно понятно.

«Философия» не менее радикальная, чем у меньшевистской группы «Рабочая Правда».

«Философия»—весьма «не вредная» с точки зрения меньшевизма.

Проследите сравнительно логическую цепочку оценок и установок у меньшевика и троцкиста.

Меньшевик: Построение социализма в такой отсталой стране, как Россия, невозможно.

Троцкист: Согласен с утверждением меньшевика.

Меньшевик: Советская власть не является формой пролетарского господства; советская власть выражает форму господства партийно-бюрократической клики, опирающейся на обманываемый пролетариат и эксплоатирующей этот пролетариат.

Троцкист «продвигается» к той же оценке: Советы—это «бюрократические органы, опирающиеся на рабочий класс, но все более сдвигающиеся в сторону мелкобуржуазных верхов города и деревни», и т. д.

Меньшевик: Большевики стоят у руководства советским государством благодаря пассивности пролетариата.

Троцкист: Существующий в СССР и идущий к термидору режим утвердился благодаря пассивности пролетариата за последние годы.

Меньшевик: Рост политической активности и сознательности пролетариата встречает на своем пути препятствие в виде большевистской партии с ее дисциплиной, организованностью, «аппаратом» и пр.

Троцкист: «Острота положения заключается в том, что партийный режим тормозит и парализует активность пролетариата».

Меньшевик: Бороться за повышение политической сознательности рабочих масс—это значит втягивать рабочих в борьбу против партийного и советского режима.

Троцкист: Активность — это то, что направлено против теперешней компартии, а пассивность — в участии в советском строительстве, вхождении в партию и т. д.

Меньшевик: Обеспечить политический рост рабочего класса нельзя без создания своей политической партии, без легализации этой и других партий и борьбы за уничтожение коммунистического руководства (хотя бы и с сохранением «советов»).

Троцкист: Надо бороться за свержение руководства теперешней коммунистической партии, проявляя максимальную и организованную активность. По мере сил организовать свою партию, не страшась «пугала двух партий».

> «Вопрос об одной или двух партиях—в материально-классовом, а не словесно-агитаторском смысле—решается именно тем,—пишет Троцкий,—удастся ли и в какой мере пробудить и мобилизовать силы сопротивления внутри партии и внутри пролетариата. Оппозиция может этого достигнуть только в том случае, если сама она будет проникнута пониманием всей глубины развертывающихся классовых процессов, если она не даст себя застращивать пугалом двух партий и шарлатанством насчет «троцкизма».

Картина до-нельзя ясная. Троцкизм выступает разновидностью меньшевизма. Направление удара и у классического меньшевика и у троцкиста одно и то же.

У Троцкого остается только один псевдо-аргумент против квалификации его как меньшевика: меньшевики-де, борются в конечном счете за буржуазную демократию, а троцкисты—за чистопробную пролетарскую диктатуру.

Но, во-первых, рассматриваемая теоретически, троцкистская «диктатура» не имеет ничего общего с ленинской диктатурой пролетариата, принципом которой является руководство большевизма, принципиально исключающего троцкизм.

Во-вторых, фразой о диктатуре Троцкий прикрывает свой реальный курс на борьбу против режима исторически и единственно данной пролетарской диктатуры за режим, обеспечивающий легальную борьбу «различных социалистических течений».

Подобной «стратегии» не чужды и Бауэры всех стран. Они не чураются того, что даже в программу социал-реформистской партии вносят пункт о том, что в определенных исторических условиях они принципиально не против диктатуры, а на деле травят коммунистов, укрепляют буржуазную демократию и требуют «демократизации» советского режима, т.-е. ликвидации реально данной пролетарской диктатуры.

В-третьих, решающим является тот факт, что, прикрываясь радикальной фразеологией, Троцкий становится в один ряд с буржуазными и мелкобуржуазными врагами пролетарской диктатуры, выдвигая, как главнейшую задачу текущего исторического периода борьбу за ликвидацию монопольного руководства государством реально данной большевистской партии, партии Ленина.

В этом суть дела.

Когда в Кронштадте вспыхнуло восстание против режима пролетарской диктатуры, то враги коммунизма, начиная от анархистов, левых эсэров и кончая правыми эсэрами, меньшевиками и к.-д.,—стремились раздуть это восстание во всероссийскую Вандею, трогательно об'единившись под лозунгом: «Советы без коммунистов». При этом «социалисты» раз'ясняли, что в случае победы, они поведут политику, принципиально отличную от милюковской и прочее. А суть дела заключалась в том, что лозунг: «Советы без коммунистов» об'единил все антисоветские элементы, потому что ликвидация коммунистического руководства советами означала бы смерть пролетарской диктатуры.

> «Свыше полусотни заграничных белогвардейских газет,—отмечал в брошюре «О продналоге» Ленин [1]),—развивают бешеную по энергии кампанию «за Кронштадт»... Умный вождь буржуазии и помещиков, кадет Милюков, терпеливо раз'ясняет дурачку Виктору Чернову прямо (а сидящим в Питерской тюрьме по их связи с Кронштадтом меньшевикам Дану и Рожкову косвенно), что не к чему торопиться с Учредилкой, что можно и должно высказаться за советскую власть—только без большевиков».

Троцкий «полевее» Черновых и ему подобных. Он, умевший сражаться против мелкобуржуазной контрреволюции в годы гражданской войны, в своей фразеологии сохранил тень «ненависти» к этой мелкобуржуазной контрреволюции. Но вместе с тем, по существу дела, он делает шаг за шагом в направлении к воинствующему против пролетарской диктатуры меньшевизму.

Он склоняется к лозунгу борьбы против монопольного руководства советами реально данной и единственно пролетарской компартии, он «за

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 229.

советскую систему», но... без теперешнего партийного руководства, линия которого есть линия всей партии, воля которого выражает волю более чем миллионной компартии, растущее доверие к которой было столь ярко демонстрировано во время, совпавшее с исключением оппозиции из партии, заявлением более чем ста тысяч рабочих о приеме их в ряды ВКП.

«Последним историческим всплеском октябрьской волны» Троцкий назвал то, что является мутными брызгами ликвидаторства и отступничества от пролетарской революции.

* * *

Но Троцкий напрасно кичится своей «левизной»: «левей» его стоит «громче всех крикун» Сапронов.

В своих последних выступлениях нелегального порядка, в своей последней «платформе»: «Рабочий путь к власти».—он прежде всего критикует троцкистов «слева».

«Неудачные дворцовые переворотчики», опирающиеся «на свои давнишние, но незначительные троцкистские кадры и на вузовскую, больше всего зеленую, не рабочую молодежь»,—так квалифицирует Сапронов троцкистов.

> «Троцкистская оппозиция и потом об'единенная оппозиция,—пишет он,—вела свою борьбу обособленно от рабочего класса и скрывала ее от него. Основной задачей этой борьбы она ставила захват руководства, власти. Вместе с тем троцкистско-зиновьевская оппозиция боялась рабочего класса и надеялась осуществить завоевание власти своими силами и только внутрипартийным путем».

Нет спору,—троцкистскую оппозицию нельзя упрекнуть в понимании рабочих масс и в близости к этим массам. Но ведь почитаешь Сапронова, так прямо диву даешься: говорит этот меньшевистский демагог самого низшего пошиба так, как-будто у него миллионы рабочих в кармане, а ведь сторонников-то у него всего полтора человека! Но к такому политическому типу, каким является Сапронов, еще труднее подходить с «обычными масштабами», чем к Троцкому: «громче всех крикун» не знает граней в своем ликвидаторском бесстыдстве. Он источает ругань, клевету [1]), оппортунистичнейшие лозунги и безграмотнейшие «афоризмы» с видом признанного вождя и идеолога рабочих масс, он «аргументирует» по преимуществу ложью и политической матершиной. Мы избавляем читателя от стилистических «красот» Сапронова и приводим только его важнейшие «тезисы» и «лозунги».

[1]) Автор настоящих строк в течение очень долгого времени находился и находится под клеветническим обстрелом ренегатских сплетников. Авторы оппозиционных листовок, Сапронов, «Социалистический Вестник», «Последние Новости», орган Маслова «Die Fahne des Kommunismus» и т. д. чудовищно клевещут на меня, полагая, что это в какой-нибудь мере помогает им разрешать задачу компрометации нашего партийного режима.

В анализируемой платформе Сапронов не забыл отдать дань этой клевете.

«Красный» профессор Слепков,—пишет он,—когда мы дрались на фронтах с белогвардейцами в 1918 г., он в это самое время раз'езжал по городам и организовывал белогвардейцев в кадетскую партию. Теперь он—правая рука Сталина и Бухарина, пишет в «Правде» и «Большевике» громкие статьи «за» ленинизм против оппозиции и так же раз'езжает и организует в пролетарских центрах сталинский аппарат для разгрома оппозиции и всех оппозиционных рабочих».

Во-первых, Слепков сидел в 1918 году в оккупированной белыми Латвии в тюрьме за пропаганду большевизма и организацию «преступного сообщества для свержения существующей власти», был под угрозой расстрела и избежал последнего только благодаря германской революции (был выпущен из тюрьмы немецким советом солдатских депутатов).

«Наша партия давно перестала быть пролетарской», «давно перестала отражать интересы рабочего класса»,—таков один «тезис» Сапронова, выдвигаемый им без тени какого бы то ни было доказательства

В Советском Союзе, оказывается, «вместо диктатуры класса есть только прикрытие временной диктатуры кучки лиц».

Это «определение» *буквально* совпадает с определением К. Каутского [1]), утверждающего, что «диктатура пролетариата» в России на деле является диктатурой лиц.

Солидаризируясь с Каутским, Сапронов решительно выступает против Ленина.

Он заявляет, что диктатура пролетариата «споткнулась», «когда на IX и X с'ездах партии в 1920—21 гг. управление рабочего класса государством и хозяйством, господство пролетариата—было заменено начальническим, бюрократическим управлением и в дальнейшем — господством бюрократии».

Но ведь каждому известно, что на этих с'ездах именно Ленин решительно выступал против Сапронова и представляемых им идей, что именно Ленин провел на X с'езде резолюцию об анархо-синдикализме, позиции которого Сапронов пытается теперь «защитить» в своей «платформе».

Выступая на X с'езде партии по поводу платформы Сапронова, Ленин заявил, что тезисы Сапронова «*содержат чудовищные принципиальные неверности*». Ленин указал далее, в *чем* заключается *главная* неверность.

> «*Отношение класса к устройству государства*, — говорит Ленин о тезисах *Сапронова*, — *я считаю в корне неверным и тащащим нас назад*».

Ленин подчеркивал тот факт, что сторонники точки зрения Сапронова «дают некоторое знамя, некоторое оправдание худшим элементам» [2]).

Защищая свою позицию на X партийном с'езде, Сапронов *прямо* выступает с ревизией ленинизма в существеннейшем вопросе об отношении пролетариата к государству и защищает взгляды, которые, по определению Ленина, «содержат *чудовищные принципиальные неверности*»

Говорите после этого, что Сапронов не ленинец!

Сапронов не приемлет существующей у нас диктатуры пролетариата: он считает, что ее нет; он выбрасывает в СССР, в тесном согласии с меньшевиками, лозунг «борьбы рабочего класса за власть».

Ошибочно полагать, однако, что Сапронов, призывающий к свержению данной пролетарской диктатуры, хотя бы в теории стоял за какую-то иную пролетарскую диктатуру.

Сапронов теперь еще больше, чем когда бы то ни было, не понимает «отношения класса к устройству государства».

Во-вторых, Слепков *никогда* не раз'езжал по городам и не организовывал белогвардейцев, равным образом как *никогда* не был членом никакой партии, кроме большевистской.

Слепков виноват в том, что, имея 17 лет от роду, на школьной парте, живя в провинциальном городишке, не прочитав ни одной книги о марксизме, он высказывал в ученических кружках сомнения по поводу совместимости социализма и «свободы личности» и т. п. глупости.

Большевиком я не родился, глупости говорил, но думаю, что этот грех мне можно простить... Чудовищная клевета Сапронова, «Соцвестника», «Последних Новостей» и «ультра-левых» ренегатов унижает только авторов этой клеветы. Клевета гнусна по своей природе. Но нет ничего гнуснее, чем клевета ренегата.

[1]) См. «Уроки октябрьского эксперимента» в органе германской с.-д. «Die Gesellschaft», 1925 г., т. I, стр 379.

[2]) Собрание сочинений, т. XVII, ст. 81.

Поскольку анархо-синдикалистские мотивы Сапронова получили в свое время отпор со стороны Ленина, Сапронов и теперь предвидит, что отпор ему будет даваться в первую очередь по той линии, по которой его критиковал Ленин.

> «Мы заранее предупреждаем читателя,—предусмотрительно замечает Сапронов,—что армия сталинско-бухаринских писак будет за все сказанное обвинять нас в анархо-синдикализме».

Эта предусмотрительность оказалась по силам даже Сапронову: можно ли это не предугадать, если еще на X с'езде Ленин вскрыл «чудовищную» ошибку Сапронова, повторяемую ныне в платформе меньшевиствующего «защитника» рабочих?

Нынешняя программа Сапронова заключает все его прежние ошибки, плюс ошибки Шляпникова и др. представителей «рабочей оппозиции».

Во-первых, Сапронов повторяет ошибку Мясникова, требуя свободы устной и печатной агитации для всех рабочих «от анархиста до монархиста», ибо как можно на одиннадцатом году советской власти понимать требование «осуществить» для всех рабочих «полное право свободно, устно и письменно, говорить, обсуждать, критиковать партийные, советские и профессиональные органы и организации»?

> «Свобода печати в РСФСР,—раз'яснял Ленин Мясникову [1]), — окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг — меньшевиков и эсэров».

Во-вторых, Сапронов защищает анархо-синдикалистскую позицию в вопросе об управлении производством *помимо* диктатуры рабочего класса.

Он защищает право

> «свободно самим по фабрикам и заводам организованно разрешать все свои нужды, самим через свои, тайным голосованием избираемые и переизбираемые рабочими, дирекции управлять фабриками, заводами, трестами, синдикатами».

Именно против подобного анархо-синдикалистского «плана» выступал Ленин в дискуссии о профсоцзах [2]):

> «*Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам*,—говорил он,—*управление отраслями промышленности* («*главки и центры*»), *уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством*».

Весь документ Сапронова есть крик «взбунтовавшегося мелкого буржуа» против режима пролетарской диктатуры, против партии, против ее дисциплины.

Партия не руководит «проглоченной» Сапроновым диктатурой, а фигурирует в рассматриваемой ренегатской «платформе» как об'единение с неизвестными функциями, если не считать единственной функции, на которую указывает Сапронов и которая заключается в выборах «тайным голосованием всех ее работников—от технического секретаря ячейки, пропагандиста и организатора до секретарей комитетов и их аппаратов и до ЦК партии со всем его аппаратом включительно».

Централизм исключается принципиально. Повторяя неоднократно критикуемую Лениным ошибку незрелых политиков, еще не понявших комму-

---

[1]) Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 1, стр. 339.

[2]) Там же, ст. 34.

низма, Сапронов противопоставляет аппарат партии и даже выступает с принципиальным лозунгом: «Долой вождей!» Надо,—утверждает он,—«не создавать впредь вождей, а руководствоваться коллективной волей партии».

«Люди,—писал Ленин в «Детской болезни «левизны» [1],—тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы, что противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии,—что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями... Договориться... до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость. Особенно забавно, что на деле-то вместо старых вождей, которые держатся общечеловеческих взглядов на простые вещи, на деле выдвигают (под прикрытием лозунга: «Долой вождей!») новых вождей, которые говорят сверхестественную чепуху и путаницу».

Подытоживая критику оппозиционной путаницы, Ленин писал:

«Отрицание партийности и партийной дисциплины,—вот что получилось у оппозиции. А это равносильно полному разоружению пролетариата в пользу буржуазии».

Мы привели ряд цитат Ленина для того, чтобы доказать, что оппозиционеры-«последыши» прямо и недвусмысленно выступают против Ленина.

Само собою разумеется, что мы ни в коей мере не хотим сказать, что с Сапроновым еще можно говорить так, как с представителями немецкой «левой» в 1920 году.

Сапронов—идеолог мелкобуржуазной контрреволюции, хотя и без армии; Сапронов—мелкобуржуазный повстанец против пролетарской диктатуры, руководимой партией Ленина.

Когда анархо-синдикалист выступает против буржуазного государства, он еще может играть относительно революционную роль.

Когда анархо-синдикалист, помноженный на меньшевика, выступает против пролетарской диктатуры, он—контрреволюционер.

Ленин указывал, что оппозиционные идеологи, выступая под прикрытием лозунга: «Долой вождей!», по сути дела, борются за выдвижение своих, новых вождей антимарксистского типа.

Борясь против пролетарской диктатуры, Сапроновы об'ективно становятся на путь борьбы за новую диктатуру антипролетарского типа. В этом—суть дела.

К счастью, Сапронов—одиночка.

Массы, на которые он опирается, существуют только в его сознании.

Да и как могло быть иначе, если в платформе Сапронова нет ни советской власти (нигде!), ни смычки рабочего класса с крестьянством, ни социализма! Таков «ленинизм» Сапронова.

---

[1]) Собр. сочинений, т. XVII, стр. 133—135.

* *

И троцкисты и сапроновцы, бросившиеся в бой против партии с большими надеждами, оказались «у разбитого корыта». К массам они не приблизились, зато приблизились к меньшевизму.

Столь же плачевны, как нынешние «балансы», и перспективы троцкистов и сапроновцев в рабочем движении СССР.

Опасность со стороны новых ренегатов наиболее вероятна по линии международного рабочего движения.

XV с'езд партии констатировал процесс полевения рабочих масс в ряде капиталистических стран, не говоря уже о странах колониальных (напр., Китай).

Главным политическим «водоразделом» в процессе размежевания рабочих масс, главным вопросом, вокруг которого происходит и обостряется теперь борьба между коммунизмом и оппортунизмом, является вопрос об отношении к СССР.

Рост СССР, успехи политического строительства, улучшение материального положения трудящихся масс, и в первую очередь пролетариата, втягивание масс в советское строительство,—все это в значительной мере определяет успехи коммунизма в мировом рабочем движении. Борьба вокруг СССР стала стержнем борьбы политических партий.

И именно в силу того, что рост симпатий к СССР в рабочих массах капиталистических стран является несомненным фактом; именно в силу того, что этот рост симпатий является фактором революционизирования рабочих масс и высвобождения их из-под влияния реформизма; именно в силу того, что успехи СССР все больше рассматриваются международным пролетариатом, как практическое подтверждение правильности идей революционного марксизма и неправильности и предательского характера идеологии оппортунизма,—именно в силу этого переживаемая нами полоса характеризуется небывалой по своему напряжению и гнусности кампанией реформистов против СССР, против ВКП(б), против Коммунистического Интернационала, члены которого считают СССР своим «социалистическим отечеством».

Для того, чтобы завербовать рабочие массы под знамена «промышленного мира» и «хозяйственной демократии», для того, чтобы убедить массы в необходимости сотрудничества с капиталом и поддержки капиталистической рационализации, проводимой за счет рабочего класса, социал-реформисты должны «доказать» рабочим, что путь революционного преодоления экономической системы невозможен, что опыт СССР не говорит в пользу революционных методов борьбы с капитализмом.

В этом свете понятно, почему меньшевики всех стран пытаются столь упорно скомпрометировать наши социалистические методы хозяйствования, наши достижения в области социалистического строительства, пытаются «очернить» социалистический сектор хозяйства СССР. У нас-де, нет социализма ни в какой области, наши госпредприятия не являются предприятиями «последовательно-социалистического типа», наше промышленное строительство основано на эксплоатации пролетариата, капитал становится в СССР все более решающей силой и т. д. Таковы мотивы социал-реформизма в этой области.

С другой стороны, социал-реформисты в стремлении обеспечить со стороны пролетариата поддержку буржуазной демократии пытаются скомпрометировать режим пролетарской диктатуры, «доказать», что советская власть не является формой господства пролетариата, что в СССР господствует не рабочий класс, а привилегированная кучка партийных и советских борократов, все более решительно вступающих на путь эксплоататорской

политики, что советский режим, по сравнению с буржуазной демократией, является реакционным режимом, унаследовавшим худшие черты самодержавия, и т. д. и т. п.

Наконец, «характеризуя» внешнюю политику советского государства, реформисты тщатся изобразить эту политику не как интернационалистскую, а как политику, диктуемую «национальными» интересами правящих групп СССР, как своеобразное «продолжение» политики самодержавия. Сплошь и рядом социал-демократы подлейшим образом изображают дело так, что определяющим фактором военной опасности в текущий исторический период является не политика империалистических государств, а выдуманный ими «советский империализм».

Левеющий рабочий, освобождающийся от влияния реформизма, должен прежде всего преодолеть и отбросить в сторону эти клеветнические вымыслы социал-империалистов.

Только перешагнув через них, вернее, растоптав их, он может перейти на сторону коммунизма.

Необходимо отметить при этом, что идеология официальных, откровенно антисоветских социал-реформистов у левеющих рабочих пользуется все меньшим кредитом.

Грубая подтасовка откровенных дельцов оппортунизма, бравирующих своим явным социал-предательством, отнюдь не возбуждает у левеющих рабочих симпатий к реформизму и антипатий к коммунизму. Большее влияние на эти слои рабочих имеют «левые» фразеры реформистского лагеря, вуалирующие свою травлю против СССР, против коммунизма, против Коминтерна лицемерными разговорами об условной поддержке СССР и т. д.

Если учесть это обстоятельство, то нужно сказать прямо, что с точки зрения борьбы за левеющие массы рабочих (а эта борьба является центральной задачей Коминтерна в текущий период), «левые» социал-реформисты являются главнейшими и опаснейшими противниками коммунистов. «Левые» являются барьером, стоящим на пути левеющих рабочих масс к большевизму. В этом особенность положения, особенность, которую нельзя игнорировать ни в коем случае. А «левые» социал-реформисты в своей борьбе против коммунизма идейно опираются и еще больше будут опираться на оппозиционеров троцкистского толка, на ренегатов, так недавно еще бывших в рядах коммунистов, на ренегатов, еще вчера имевших в карманах билеты членов коммунистической партии, на ренегатов, чья клевета на СССР, ВКП(б) и Коминтерн может оказывать более вредное влияние, чем клевета старых, явных оппортунистов.

Контрреволюционная роль современных троцкистов, как и ренегатов типа Сапронова, заключается именно в том, что они находятся об'ективно в идейном согласии с «левыми» социал-демократами в оценках, играющих решающую роль в международном рабочем движении.

Троцкисты помогают «левым» реформистам обманывать рабочие массы, утверждая, что СССР ведет не социалистическую политику, что наш строй основан на эксплоатации рабочего и т. д.

Троцкисты помогают «левым» реформистам обманывать рабочих, когда они (троцкисты) клевещут на СССР, утверждая, что наша советская власть—это не форма пролетарской диктатуры, а форма господства партийно-советской бюрократии, все более решительно вступающей на путь буржуазной политики. Троцкисты помогают реформизму, когда они пускают клевету о «национально-ограниченном» характере внешней политики СССР.

Троцкисты—по своей об'ективной роли—все больше становятся «левыми» социал-демократами, являющимися в нашей борьбе за левеющие рабочие массы опаснейшими врагами коммунизма.

Чрезвычайно характерно, что все оппозиционные организации, состоящие из ренегатов, ведущие борьбу с Коминтерном и поддерживавшие оппозиционный блок в ВКП(б),—перед лицом развала оппозиции решительно осуждают «измену» тт. Каменева и Зиновьева и признают гегемонию троцкизма.

Троцкизм вновь вступил на путь «обоснования» и создания антибольшевистского блока типа «августовского блока» в международном масштабе.

Коминтерн примет все меры к тому, чтобы идейно и практически добить троцкизм: этого требуют интересы пролетарской революции.

М. Анисимов.

Классовая политика партии в деревне и машиноснабжение.

В области машиноснабжения деревни в ряде районов были допущены значительные искривления классовой линии партии. Однако, здесь, на этом важнейшем участке хозяйственной смычки города с деревней, подсчитывая не только минусы (как это делает оппозиция), но и плюсы, мы, при подведении баланса, безусловно, получим огромные достижения. Значение достижений, имеющихся в данной области, становится особенно заметным, если вспомнить общеизвестную техническую отсталость нашего сельского хозяйства. Вот пара цифр из этой области: на 1 занятого в сельском хозяйстве работника приходится с.-х. инвентаря: в С. Америке на 345 руб., Германии —130 руб., а у нас—15 руб. [1]).

По данным ЦСУ за 1926 г., безынвентарных крестьянских хозяйств по РСФСР было 40,3%, с колебаниями по отдельным районам от 14% до 78% (Северный Кавказ—56,7%, Сибирь—33,4% и проч.).

Так как для каждого ясно, что на деревянной сохе социалистического земледелия не построишь,—приведенные цифры во весь рост ставят перед нами гигантскую задачу социалистической машинизации крестьянского хозяйства—подведения под него современной технической базы.

Подходя к оценке деревенской политики партии с этой важнейшей стороны, мы, прежде всего, должны отметить громаднейшие достижения в машиностроении. Достаточно сказать, что производство наших заводов с.-х. машин достигает в настоящее время 200% от рекордной довоенной цифры (53 млн. руб.) 1913 г. Если за 1 год десятилетия 1904—1914 гг. производилось с.-х. машин, в среднем, на 36 млн. руб., то за 1 год четырехлетия 1924—1927 гг. их производится на 54 млн. руб.

Не меньшие достижения имеются в качестве работы этих заводов: выработка на одного рабочего уже в 1924, 1925 гг. превышала довоенную норму (2.380 руб. вместо 2.125 р.); качество машин с каждым годом улучшается и по ряду заводов уже не уступает довоенному и импортному товару. Еще большие достижения есть в концентрации, а значит, в социалистической рационализации с.-х. машиностроения.

Годы	Количество заводов	Сумма производства в милл. руб.
1913	921	53
1927/28	45	больше 100

Приведенные цифры лучше десятка брошюр обосновывают реальность ведущей роли промышленности по отношению к сельскому хозяйству в интересующей нас области.

[1]) «Планов. Хоз.» № 8, стр. 37.

Эти крупные достижения с.-х. машиностроения создают реальную предпосылку для освобождения СССР от зависимости со стороны зарубежных капиталистов в части с.-х. машин, что подтверждается следующими цифрами:

Годы	Внутрен. производ. с.-х. машин в тыс. руб.	Импорт	
		В тыс. руб.	В %% к внутрен. производству
1910 год	41.000	42.075	102,6
1913	53.026	42.929	81,0
1925	39.899	22.745	57,2
1926	70.001	34.658	49,7
1927	89.068	2.200	24,6

Внимательное рассмотрение этой таблички приводит нас к следующим выводам:

1) Советское правительство, несмотря на тяжелое наследие империалистической и гражданской войны, начавши восстановление с.-х. машиностроения почти с нуля, уже в 1925 г. перегнало царскую Россию в количестве с.-х. машин, направляемых в деревню. Это говорит не только о строительной энергии победоносного рабочего класса СССР, восстанавливающего свое с.-х. машиностроение,—это говорит и о быстром в результате аграрной революции расширении рынка, о росте покупательной способности бедняцко-середняцких слоев крестьянства, как главной массы покупателей с.-х. машин.

2) До революции импорт составлял в несколько раз бо́льший удельный вес в планах машиноснабжения. Соотношение направленных в деревню с.-х. машин внутреннего производства и импортных в 1927 г. стало уже прямо противоположно: русская и заграничная машина как бы поменялись местами. И в этом нельзя не видеть отражения классовой политики советской власти, взявшей твердый курс на постепенное освобождение от кабальной зависимости со стороны западно-европейских и американских капиталистов.

Кстати подчеркнем, что, по имеющимся подсчетам, помещикам и архикулацкой верхушке деревни, составлявшей около 1% хозяйств, предназначалось в довоенное время, в среднем, 36—37% импорта с.-х. машин.

Переходя к снабжению деревни машиной, прежде всего, запомним, что в итоге прошлой работы в 1926—27 году деревня получила 130%, а в 1927—28 году получает около 146% с.-х. машин, по сравнению с 1913 г.

Простое сопоставление роста с.-х. машиноснабжения и посевных площадей к 1926—27 г. приводит нас к выводу, что рост посевной площади отстал от роста количества машин, купленных деревней.

Отмечая, кроме того, что рост затрат крестьянства на с.-х. инвентарь обогнал также довоенные нормы (до войны из расчета на 1 дес. крестьянство тратило на с.-х. инвентарь 1 р. 08 к., в 1926 г—1 р. 20 к.), мы, однако, должны сказать, что голод в деревне на с.-х. машины еще далек от удовлетворения; приблизительные подсчеты позволяют определить наличие инвентаря в современной деревне в 850—900 млн р. Так как довоенная его наличность в сельском хозяйстве определялась в 1 миллиард руб., то довоенной насыщенности с.-х инвентарем сельское хозяйство достигнет, примерно, в ближайшие два года. Убыль с.-х. инвентаря в сельском хозяйстве за годы

империалистической и гражданской войны была настолько велика, что даже беспримерный по темпу рост с.-х. машиноснабжения за последние годы не мог еще целиком восполнить его катастрофическую убыль к 1922—23 году.

Для полноты картины снабжения деревни машиной совершенно необходимо упомянуть еще о тракторах.

В довоенное время последние были редким явлением и в культурных помещичьих хозяйствах. Крестьянская же деревня трактора не знала. Теперь мы можем отметить, как достижение революции, более 28.000 тракторов, ввезенных за последние годы и давших сельскому хозяйству сотни тысяч лошадиных сил механической энергии. Если принять во внимание агротехническое значение, а также роль трактора в области производственного кооперирования крестьянства, то значение достигнутых успехов тракторизации повышается еще больше.

К решению грандиозной задачи машинизации и перестройки нашего сельского хозяйства мы должны подходить с точки зрения классовой оценки поставленной перед нами задачи — из интересов рабочего класса, его опоры—бедняка и руководимого им союзника—середняка. Кому мы будем давать машину в кредит, чей труд и как мы будем облегчать, чье, таким образом, хозяйство будем машинизировать и поднимать,—все это вопросы, без правильного решения которых нельзя правильно, в интересах социализма решить проблему. Так и только так ставили и ставят этот вопрос партия и советская власть.

О сравнительном снабжении классовых прослоек деревни дают представление следующие данные Льноцентра (обследование 4.789 хозяйств 1925 — 26 года): бедняцкая группа приобретает через т-ва на 39 руб. (19,5% всех своих закупок), середняцкая — на 50 руб. (25%) и зажиточная—на 80 руб. (24,1%). Следовательно, по этим неполным данным, около 75% закупок проходит мимо кредитных с.-х. т-в, и кооператив обслуживает относительно больше середняцкую и зажиточную группу населения. Это подтверждается теми же данными о продаже по кооперативу в целом: оказывается, что 73,9% своего оборота обследованные т-ва делают с середняком, 17,3%—с бедняком и 8,8%—с зажиточным.

Не имея массовых наблюдений за последние два года, по разрозненным сведениям инструкторского обследования можно утверждать о значительном здесь улучшении. Для характеристики направления машиноснабжения приведем следующую табличку (выборочных обследований):

Группы крестьянства.	Сибирь		Крым		Бур.-Монг.		Вятская г.		Вологодск. г. Каргопол. у.	
	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи	Хоз. в группе к общ. числу хозяйств	Продан. груп. с.-х. маш. к общ. сумме продажи
	В процентах									
Бедняки	42,9	32,0	52,5	17,7	46,8	42,9	44,0	19,8	99,6	99,4
Середняки	48,3	58,0	34,7	40,2	43,7	48,5	49,8	58,1		
Зажиточные	8,8	10,0	12,8	42,1	9,5	8,6	6,2	22,1	0,4	0,6
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

На основании этих разрозненных материалов за 1925—26 год можно наметить следующие общие всем районам тенденции: середняцкая группа получила с.-х. инвентаря не меньше, а нередко и больше ее удельного веса в населении; бедняцкая группа, как правило, получает инвентаря значительно меньше, по сравнению с тем, на что она может рассчитывать, и зажиточная получила с.-х. инвентаря, за счет бедняка, значительно больше своего удельного веса в населении.

Данные о распределении по социальным группам отдельных видов машин говорят следующее: группе хозяйств, имеющих до 10 дес. посева, продано:

	Плугов	Сеялок	Убор. маш.	Молотилок
	В процентах			
По Сев. Кавказу	80,5	77,9	58,6	—
По Сибири	82,9	33,8	62,0	60,6

Следовательно, при своем удельном весе в населении в 16,2% (по Сибири меньше), верхушечная по посевности группа купила около 20% плугов и около 40% уборочных машин и молотилок, получая тем самым широкую возможность эксплоатировать окружающую ее безынвентарную бедноту.

Классовое содержание снабжения в значительной мере определяется направлением специальных кредитов. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о распределении ссуд по классовым прослойкам деревни не могут нас удовлетворить. Вот эти цифры:

Районы.	Беднякам: Получено ссуд в %% — Всего	Беднякам: Получено ссуд в %% — На покупку с.-х. машин	Беднякам: Средний размер ссуд на с.-х. машины в руб.	Середнякам: Получено ссуд в %% — Всего	Середнякам: Получено ссуд в %% — На покупку с.-х. машин	Середнякам: Средний размер ссуд на с.-х. машины в руб.	Зажиточным: Получено ссуд в %% — Всего	Зажиточным: Получено ссуд в %% — На покупку с.-х. машин	Зажиточным: Средний размер ссуды на с.-х. машины в руб.
Сибирь (237 т-в)	44,9	29,8	—	50,4	63,0	—	4,7	7,2	—
Урал (29 т-в)	66,0	44,9	57	32,6	53,3	96	1,4	1,8	127
Ниж. губ. (6 т-в)	51,5	26,6	22	44,5	60,8	33	4,0	12,6	63
Орлов. губ. (8 т-в)	23,6	15,7	—	57,1	66,0	—	19,3	18,3	—

Данные о распределении кредитов, таким образом, подтверждают уже сделанные выше выводы об удовлетворительном обслуживании середняка, как правило, непропорциональном обслуживании зажиточных и недостаточном обслуживании бедняка, даже по сравнению с обслуживанием ссудами вообще, а мы знаем, что и это обслуживание имеет из'яны.

О неправильном уклоне в кредитовании машиноснабжения свидетельствует и графа о среднем размере ссуды на с.-х. машины по группам: как правило, размер ссуды, полученной зажиточным, вдвое и втрое больше ссуды бедняку. Таким образом, при всем несовершенстве приводимого цифрового материала все же можно констатировать тенденцию лучшего обслуживания кредитом (1925—26 год) более состоятельных слоев.

Сбросивши с деревни столетний гнет феодальных пережитков, экспроприировав помещиков и кулаков, «раскулачивши» деревню, Октябрьская

революция тем самым произвела резкие изменения на рынке потребителей с.-х. машин, сделавши главным потребителем сельскохозяйственных машин середняка и бедняка.

Положение последних, почти монополистов на рынке с.-х. машин, обусловливается двумя фактами: а) бедняцко-середняцкая группа получила от революции за счет помещиков и кулацкой верхушки ок. 100 млн. гектаров земли и б) классовая политика советской власти в машиноснабжении сильно облегчает покупку машины бедняком и середняком (кредит) и затрудняет ее приобретение кулаком. Таким образом, почти монопольным потребителем с.-х. машин, не считая общественных и государственных организаций, стали широкие массы крестьянства, которые начали после введения нэпа вновь расслаиваться. Не отвлекаясь экскурсиями в дореволюционное прошлое, приведем лишь одну табличку, характеризующую происшедшую нивелировку потребителя с.-х. машин за последние годы [1]):

Группы хоз. по посеву.	Процент хозяйств		
	До войны	1922 г.	1926 г.
Без посева	12,6	4,1	4,5
С посевом до 4 дес.	—	81,1	66,8
" " от 4 до 8 дес.	72,5	13,2	22,7
" " " 8 " 13 "	11,2	1,4	5,2
" " свыше 13 "	3,7	0,2	0,8

Сопоставление довоенной группировки крестьянства (по посевности) с 1922 и 1926 г. обнаруживает резкое количественное уменьшение, по сравнению с довоенным,—обоих крайних групп и сильный рост средних: группа посевщиков до 8 десятин возросла с 72,5 до 89,5%. В применении к нашей теме это означает нивелировку в структуре снабженческого рынка путем значительного увеличения числа покупателей с.-х. машин, за счет бедняка и середняка.

Однако, при наличии бесспорной нивелировки покупателя машин, при большой поддержке государства бедняку, все же обеспеченность с.-х. инвентарем (особенно сложным) зажиточных слоев еще значительно выше бедняцких, о чем говорят хотя бы следующие цифры:

Группы по раб. скоту	% к общ. числу хозяйств	Распред. с.-х. инвентаря по группам		
		Плуги	Сеялки	Жатки
Без рабочего скота	23,2	6,7	—	4,0
С 1 головой	61,9	67,9	42,8	33,5
" 2 "	13,7	23,2	35,7	48,5
" 3 и больше	1,1	2,3	21,4	14,0

Говоря о структуре пореволюционного снабженческого рынка, мы должны указать на достаточно выросшего за последние годы нового,

[1]) Довоен. данные взяты из книги проф. Огановского, для 1922—26 гг.—данные ЦСУ.

коллективного покупателя машин — специальные машиноиспользующие кооперативы (машинные т-ва, т-ва по совместной обработке земли, коммуны и проч.), которые являются сравнительно крупным потребителем усовершенствованных средств производства.

По приблизительным подсчетам Колхозцентра потребность колхозов РСФСР в с.-х. машинах на 1927—28 год определяется цифрой в 10 млн. руб., а вместе с машинными т-вами и значительно больше.

Кроме колхозов, новым потребителем средств с.-х. производства являются совхозы, у которых прирост мертвого инвентаря (с.-х. машины, тракторы и проч.) за 1926 год достиг 2 миллионов руб. Удельный вес бедноты в покупке инвентаря от дореволюционного нуля (в результате помощи государственного кредита) поднялся до значительной высоты (15—45%), продолжая неуклонно возрастать.

Таким образом, при всех недочетах в социальном содержании работы по машиноснабжению, бедняцко-коллективный сектор покупателей с.-х. машин, по приведенным выше расчетам, занимает около 40% сбыта машин, а если сюда прибавить машины, купленные середняком (в среднем 45—60%), то получаем, что 80 — 90% машиносбыта 1926 года попало в руки тех, кому машина и должна в первую очередь попасть в советском государстве.

Необходимость всемерного усиления этого трудового,—а в первой части и полусоциалистического,—сектора рынка упирается в экономическую слабость составляющих его групп, т.-е. в большие об'ективные трудности.

Трудность первая: бедняцкие хозяйства экономически настолько слабы, что, даже при поддержке государственного кредита, часто не в состоянии купить усовершенствованную машину, не в силах оплатить минимального задатка, не говоря уже о дальнейших платежах.

Трудность вторая: земельные наделы у бедноты обычно меньше (небольшие семьи, сдача земли в аренду из-за отсутствия инвентаря) и крупная машина—сеялка, молотилка, трактор, экономящая труд, повышающая урожай—просто невыгодна в маленьком хозяйстве, так как будет использована всего на $^1/_{10}$ своей производительности и еще меньше.

Указанные трудности в сочетании с требованиями с.-х. машиностроения о возможно более быстрой продаже сделанной машины и создают об'ективные предпосылки для неправильного направления машиноснабжения, а затем и самого развития крестьянского хозяйства по капиталистическому пути, тенденции которого мы видим в таблицах классового распределения с.-х. машин.

При большой, но все же ограниченной, помощи госкредита дальнейший рост бедняцко-коллективного потребителя с.-х. машин будет тесно связан с успехами совместной покупки, а затем и коллективного использования купленной машины, ибо коллективная покупка и использование с.-х. инвентаря для бедноты—единственный путь обеспечить себя усовершенствованным инвентарем, повысить технику своего хозяйства, освободиться от кабалы кулачества и стать твердо на путь перестройки своего хозяйства на социалистических началах.

Подводя итоги сказанному, мы должны отметить следующее:

а) в с.-х. машиностроении мы имеем громадные количественные (200% от довоенного) и качественные (концентрация, поднятие производительности труда и проч.) достижения, ставящие эту отрасль промышленности на одно из первых мест социалистической промышленности СССР;

б) годовое количество с.-х. машин, направляемых в деревню, в 1927—1928 году достигает 146% по сравнению с рекордным довоенным годом;

в) политика ЦК ВКП(б) на уменьшение нашей зависимости от международного капитала имеет своим результатом быстрое из года в год снижение доли импортного с.-х. инвентаря (1913 г.—81 млн., 1927 год—24 млн.) при увеличивающейся ежегодно общей сумме машин для деревни;

г) имеющиеся в ряде мест извращения правильной линии партии в классовом распределении с.-х. машин все же не могут затушевать основного достижения — радикального изменения в структуре снабженческого рынка, его нивелировки и того большого удельного веса, который имеет бедняцко-коллективный сектор на снабженческом рынке уже теперь;

д) в законе об из'ятии трактора из свободного оборота и закреплении его исключительно за коллективами, как «лучшего кооператора», мы имеем ярко выраженный акт партии в ограничении кулацких вожделений по линии использования трактора, как орудия эксплоатации бедноты, акт наступления на кулака;

е) при усилившемся теперь внимании к качеству снабженческой работы, при конкретизации помощи бедноте уже в текущем году мы, безусловно, будем иметь много меньше случаев искривления классовой линии партии в отношении деревни.

Подчеркивание достижений вовсе не значит, что в данной области нет промахов и все благополучно. Это лишь значит, что мы умышленно выпячиваем большие достижения, о которых кое-кто упорно «забывает».

Не преуменьшая имеющихся в данной области достижений и об'ективно расценивая имевшие место в ряде районов случаи искривления классовой политики партии в машиноснабжении, мы не сможем найти здесь и признаков сознательного «кулацкого» уклона местных парторганов. Причиной этих ошибок, совершенно очевидно, был недостаток руководства, внимания и контроля парторганов над этой работой, т.-е. недочет, свойственный всякой большой работе на определенном этапе ее развития. И есть об'ективные основания считать, что при усилившемся всеобщем внимании к этому вопросу, особенно со стороны машиноснабжающих организаций, при укреплении систематического руководства и контроля за этой работой со стороны партии, мы будем иметь точное выполнение ясных директив последней о выдержанной классовой политике машиноснабжения деревни.

П. Шубин.

Банкиры об экономике Англии.

I.

Обостряющаяся борьба за рынки сбыта и источники сырья, быстрый, подстегиваемый надвигающимся экономическим кризисом рост активности северо-американского капитала на мировом рынке, стремительное усиление конкуренции со стороны трестифицированной германской промышленности,— все эти явления, характеризующие данный момент, заставляют английскую буржуазию попытаться приступить к разрешению жизненно важной для нее задачи: поднятия конкурентоспособности своей промышленности. В этом плане «реорганизации», о которой много трубят предприниматели и их челядь, единственной реальной частью до сих пор остаются поиски новой, более усовершенствованной системы наступления на рабочий класс. Подобно тому, как во время империалистической войны, «гражданский мир» был необходимой предпосылкой для развития военной мощи буржуазной Англии, так и сейчас «индустриальный мир» является той системой, при помощи которой отсталая, распыленная, в ряде решающих отраслей сильно помятая английская промышленность надеется устоять против ожесточенной конкуренции Северной Америки и Германии. Вопрос о том, в какой мере английской буржуазии удастся разрешить эту задачу, в конечном счете зависит как от силы сопротивляемости рабочего класса Англии и степени организованности движения в колониях и полуколониях, так и от наличия тех экономических и финансовых ресурсов, которыми еще располагает Великобритания в борьбе с опередившими ее мировыми конкурентами.

Прошедший 1927 год протекал в обстановке максимально благоприятной с точки зрения английской буржуазии для использования этих ресурсов и возможностей. Рабочее движение под ударами необычного для Англии полицейского и экономического террора, систематически предаваемое и саботируемое реформистским профессиональным и политическим аппаратом, вынуждено было в течение этого года перестроить свои ряды, найти новые пути и методы борьбы для преодоления новых, сверхкомплектных трудностей. Не пассивностью пролетариата об'ясняется отсутствие забастовочного движения в Англии на протяжении 1927 года, а тем, что прежний уровень активности уже недостаточен для прорыва буржуазного и реформистского барьера в новых условиях. В результате этого английская буржуазия сохранила на протяжении всего 1927 года полную маневренную свободу в деле осуществления намеченных ею «спасательных» реформ. Каковы же достигнутые ею успехи? Ответ на этот вопрос имеет тем большее значение, что он дает фактический материал для оценки тех перспектив, которые ждут капиталистическую Англию в ближайшем будущем. Английская буржуазная печать, с своей стороны, обнаруживает при подведении итогов 1927 года исключительную щедрость по части оптимистических прогнозов. Удивляться

этому, разумеется, нельзя: оптимизм является необходимым и притом наиболее легко реализуемой частью плана «рационализации»; он же должен служить приманкой, чтобы завлечь рабочих в капкан индустриального мира. И если товарищ министра финансов Самуэль выступает с речью, в которой «широко рисует перспективы возрождения английской промышленности», то ему сам бог велит делать это. К сожалению, такую оптимистическую, с точки зрения английской буржуазии, оценку можно встретить не только в буржуазной печати.

На чем же основан этот оптимизм? Приводим основные аргументы по упомянутой выше речи Самуэля: 1) развитие новых отраслей промышленности—электрической, автомобильной, химической и производство искусственного шелка; 2) расчетный баланс внешней торговли, бывший в 1926 году пассивным, дал в 1927 г. активное сальдо, приблизительно, в 73 млн фунт. стерл.; 3) благоприятное положение денежного рынка (высокий курс фунта по отношению к доллару). К этим пунктам Самуэля можно, наконец, прибавить 4) рост новых эмиссий, размещенных в Англии, «рост вложения капитала внутри страны»...

Нижеследующие строки не ставят себе целью рассмотрение всех этих доводов с исчерпывающей полнотой. Задача, поставленная здесь гораздо скромнее: показать, что даже директора 5 основных английских банков [1]) в своих торжественных годичных выступлениях перед акционерами вынуждены были признать ряд фактов, подрывающих весь оптимизм Самуэля. Эти выступления руководителей банковского английского мира подчеркивают, что английский капитализм может выбраться из трясины только в том случае, если он преодолеет раздирающие его внутренние противоречия, т.-е. если бы он мог перестать быть капитализмом. В этом, разумеется не формулированном, но обязательном выводе из банкирских речей больше фактической правды о состоянии английского хозяйства, чем в занесенном со стороны оптимизме некоторых экономистов.

* * *

Английская буржуазная печать, с большой почтительностью относящаяся к речам директоров банков, изображает их нелицеприятными экспертами. «Экономист» пишет о врачах, «неустанно держащих свою руку на пульсе общественности с тем, чтобы раз в год нарушить свое молчание», изречь свои глубокомысленные выводы перед достойнейшим собранием держателей акций. В действительности же банкирам надлежит щупать не только чужой, но и свой собственный пульс. Переплетение и сращение даже в Англии банковского и промышленного капиталов, об'единяемых личной унией, вынужден был признать, правда, с жеманным кокетством, мистер Теннент, директор Вестминстерского банка. Говоря о распаде угольного хозяйства Англии и о средствах исцеления, он игриво заключает: «Я чувствую известную трудность при обсуждении этого вопроса или при предложении каких-либо средств для улучшения несчастного положения горной промышленности: из всего мною читанного и слушанного явствует, что единственной группой лиц, которые совершенно ничего не понимают в этом вопросе, являются шахтовладельцы, а я *случайно* смиренно являюсь одним из них». Случайность, как нельзя более, понятная, и стесняться, разумеется, здесь не приходится! Ту же скромность, которую директор Вестминстер-

[1]) Приводимые ниже цитаты взяты из речей директора «Вестминстерского банка» Теннента; «Национального Провинциального»—Гошена, «Мартин банка» —Голланд-Мартина; «Мидленд банка»— Мак Кенна, «Барклай-банка—Гуднефа

Цитаты приведены по отчетам напечатанным в одном из следующих изданий «The Economist»; «The Statist»; «The Times», «Trade Supplement»; «The Nation» ace от 28 января 1928 г.

ского банка обнаруживает по отношению к угольной промышленности, директор банка Мартин обнаруживает по отношению к хлопчатобумажной промышленности и по той же причине. Отсюда и то несоответствие между теми планами рационализации, которые банкиры набрасывают словесной кистью, и той чрезвычайной скромностью, осторожностью и даже нежностью, которую они обнаруживают, когда дело доходит до прикосновения в целях реорганизации «родной» им отрасли промышленности.

При пользовании директорскими речами необходимо, разумеется, сделать и вторую оговорку: по самому характеру своему они имеют не менее, если не более, рекламный характер, чем предпринимательские отчеты. Представителям той или иной отрасли промышленности может еще оказаться в известных случаях выгодным наклепать на свое хозяйство, прикинуться «казанской сиротой», чтобы получить «моральное» право дополнительно нажать на рабочего или урвать какой-нибудь добавочный кусок из казенного пирога, руководитель же банка, выступающий перед пайщиками, имеет все основания выступать только молодцом во всех отношениях. Все оценки, сделанные в таких рекламных речах, могут быть приняты в расчет если внести в них соответствующую поправку на специфическое банковское лицемерие и одурачивание почтеннейшей публики.

II.

«Рост благосостояния». Общим для докладов всех директоров 5 крупнейших банков (см. примечание) является воспевание успехов новой индустрии. Гошен («Национальный Провинциальный банк») прямо в стихах описывает то благосостояние, которое вызвано расцветом новых индустрий. У публики есть деньги, чтобы тратить, увеличивается число собственников автомобилей, театры, кино и другие места развлечений переполнены, общий уровень жизни поднялся и т. д. Гошен не склонен расширять поле своих наблюдений и переместись с центральных улиц больших городов в угольные и текстильные районы, где свирепствует нужда, безработица и голод. Впрочем, легенду о росте благосостояния английского рабочего он отставляет в сторону, когда она подсказывает практические выводы, более или менее рискованные для банка. Та же публика, которая имеет деньги для того, чтобы веселиться, накоплять и т. д., оказывается совсем ненадежной, не имеющей устойчивых видов на завтрашний день, когда дело доходит до оказания ей *кредита при продажах в рассрочку*.

Вот какие соображения банкиры приводят против излишнего доверия публике:

«Было бы неосторожно, — говорит Теннент, — безоговорочно утверждать, что система (продаж в рассрочку), которая оказалась благотворной в Соединенных Штатах, должна быть благотворной также и для Великобритании. В Америке расцвет промышленности продолжается и число занятых рук очень велико. Мы же, к несчастью, имеем еще *миллион безработных, у нас существует несравненно больше риска потерять или временно лишиться работы, чем по ту сторону Атлантического океана*. При таких условиях является безусловно опасным поощрять тех, кто живет на еженедельной заработной плате, к тому, чтобы они брали на себя долговые обязательства или закладывали свои будущие сбережения. Другое соображение, которое говорит за необходимость осторожного отношения, заключается в том, что эта система в широком масштабе еще не *выдержала в Соед. Штатах серьезного испытания в периоды глубокой деловой депрессии*».

Банкиры призывают других «верить» в «под'ем жизненного уровня масс»; сами же они не доверяют ему, оценивая это явление, как поверхностное и весьма ограниченное по масштабу. Тем менее основ[ной] у нас считать улучшение положения ограниченных слоев населения на [ф]оне хронической безработицы (по данным министерства, число зарегистрированных безработных к концу 1927 года доходило до 1.127.000) симптомом того, будто английское хозяйство преодолевает свой распад.

Новые индустрии. Но особенно важно, что все банковские ораторы считают необходимым предостеречь от переоценки того влияния, которое вообще может оказать под'ем новой индустрии на всю экономику страны. С наибольшей яркостью эта мысль выражена у Тэннента. «Было бы,—говорит он,—большой иллюзией предполагать, что процветание в этих новых индустриях компенсирует депрессию в старых. В горном деле, в сельском хозяйстве, в кораблестроении и в хлопчатобумажной промышленности занято около 3 миллионов рабочих. В трех новых индустриях, упомянутых мной, по грубому подсчету, занято всего 700 тыс. Общее число застрахованных рабочих в Великобритании и Ирландии больше 12 миллионов». Докладчик, разумеется, учитывает то влияние, которое оказывает под'ем в новых индустриях на всю экономику страны; с другой стороны, он меньше всего хотел бы обескураживать слушателей. Все же ему приходится признать, что «еще далеко то время, когда достижение благоденствия в стране будет возможно без того, чтобы старые отрасли промышленности—уголь, железо, сталь, кораблестроение, текстильная промышленность—не были в состоянии под'ема». Мы видим, таким образом, что банковские ораторы вынуждены отвергнуть выставленную в свое время ренегатом Ньюболдом, искавшим предлога для «обоснования» своего ухода из коммунистической партии, теорию о том, что капиталистическое хозяйство Англии выбивается из кризиса перемещением центра тяжести из старых индустрий в новые [1]).

Как же обстоит дело к началу 1928 г. в решающих отраслях английского хозяйства? На этот счет мы находим в докладах ряд очень ценных признаний. «Когда мы приходим к нашим основным отраслям промышленности, как сельское хозяйство, железо, сталь, уголь, текстиль, мы находим положение, которое, к несчастью, не так благоприятно и далеко от того, чтобы действовать ободряющим образом» (Гошен). «В важнейших отраслях хозяйства—в земледелии, в горном деле, в текстиле—упорно держится серьезная депрессия» (Тэннент). Та же оценка варьируется в остальных докладах.

По отдельным отраслям хозяйства мы находим следующие характеристики.

Сельское хозяйство. В докладах Гошена и Теннета звучат даже лирические ноты при изображении участи «страдающего существа британского фермера». Правда, у него есть надежда: «Плохое время и скверная погода не будут продолжаться вечно!» Правда, и со своей стороны банковские деятели обещают фермерам всяческую поддержку: «Мы будем приветствовать всякий правительственный план помощи фермерам, который является не только паллиативом в настоящем критическом положении, но и стремится поставить нашу основную отрасль хозяйства на прочный, здоровый экономический базис». Но в чем заключается этот план? Ни один оратор ни одним словом на этот счет не обмолвился. Между тем, не только у правительственных зубров, но и у рабочей партии нет даже на бумаге аграрной программы, хоть что-либо реальное обещающей английскому крестьянину.

[1]) См. очень интересную статью «Британский капитализм на ущербе» т. Ротштейна «The Communist», Лондон. Январь 1928 г.

Уголь. «Угольное хозяйство снова пережило злополучный период в 1927 г.» (Голланд-Мартин). В еще более резкой форме та же мысль формулирована Тэннентом, подчеркивающим, что депрессия в угольной промышленности имеет характер тяжелого рецидива после временного улучшения и что «конкуренция на заграничных рынках очень серьезна». Докладчик упоминает об уже проводимом в Иоркшире, Нотингемпшире и Дербишире плане рационализации, рассчитанном на то, что об'единенные предприятия этих трех районов будут производить вместе 75 млн. тонн в год. Но, будучи сам шахтовладельцем, докладчик отнюдь не в восторге от этого плана. «Я не уверен,—говорит он,— что этот план очень популярен у владельцев заинтересованных районов. До тех пор, однако, пока никто не мог представить лучшего плана, он сохраняет свою силу». Дальше мы услышим, что предприниматели умеют оказывать действительное сопротивление «непопулярным» планам рационализации.

Железо и сталь. «Железоделательная промышленность находится в состоянии жестокой депрессии, и проведенное значительное снижение цен оказалось недостаточным для борьбы против ожесточенной заграничной конкуренции. Число работающих доменных печей сократилось с 189 в апреле 1927 г. до 149—в декабре». (Тэннент). «Сомнительно, я думаю, чтобы железоделательная и сталелитейная промышленность, как изолированные отрасли промышленности могли при настоящих условиях работать с прибылью. К счастью, многие из железоделательных и сталелитейных заводов составляют часть комбинатов, включающих и дальнейшую обработку стали: доход от производства готовых изделий может сократить или даже уничтожить убыток от наших доменных печей» (Гошен). Все докладчики говорят об «ожесточенной конкуренции» на заграничных рынках, при чем специально подчеркивается серьезность конкуренции не только со стороны высокотрестированной металлургической индустрии Германии, но и со стороны чехо-словацких фирм. Что же касается С. Штатов, то «они своими пошлинами фактически запирают свой рынок от нас».

Кораблестроение. Оживление в заказах. «Но не подлежит сомнению, что с целью загрузки своих верфей владельцы принимали заказы по весьма низким ценам» (Гошен). Действительное оживление в кораблестроении Тэннент откладывает до того отнюдь не близкого будущего, когда «мировой избыток тоннажа исчезнет вследствие медленно действующих сил природы». Надо ли прибавлять, что во всех случаях, когда банкиры говорят об убыточности производства, о низких ценах, о самоотверженной готовности предпринимателей брать всякие заказы, лишь бы загрузить предприятие, уже готовятся аргументы для похода на заработную плату рабочих?

Отмечается некоторое улучшение в морском транспорте «несмотря на серьезную конкуренцию». Впрочем, в этой области представители банков оперируют уже с запоздалыми данными. В самое последнее время американское торговое мореходство отказалось от прежнего соглашения с английскими компаниями, регулировавшего фрахты между Америкой и Европой. На-днях Британская Торговая Палата Англии с тревогой отмечала, что благодаря искусственному понижению американцами фрахтов для портов европейского континента может создаться положение, «при котором грузам, идущим из Америки, выгоднее будет заходить в континентальные порты и уже оттуда переправляться в Англию».

Хлопчатобумажная промышленность. «В 1927 г. мы вывозили хлопчатобумажных тканей приблизительно 57% того, что было вывезено в 1913 году; что касается пряжи, то средний годовой экспорт в течение

1924—27 годов был на 18% ниже среднего годового экспорта за трехлетие 1910—13 гг. Не только значительно понизился спрос на хлопчатобумажные изделия, но наша доля в общей мировой торговле ниже нормы». (Тэннент). Чем это об'ясняется? Директор Вестминстерского банка приводит причины двух категорий.

Во-первых, «хаотическое состояние нашего главного рынка в Китае»,— с этой бедой, он надеется, справятся, если не промышленные, то политические деятели. Во-вторых, противоречия интересов между Англией, вывозящей хлопчатобумажные ткани, и ею же, снабжающей восточные рынки текстильными машинами: «Должен был наступить момент, когда сохранение наших рынков на Востоке для хлопчатобумажных изделий натолкнется на конкуренцию товаров, произведенных на машинах, которые мы сами вывозили». Голланд-Мартин не ограничивается, однако, указаниями на эти причины: он глубже влагает свои персты в раны текстильной промышленности.

«К моменту наступления войны мы уже постепенно теряли наши позиции на континенте и на Востоке быстро возникали фабрики. Во время войны фабрики Японии, Китая и Индии увеличили свое производство. Когда война кончилась, многие из наших старейших хлопчатобумажных фабрик в результате кратковременного и фальшивого промышленного бума были проданы различным группам спекулянтов, которые в свою очередь перепродали их публике по весьма вздутой цене. Ничего более печального не могло произойти с этой индустрией. Вздутые ценности послевоенного периода обнаружили свою мнимость; капитал, который следовало бы использовать, чтобы усовершенствовать машины, был использован для других целей; одна фабрика за другой, очутившись с обесцененными запасами, с машинами, которые необходимо было обновить, вынуждены были искать новых капиталов путем займов или новых акций. И это в то время, когда заграничная конкуренция была более ожесточенной, чем раньше, и два новых рынка—Китай и Россия—не пред'являют больше спроса».

В устах директора банка, занимающегося специально финансированием ланкаширской хлопчатобумажной промышленности, эта характеристика систематического жульничества английской промышленности, обычно кичащейся крепкими, здоровыми традициями, разумеется, недурна.

Но она, во-первых, слишком опоздала; во-вторых, скрывает главное: роль банков в этом жульничестве. Еще в 1920 г. т. Ленин указывал на происходившую тогда спекуляцию в ланкаширской промышленности.

«В Ланкашире дошло до того, что рост ценности акций определился в 400%. Доход банков составляет 40—50% минимум, при чем надо еще отметить, что при определении дохода банков все банковые деятели умеют львиную часть дохода проводить тайком, таким образом, что это не называется доходом, а прячется под видом наградных, тантьем и т. п.» (Том XVII, стр. 259).

Голлад-Мартин, таким образом, мог бы рассказать о ланкаширской спекуляции гораздо больше, чем он это сделал. Но даже заведомо фальсифицированная картина ланкаширской спекуляции, нарисованная дружеской банкирской рукой, могла бы иметь сейчас, когда хлопчатобумажные банкроты хотят подправить свои дела за счет беспощадной эксплоатации рабочих, некоторый интерес с точки зрения «воспитания общественного мнения», если бы оно в свою очередь не было уже давно продано по частям с публичного торга.

III.

Какие же планы спасения промышленности представили руководители банковского капитала своим «избирателям»-акционерам? В какой мере банковские дельцы вообще берут всерьез всю эту шумиху о рационализации по германскому образцу? Нет ли и тут большой доли спекуляции и жульничества, как в свое время в хлопчатобумажном буме? Желают ли банки вообще приложить руку к этому более чем сомнительному делу?

Нарисовав мрачную картину состояния хлопчатобумажной промышленности и необходимости ее реорганизации, Голланд-Мартин продолжает:

«Предлагают даже, чтобы банки взяли на себя контроль.. чтобы, вынуждая образование комбинатов они способствовали установлению власти для контроля над индустрией. Такое направление противоречило бы совершенно всем традициям английских банков. Если дела отдельного предприятия идут не так хорошо, как банк желал бы, он может даже настаивать на установлении наблюдения для обеспечения данных взаймы денег. Но здесь его обязанности, как банка, кончаются. Обновление индустрии должно быть произведено ее собственными внутренними силами».

Приводя эту цитату «Экономист», несмотря на общее восторженное отношение к речам директоров, делает кисло-сладкое замечание: «Диагноз мистера Голланда-Мартина, может, и верен, но тревожным является тот факт, что к концу семи лет депрессии нет еще признаков каких-нибудь планомерных действий для того, чтобы наладить положение в Ланкашире».

Но Голланд-Мартин отнюдь не является единственным представителем банка, который заранее открещивается от всякого участия и ответственности за рационализацию промышленности. Ряд других банковских деятелей касаясь этого вопроса, спешат тоже умыть руки. Так, на заседании акционеров Барклайс-банка докладчик Гуднэф прячется в кусты английских традиций:

«Разумеется,—говорит он,—в функции банка не входит определять тот метод, который должен проводиться какой-нибудь отдельной отраслью промышленности; это должно быть предоставлено тем, кто работает в этой промышленности».

Ту же мысль повторяет на заседании акционеров того же банка председатель Герберт Хемблинг:

«Мне кажется, что в старых индустриях чего то нехватает. Многие считают, что дело плохо управляется, что его не следует поддерживать финансовыми подкрепляющими средствами, а что людям с мозгами и деньгами должна быть предоставлена возможность создать лучшую организацию на старом базисе. Делая это замечание, я, может быть, немного выхожу из банковской области, потому что обязанность банкира заключается в том, чтобы помочь индустрии так, чтобы она уже сама себе помогла. Банкир не является и не может явиться ответственным за систему руководства отдельных отраслей промышленности».

Это своеобразное толстовство банковских дельцов Англии повергает журнал «Нэйшен» (№ от 28 января 1928 г. «Индустрия и Банки») прямо в отчаяние. Журнал рисует мрачными красками анархию в английской индустрии, указывает, что «иногда ничтожная группа раскольников срывает уже

налаженное дело образования комбината или картеля», вспоминая даже по этому поводу «вето», приведшее к гибели старой Польши. Либеральный журнал приходит к печальному выводу, что без давления здесь не обойтись. «Но если мы согласны с необходимостью реконструкции в наших старых индустриях с неизбежностью внешнего давления, чтобы добиться этой реконструкции,—в чем же заключается та сила, которая может осуществить это давление? Возможны две такие силы: одна из них *государство*. Слияние может быть продиктовано протестующее меньшинство может быть обойдено той властью, которую законодательство предоставит соответствующим органам. Нет ничего химерического в этом предположении».

Развивая дальше программу своеобразного «*государственного капитализма*», автор, однако, во-время спохватывается, что во главе то государства стоит консервативное правительство Болдуина. Значит, не годится. «Средства государственного принуждения, разумеется, не могут быть использованы до тех пор, пока нынешнее правительство остается у власти». Остается только второй выход: банки должны взять на себя обязанность принуждения.

«Почему же наши банки считают, что плохо использовать свое влияние, чтобы осуществить реформы, которые они считают желательными? *Как известно, отсутствие подобной щепетильности у германских банков явилось одной из важнейших причин, почему германская промышленность так широко реорганизовалась в последнее время, между тем как наша* промышленность не могла этого сделать».

Пытаясь разгадать эту банковскую загадку, «Нейшен» наталкивается на ответ, который его самого приводит в некоторое смущение. Не об'ясняется ли уклончивое отношение банков к «реконструкции» опасением, что она может хлопнуть их самих? Журнал начинает догадываться, что с точки зрения банков «хуже всего, если этот аргумент о необходимости реконструкции промышленности может пойти дальше и превратиться в утверждение, что столь значительные функции (которые будут возложены на банки в случае их контроля над промышленностью) не могут быть предоставлены частным, стремящимся к доходности предприятиям и что требование *национализации банков*, которое уже сделано рабочей партией, может быть серьезно двинуто вперед».

Итак, при первой попытке более или менее серьезно хотя бы на бумаге поставить вопрос о реконструкции промышленности «Нейшен» делает два не лишенных интереса вывода: во-первых, что необходимым условием этого является свержение правительства Болдуина и государственное принуждение, и, во-вторых, что весьма естественной предпосылкой для этого была бы национализация банков. Но кто же будет проводить эту «национализацию»? Не Сноуден ли, будущий министр финансов, или, может быть, даже премьер рабочего правительства, последняя реакционная речь которого (о бессмысленности революции и о благах эволюции) встретила восторженный прием прежде всего со стороны подлежащих «изнасилованию» предпринимателей? Не рабочее ли правительство осуществит принуждение, необходимое, чтобы сломить сопротивление банды капиталистов и убедить ее в «целесообразности пожертвовать своими частными интересами во имя общего национального хозяйства»? Даже в обстановке кровопролитнейшей империалистической войны, когда во имя победы над «германским варварством» из миллионов рабочих выматывалась в буквальном смысле слова жизнь, английские предприниматели не отказывались от той наживы, которую давало им форменное предательство—доставка контрабанды в Германию. Какой же добрый гений подвинет сейчас английских капиталистов на акты «великого самопожертвования во имя прекрасного будущего»? Нет уж английские банкиры скорее

доверят свою судьбу испытанным средствам британского империализма, чем рискованным экспериментам, при которых та или иная часть собственников все же должна свернуть себе шею.

Характерно в этом отношении заявление, сделанное на заседании Барклайского банка одним из руководителей—Гуднэфом.

> «Существует предположение,—сказал он,—что было бы выгоднее как для нас, так и для Европы, если бы можно было достигнуть образования таможенного союза или тарифного соглашения между главнейшими европейскими государствами, включая и Англию. Хотя такой план мог бы быть полезен Европе в целом, *но больше всего выиграла бы при этой политике Германия, благодаря ее высоко развитой индустриальной организации*. Нашим интересам, разумеется, больше соответствовало бы направить нашу энергию на дело развития империи. Процветание Великобритании и Британской империи в будущем зависит от развития внутри империи в результате развития междуимперских финансов и промышленности».

Разговор о принудительной реорганизации промышленности с целью обогнать трестифицированную Германию,—это для любителей. Про себя же банковские и промышленные дельцы знают, что сохранить, а тем более укрепить свое положение на мировом рынке в настоящих условиях при безнадежной отсталости английской техники можно лишь средствами хищнического растрачивания живой силы рабочего класса.

IV.

Положение денежного рынка Англии. Действительно ли сравнительно благополучное положение денежного рынка Англии к началу 1928 года вызвано возрождением промышленности? Характерно, что ни один из выступавших директоров банков такого утверждения не делал. «Необходимо вспомнить, что осенний под'ем фунта стерлингов в известной степени вызван *случайными причинами*. Из них двумя важнейшими являются: перевод больших американских кредитов в Европу и значительный рост той части экспорта хлопка и пищевых продуктов из Америки, *которая в этом году финансировалась Нью-Йорком вместо Лондона*. В конечном счете мы, разумеется, должны будем платить за все купленное в Соединенных Штатах. Все же отсутствие внезапного напряжения на бирже имело благотворное влияние, хотя бы потому, что *освободило деловой мир от угрозы дорогих денег*». (Тэннент).

«Курс доллара не должен вводить нас в заблуждение, вызывая представление, будто наш баланс (включая платежи Америке по нашим займам) был в нашу пользу. Лондон является еще расчетной палатой, и крупные займы, общественные и частные, которые Америка предоставляет Европе, не могли остаться без влияния на наш вексельный курс тем более, что векселя в долларах с оплатой в Америке по финансированию хлопка, хотя в конечном счете должны будут быть покрыты с нашей стороны, все же освободили на определенный период нашу биржу от обычного напряжения». (Гошен).

Вот как *теперь* руководители банков об'ясняют высокий курс фунта по отношению к доллару и характерное для декабря 1927 г. движение золота из подвалов нью-йоркских банков в Лондон. В свое время «Манчестер Гардиан» писал, что «золотое очвровaние» вызывает естественный под'ем настроения у английской публики, и организаторы парламентских

выборов и гнуснейшего обмана, именуемого индустриальным миром, широко воспользовались этим очарованием. Теперь представители банков считают возможным немного приподнять завесу над финансовой тайной, по той простой причине, что банки Америки уже поворачивают золотой рычаг в обратную сторону: учетная ставка в чикагском и нью-йоркском резервных банках уже поднята с 3½% до 4%; такое же поднятие остальными банками — дело ближайшего будущего. Нью-Йоркская биржа уже использовала пониженный в сравнении с английскими банками учетный процент для своих целей, нисколько не смущаясь тем, что у доверчивой публики это могло вызвать представление о превосходстве фунта стерлингов над долларом. Сторожевые псы американского золота не сомневались в том, что при первой необходимости они без всякого труда рассеют эту иллюзию.

В речах банковских ораторов мы встречаем также раскрытие секрета Полишинеля, почему именно американские банки в 1927 г. впервые взяли на себя такую самоотверженную задачу, как финансирование английских закупок хлопка на американском рынке.

> «Я не могу вспомнить время,—говорит Гошен,—когда соперничество между банками в Англии было более остро; эта конкуренция была не только между нами, но и иностранные, особенно американские, банки в настоящее время приняли в ней участие... Акцептные операции американских банков (прием к оплате переводных векселей) достигли в этом году суммы в миллиард долларов,—суммы, раньше совершенно неизвестной. Очевидно, американские банкирские учреждения напряженно стремились привлечь не только финансирование в Соединенных Штатах собственного экспорта и импорта, но и всех других прибыльных операций, которые прежде сосредоточивались в английских банках. Так, например, до войны все покупки хлопка в Соединенных Штатах финансировались векселями на Лондон или в небольшом числе на континентальные банки. В настоящее время, вследствие политики экспортеров хлопка, которые ставили условием оплату их товаров векселями в долларах на Нью-Йорк, с одной стороны, и вследствие готовности нью-йоркских банков итти навстречу этим требованиям установлением низкого процента учета, с другой, большая часть этих операций была отвлечена к банкам Соединенных Штатов».

Перед нами, таким образом, не только повесть о наличности скрытой войны между английскими и американскими банками, но и признание того, что английские банки тихо, мирно к концу 1927 г. оказались оттиснутыми от тех сделок, которые они до сих пор монопольно держали в своих руках. Характернее всего, что эта борьба разыгралась в самой идиллической обстановке: восторженные речи американских финансистов на тему о незыблемости англо-саксонской дружбы, приводящей к сотрудничеству банков, с одной стороны; веселая мина при дурной игре у английских банкиров, вынужденных поддерживать версию о благородной Америке, «справедливо распределяющей запасы золота между основными центрами мира»—с другой.

У директора Национального Провинциального банка находится, впрочем, несколько слов для утешения своих слушателей. «Возможно,—заканчивает он эту невеселую часть своей речи,—что когда деньги здесь, в Англии, станут дешевле, операции могут вернуться к тому направлению, которое мы считали бы «естественными каналами». Однако, пока-что наиболее ценные операции либо потеряны для нашей страны, либо, в лучшем случае, совершены нашими банками на совершенно несоответствующих условиях».

Дружеские визиты в Лондон директора резервных банков влетели-таки английским банкам в порядочную копеечку...

* * *

Соответственно этому выявившемуся росту зависимости английского денежного хозяйства от американского особое значение приобрела речь Мак-Кенна—директора Мидленд-банка. Мак-Кенна является неизменным противником той денежной политики, которая официально признана в Англии, как политика золотого стандарта. Он и раньше не раз указывал, что Англия имеет, по существу, не золотой стандарт, а доллар-стандарт. Но, кажется, еще никогда он не имел такой «хорошей прессы», как сейчас. Сущность речи Мак-Кенна заключается в той характеристике, которую он, правда, со всеми необходимыми оговорками и смягчениями, дает диктаторской роли Нью-Йорка на мировом денежном рынке.

> «Не цена золота в Америке определяет стоимость доллара, а, наоборот, стоимость доллара определяет цену золота... Хотя золото еще является номинальным базисом большинства валют, действительный, определяющий фактор общего движения мировых цен заключается в покупательной способности доллара. Вывод, который мы обязаны сделать, заключается в том, что мир в действительности имеет своим стандартом доллар».

Есть ли какие-нибудь основания рассчитывать, что это положение изменится? Может ли исчезнуть или хотя бы ослабеть золотая диктатура Соед. Штатов, и как долго может продолжаться это положение? Мак-Кенна смотрит на положение мрачно.

> «Америка достаточно богата как для того, чтобы терять золото, так и для того, чтобы приобретать его. Она держит половину общего золотого запаса мира. Больше того, положение кредитора превращает ее в постоянный магнит для золота,—ее должники должны платить ей, и если они не имеют других возможностей, они должны платить золотом».

Но, может быть, реализация иностранных займов, в особенности тот факт, что сумма заграничных инвестиций Соед. Штатов значительно превосходит излишки от ее платежного баланса, могут постепенно привести к распылению золотых запасов Нью-Йорка? Мак-Кенна не надеется и на это: ему кажется весьма мало правдоподобным, чтобы Америка настолько превысила свои возможности при реализации займов, чтобы «подкопать свой золотой запас». Отсюда вывод: «До тех пор, пока условия останутся такими, какими мы их знаем сейчас, Америка способна проводить свою кредитную политику, не считаясь с движением золота, и поддерживать контроль над мировым уровнем цен».

Надо позолотить горькую пилюлю, и Мак-Кенна делает это. Позолота заключается прежде всего в благородстве американцев, которые сами, мол, заинтересованы в правильном распределении золота, хотя в чем, собственно, этот интерес заключается, из речи Мак-Кенна не видно, так как он категорически указывает, что опасность «золотой инфляции», избытка золота, Соед. Штаты могут преодолеть без всяких затруднений. Второе утешение заключается в недостатке статистических данных, мешающих осветить вопрос всесторонне. К порокам статистики

английские экономисты (впрочем, не только английские) имеют обыкновение прибегать во всех трудных случаях жизни.

Благополучие английского денежного рынка, о котором говорят слишком доверчивые люди, оказывается, таким образом, построенным на песке или, еще хуже, на фундаменте чужом, который к тому же может стать враждебным. В свете этого основного и решающего факта и должен быть решен вопрос о значении роста эмиссии в Англии в течение 1927 г.

V.

«Вложение капиталов внутри страны». Как известно, новые эмиссии в Англии в 1927 году достигли крупной суммы в 355 млн. фунтов, из которых только около 40 млн приходится на заграничные эмиссии, — вся остальная сумма формально осталась в самой Великобритании. Этот рост вложений капитала может вызвать (и действительно вызвал) в печати неправильное представление о росте английской промышленности. Характерно, что ни один из директоров банков, перечисляя положительные симптомы роста хозяйства, не приводит в доказательство рост капитальных вложений. Самое большее, что можно встретить в одной, кажется, речи, это—указание на то, что рост новых эмиссий свидетельствует о росте накоплений в стране.

Чем об'ясняется более чем сдержанное отношение банкиров к этому, казалось бы, столь радостному факту? Ответ на этот вопрос дает таблица, показывающая распределение капитальных вложений и географически и по отдельным областям промышленности. С точки зрения географической, решающее значение имеет тот факт, что эмиссии на лондонском рынке, предназначенные *для доминионов, увеличились с 57 млн. до 98 млн.* Это значит, что если сумма эмиссий отражает развитие промышленности, то максимальная выгода в 1927 г. была извлечена *промышленностью доминионов.* Надо ли говорить, что с точки зрения отсталого хозяйства собственно Англии, задыхающегося от отсутствия рынка, индустриализация доминионов и колоний меньше всего является выходом из положения? Еще характернее распределение эмиссий собственно в Англии между отдельными отраслями промышленности. Общая сумма их возросла со 142 до 164 млн. Но *какие* отрасли промышленности выиграли при этом? Как раз *старая индустрия,* имеющая решающее значение и находящаяся в состоянии распада, *оказалась неспособной привлечь к себе капиталы,* хотя она больше всего в них нуждается. Так, *уголь, железо, сталь* и *машиностроение,* на долю которых в 1926 г. приходилось около *5 млн.* новых вложений, в 1927 г. получили *только 2,7 млн.* *Зато пивоваренная промышленность получила вместо ⅛ млн.* (в 1926 г.) больше 6 млн. (в 1927 г.)! Капиталистическая рационализация пока-что оставляет все по старинке: капитал «откровенно и честно» идет в те отрасли промышленности, где ему обещана более быстрая и более верная прибыль. Никакие ламентации о необходимости помочь основным отраслям промышленности не привлекли к ней ни одного шиллинга. Таблица распределения капитальных вложений в 1927 г. говорит не за возможность рационализации английского хозяйства, а о той «совершенно естественной» анархии, которая там попрежнему свирепствует.

Заграничные инвестиции. Выше отмечалось, что товарищ министра финансов Самуэль щегольнул активным сальдо платежного баланса

Англии в 1927 г. Это, однако, отнюдь не решает еще вопроса, чьи деньги Англия помещает за границей в долгосрочные займы и не может ли возникнуть положение, когда эти заграничные инвестиции станут для нее источником серьезных финансовых затруднений.

> «Улучшение нашего торгового баланса (по сравнению с 1926 г.) еще не может ликвидировать те опасения, которые существуют в некоторых кругах относительно того, *не дает ли Лондон заграницe займы в размерах, превышающих реальный баланс его международных платежей.* Согласно официальным данным, тот избыток, которым Великобритания располагает для заграничных займов, в действительности *был значительно ниже общей суммы заграничных займов, реализованных в Лондоне.* Существует мнение, которое считает, что Лондон реализует слишком много иностранных займов, и которое склоняется к тому, чтобы *приостановить это в целях предупреждения серьезных финансовых последствий.* Другие не согласны с тем, что мы даем займы свыше наших средств, или, по крайней мере, *идут на этот риск по тем соображениям, что реализация иностранных займов безусловно способствует успехам британской промышленности.* Вопрос принадлежит к числу тех, которые имеют громадное практическое значение».

Тэннент переходит к подсчету того, чего, к счастью для него, подсчитать нельзя, т.-е. тех статей невидимого экспорта, относительно которых отсутствуют цифровые данные: роста заграничных капиталов, специально американских и французских, в Лондоне, покупки британских ценных бумаг заграничными странами и британскими доминионами и т. д. Более подробное исследование по этому вопросу было недавно произведено Кейнсом в специальной работе «Британский баланс торговли в 1925—27 гг.» [1]).

Вывод, к которому он приходит, формулирован следующим образом:

> «До тех пор, пока мы продолжаем давать займы загранице на суммы, большие, чем наш текущий избыток, и балансируем это привлечением иностранных капиталов, существует, понятно, положение, в котором заключаются *опасные элементы искусственности».*

То утешение, которое Кейнс, а вслед за ним и ораторы-банкиры, приводит, обычно заключается в том, что Соединенные Штаты также помещают за границей долгосрочные займы за счет краткосрочных вкладов, притекающих из-за границы в нью-йоркские банки. Если в этом, мол, заключается опасность, то она имеется не только у Англии, но и у Соединенных Штатов. Это сравнение, разумеется, не выдерживает критики. То же, да не то же! «Золотая диктатура» Соединенных Штатов на мировом рынке дает возможность нью-йоркским банкам выйти из затруднения, даже в случае самого бешеного истребования краткосрочных вкладов. Совсем не то же положение создалось бы в Англии. Скудный золотой запас Английского банка оказался бы тогда под сильным ударом, который может быть ему придется испытать уже на протяжении двух ближайших лет.

Подойдя к этому пункту, английские экономисты, несомненно, апеллируют к недостаткам статистики.

---

[1]) «The Economic Journal», декабрь 1927, стр. 563

VI.

«Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции». (Ленин. Том XVII, стр. 263—264).

Так говорил Ленин на II конгрессе Коминтерна. «Абсолютно безвыходного положения» у английской буржуазии нет, разумеется, и сейчас. Главным выходом из положения она считает не столько рационализацию своего хозяйства, сколько рационализацию форм обмана, угнетения и эксплоатации рабочего класса. Во всех выступлениях перед пайщиками банкиры заканчивали воспеванием «индустриального мира». Здесь источник их вдохновения и уверенности. Проявляя скромность и сдержанность, когда речь касалась «насильственных» мер над предпринимателями в целях рационализации, они дают полную волю своим мечтам, когда дело касается «мирных» средств нового, более усовершенствованного зажима рабочего класса. Конечно, только революционная практика может доказать английской буржуазии, что путь омоложения капиталистического хозяйства переливанием крови из жил рабочего класса закрыт. Конечно, только организация беспощадной, безогонорочной, сознательной борьбы против всех форм индустриального мира может предостеречь пролетариат Англии от новой западни.

Но необходимой предпосылкой такой правильной революционной тактики является прежде всего правильная оценка экономического положения капиталистической Англии. Такая оценка дана в тезисах Коминтерна и повторена в открытом письме, с которым ЦК КПА недавно обратился к членам партии. Нет, разумеется, никаких оснований менять ее.

Только страдая куриной слепотой, можно не видеть глубины того кризиса, который переживает сейчас хозяйство Англии.

К счастью, куриная слепота, как подтвердил за самое последнее время ряд клинических наблюдений, болезнь в громадном большинстве случаев вполне излечимая.

Е. Варга.

Политика британских империалистов в Индии.

«С р е д н и й д о х о д ж и т е л я И н д и и х в а т а е т к а к р а з н а п р о к о р м л е н и е д в у х ч е л о в е к и з к а ж д ы х т р е х (или для двух трапез вместо необходимых трех трапез в день); н о и э т о п р и у с л о в и и, ч т о в с е т р и г о т о в ы х о д и т ь н а г и ш о м, ж и т ь в т е ч е н и е в с е г о г о д а п о д о т к р ы т ы м н е б о м, о т к а з ы в а т ь с я о т в с я к о г о р о д а о т д ы х а и р а з в л е ч е н и й, о г р а н и ч и т ь с в о и п о т р е б н о с т и и с к л ю ч и т е л ь н о п р о п и т а н и е м, п р и ч е м с а м о г о х у д ш е г о, г р у б о г о с о р т а, н а и м е н е е п и т а т е л ь н ы м. Если же они желают удовлетворить и прочие свои потребности, иметь хоть какую-нибудь примитивную одежду, хоть какое-либо убогое пристанище, хоть какое-либо развлечение, будь то самого примитивного свойства, им приходится ограничиться вместо безусловно необходимых трех трапез в день одной, или же из к а ж д ы х т р е х ж и т е л е й И н д и и д в о е д о л ж н ы о с т а т ь с я б е з п р о п и т а н и я» [1]).

И н д и я — с р е д о т о ч и е б р и т а н с к о й и м п е р и и. Если отвлечься от Канады, лежащей в стороне и находящейся больше под влиянием С. Штатов, нежели Англии, то вся мировая британская империя группируется вокруг Индии, каждый уголок этой империи служит для защиты Индии: Гибралтар, Мальта, Суэц, Аден защищают путь в Индию через Средиземное море, Южная и Восточная Африка защищают путь в Индию через мыс Доброй Надежды, Сингапур охраняет доступ к Индии с востока, Австралия примыкает к этой цепи с юго-востока.

320 миллионов человек, одна шестая всего человечества, эксплоатируются Англией в Индии. Не более 100.000 англичан порабощают триста миллионов [2]). Один англичанин держит под своим сапогом 3.000 индусов! Это ничтожное меньшинство сумело превратить Индию, одну из древнейших культурнейших стран мира, в об'ект эксплоатации для британского капитализма, приспособить ее к потребностям английского капитала на различных стадиях, хотя бы ценой того, что «кости индийских ткачей покрыли равнины Индии».

---

[1]) K. T. S h a h (проф. в Бомбейском университете) и K. I. Khambata (тоже), „Wealth and taxable capacity of India". London, 1924 г., стр. 253.

[2]) В „Statistical Abstract of British India" вы напрасно будете искать ответа на вопрос: сколько англичан живет в Индии? Можно лишь косвенным путем притти к заключению, что в 1921 г. из 125.000 жителей европейской расы английский элемент состоял примерно из:

80.000 последователей англиканской церкви,
7.600 пресвитерианцев,
4.000 методистов,
5.000 протестантов („Statist. Abstract", стр. 17).

Способ эксплоатации Индии изменялся на разных стадиях развития английского капитализма. Когда преобладающей формой был *торговый капитал*, английские торговые компании покупали и грабили изделия высоко развитого индийского ремесла: муслины и тонкие ткани, драгоценности и произведения искусства, специальные продукты индийского сельского хозяйства, как-то: индиго и пряности. В *мануфактурный* период Англия навязывает Индии свои дешевые хлопчатобумажные ткани, Индия стала главным рынком сбыта для хлопчатобумажной промышленности Англии. В период *промышленного капитализма* английский капитал строит в Индии железные дороги и порты, поставляет паровозы и вагоны, проникает по линии железных дорог, всюду вытесняя туземное ремесло своими массовыми товарами, уничтожая это ремесло Наконец, в период *финансового капитала* английский капитал отчасти переносит производство в Индию, чтобы там, на местах эксплоатировать дешевую рабочую силу. Во всех этих стадиях английский капитал пользуется в Индии полной монополией. Он регулирует развитие производительных сил не сообразно потребностям массы индийского народа, а сообразно потребностям английского капитала. Английский капитал устроил в Индии хлопковые, джутовые и чайные плантации за счет производства предметов питания, обрекая таким образом население Индии на голод. В печальном положении индийского народа повинна единственно и исключительно английская буржуазия: она несет ответственность за то, что за один период от 1876 г. до 1890 г., *по официальным данным, в Индии умерло от голода 26 миллионов человек*[1]), во имя культурной миссии английской буржуазии в Индии. В качестве причины смертности населения чаще всего фигурирует в индийской статистике лихорадка, «благозвучное прикрытие недостаточного питания, плохой одежды и антисанитарных жилищных условий», как выражается один медицинский авторитет [2]).

Значение Индии для английской буржуазии.

Трудно установить хотя бы приблизительно весь об'ем тех выгод, которые английская буржуазия извлекает из эксплоатации Индии: слишком заботливо статистика скрывает за массой всяких цифр истину. Можно предположительно оценить некоторые статьи доходов английской буржуазии.

1. За так называемое *хорошее правительство* индийский народ ежегодно платит тем нескольким десяткам тысяч чиновников, которые представляют в Индии интересы английского капитала, много миллионов фунтов. Срок службы непродолжителен: по прошествии нескольких лет чиновники выходят в отставку с пожизненной пенсией. Какие суммы выжимаются для этого из Индии, нельзя точно установить. В «Statistical Abstract» мы находим под рубрикой Expenditure in England (расходы в Англии) следующие главные статьи за 1924/25 г.:

	В тыс. фун. ст.
Дипломатия, школа, искусство, наука и пр.	1624
Платежи по армии и флоту в Англии	3975
Пенсии по армии и флоту	3850
Гражданские пенсии и пр.	2998
Военные постройки	2215
Итого	14662

Что получают английские чиновники в *самой Индии*, из цифр не видно; надо полагать, что это — больше, чем те суммы, которые расходуются

[1]) См. V. H. Rutherford. „Modern India". London, стр. 88.
[2]) Там же, стр. 90.

в Англии. Служба в Индии является обеспечением на всю жизнь для десятков тысяч молодых англичан [1]).

Итак, 30 миллионов фунтов за «хорошее правительство».

2. В 1925 г. Англия купила в Индии товаров на 80 миллионов фунтов ст., а продала в Индию — на 87 млн. ф. ст. [2]), из них английских товаров на 85 млн. Ни одна страна в мире не покупает столько английских товаров, как Индия. (Вторым по величине покупателем были в 1925 г. Соед. Штаты, купившие английских товаров на 54 млн. ф.). Эта торговля находится полностью в английских руках: английские товары привозятся в Индию английскими торговцами, индийские товары закупаются в Индии английскими купцами, так что вся торговая прибыль перепадает англичанам, это—по меньшей мере 10% с оборота, т.-е. 15 *миллионов фунтов ст. в год.*

Промышленную прибыль на товарах, сбываемых в Индию, можно считать, по меньшей мере, в 15%, т.-е. 12 *млн. ф. ст. в год.*

Английский капитал, вложенный в Индии, можно оценить примерно в один миллиард фунтов [3]), включая 341 млн. государственного долга и железнодорожных облигаций. Среди этого капитала имеется сравнительно много плантационного капитала, дающего очень высокую прибыль (чайные, джутовые, кофейные плантации); поэтому среднюю прибыль мы можем считать не меньше 10%, это даст *в год 100 миллионов фунтов.*

Нижеследующие цифры показывают, какая часть английского вывоза капитала направляется в Индию [4]):

Годы.	Вывоз капитала в Индию и Цейлон	Весь вывоз капитала из Великобритании	Вывоз в Индию в %
	В миллионах фунтов ст.		
1908	13,5	146	9,2
1909	15,9	182	8,7
1910	14,7	189	7,8
1920	3,5	53,2	6,6
1921	29,3	115,7	25,5
1922	36,1	135,2	26,8
1923	25,3	136,2	19,0
1924	2,6	134,2	1,9
1925	3,4	87,8	3,9
1926	2,0	122	1,6
1927	0,8	153	0,5

Как мы видим, в первые годы после войны, вывоз капитала из Англии в Индию был весьма незначителен, но очень быстро поднялся в результате тех колоссальных прибылей, которые получались в эти годы в индийской хлопчатобумажной и джутовой промышленности; в 1924—1927 гг. вывоз

[1]) Английские железнодорожные чиновники получают в Индии такие оклады жалованья, о которых не могли бы мечтать в Англии.
[2]) Memorandum sur la balance de commerce 1911—1925 (Меморандум Лиги Наций), стр. 317.
[3]) Пейш оценивает этот капитал в 1909/10 г. в 365 млн. ф. ст., Г. Е. Говард для 1911 г.—в 450 млн. См. P. P. Pillai, „Economic Conditions of India", стр. 282.
Принимая во внимание сделанные с тех пор новые инвестиции, происшедшее с тех пор накопление капитала в Индии, увеличение уровня цен до 170, повлекшее за собой соответственно более высокую оценку вложенного в Индии промышленного капитала, можно смело остановиться на цифре в 1000 млн. ф. ст. Тов Ратбон (Rathbone) в своей неопубликованной еще работе „Industrial India" оценивает помещенный в Индии капитал в 800 млн. ф. ст. Он не принимает, однако, во внимание повышение уровня цен.
[4]) Данные за 1908/10 гг. сообщены Мидленд-банком, цит. у Ратбона, данные за 1920/25 гг. взяты из Balance des Payments, Женева, 1926 г., данные за 1927 г. из „Statist" от 7/I 1928 г., цифра 1926 г. взята предположительно.

капитала из Англии в Индию упал до минимума, так как англичане пришли к заключению, что выросшая во время войны новая промышленность Индии не в состоянии выдержать конкуренцию на мировом рынке.

Почти весь *морской транспорт* Индии производится на английских кораблях, страхуется у английских страховых обществ и т. д. Цифра получаемой здесь прибыли трудно поддается оценке; мы берем ее круглым счетом в *10 млн фунт стерлингов*.

Таким образом мы получаем *общую цифру примерно в 160 млн ф. ст.*! На самом деле эта сумма, вероятно еще выше. Обладание Индией дает английскому капитализму также материальные выгоды, не поддающиеся оценке в цифрах, например, возможность распоряжаться индийским золотом, употреблять индийские войска в войнах Англии и т. д.

Для проверки приводим цифры вышецитированных индийских авторов Shah и Khambata:

	В милл. рупий
Расходы в Англии	500
Прибыль иностранного капитала в Индии	600
Фрахты иностранных пароx. обществ	416
Комиссионные банков	150
Прибыль иностран. купцов в Индии	532
Итого	2.200 [1]

Экономические результаты английского господства в Индии можно свести к следующему:

индустриализация страны и аграризация населения.

Это кажется противоречием, но тем не менее соответствует действительности. Противоречие это разрешается следующим образом: введение машинного производства разоряет старое ремесленное производство с его миллионами рабочих, последние переходят к единственному возможному для них занятию, а именно в сельское хозяйство. Таким образом об'ясняется тот замечательный факт, что все больший процент народонаселения Индии живет сельскохозяйственным трудом, вернее, голодает...

Этот процент составлял в:

1891 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.
61	66	72	73

Сельское хозяйство.

В сельском хозяйстве Индии мы констатируем следующие моменты:

а) Нищета индийского населения проистекает *не* от недостатка земли сравнительно с цифрой народонаселения. Это явствует из нижеследующих цифр [2]):

	1915/6 г.	1918/9 г.	1924/5 г.
	(В миллионах акров)		
Вся площадь [3])	619	6.5	668
Леса	85	87	87
Негодная для возделывания площадь	144	147	151
Годная, но не возделываемая (не включая земли под паром)	114	114	153
Участки под паром	52	73	47
Возделанная площадь	222	201	227
В том числе орошаемая площадь	47	47	45

1) 2200 млн. рупий = 146,5 млн. ф. ст. (одна рупия равняется 1 шилл. 4 пенсам.)
2) „Statist Abstract for British India", 1915/16—1924/25, стр. 310.
3) Увеличение об'ясняется присоединением „независимых" прежде территорий.

Как мы видим, в 1924—25 г. возделывалось 227 млн. акров, в не возделывалось и находилось под паром 200 млн. Так как в самом сельском хозяйстве имеется громадная резервная армия рабочих, то ясно, что возделыванию этих земель препятствует монополия на землю. Сильное сокращение возделанной площади в 1918—1919 г., очевидно, явилось результатом царившего тогда голода и эпидемии инфлуэнцы.

б) *Классовое расслоение сельского хозяйства* в Индии (исключая скотоводство, лесное хозяйство и т. д.) представляет следующую картину [1]):

	Число самодеятельных	Число самод. с их семьями
	В миллионах	
Получатели земельной ренты	3,7	10
Крестьяне	74,7	173,1
Поденщики и батраки	21,7	37,9

Все эти категории делятся в классовом отношении на различные слои. Большинство получателей ренты — мелкий люд, имеющий очень незначительный доход. Зато небольшое число крупных феодальных землевладельцев получает громадные доходы. Так, например, «The Mysor Patriot» [2]) пишет:

«Из всего государственного дохода примерно в 338 тыс. фунт. частный доход его высочества магараджи Альвара составляет 203 тыс. фунт. На автомобили расходуется 38 тыс. фунт., на содержание гаража 28 т. фунт. На школы государство тратит мизерную сумму 7.500 фунт. Кухня его высочества обходится приблизительно в 11.250 фунт. Вся сумма, предусмотренная в бюджете для лесного отдела, расходуется на охотничьи экспедиции, устраиваемые магараджей для себя и своих гостей. В последнем году на прием гостей истрачено было свыше 52 тыс. фунт. Среди гостей много европейцев, приезжающих сюда, чтобы воспользоваться гостеприимством его высочества».

В сельском хозяйстве Индии происходит интенсивный процесс дифференциации: быстрое увеличение деревенского пролетариата в собственном смысле слова, расщепление землевладения, рост числа безработных получателей ренты.

Численность сельскохозяйственного пролетариата (включая членов семьи) составляла (в миллионах) [3]):

1891 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.
18,7	33,5	41,2	37,9

Сокращение, происшедшее между 1911 и 1921 гг., отчасти об'ясняется эпидемией инфлуэнцы в 1918 г., которая, естественно, свирепствовала среди этого беднейшего класса населения, а отчасти методами подсчета: число «неспециализованных» рабочих поднялось за этот период на 12,5% [4]):

Общая статистика дифференциации сельского населения нам неизвестна. Для провинции Мадрас имеются следующие цифры [5]):

	На каждую тысячу человек с.-х. населения		
	1901 г.	1911 г.	1921 г.
Неработающие землевладельцы	19	23	49
Неработающие арендаторы	1	4	28
Работающие собственники	484	426	381
Работающие арендаторы	151	207	225
Рабочие и батраки	345	340	317

1) „Statist. Abstract" 1924/25 г., стр. 38
2) Цит. в „Literary Digest", 3/XII 1927.
3) Pillai, стр. 113.
4) „Census of India", 1, стр. 246.
5) Pillai, стр. 114.

Как мы видим, с одной стороны, увеличилось число получателей ренты, с другой стороны, увеличилось число арендаторов, при чем положение мелких арендаторов лишь немногим разнится от положения рабочих.

Так, например, в провинции Бомбей 48% всех хозяйств имеют меньше 5 акров земли, эта категория в общем обладает не более 2,4% всей площади [1]). Это—карликовые хозяйства, число их вследствие растущей расщепленности, повидимому, еще увеличивается. Положение крестьянства в высшей степени плачевно. Обстоятельное правительственное обследование типичной деревни в Восточной Бенгалии в 1917 и 1926 гг. дало следующие результаты [2]): население деревни делится на три группы: 1) на имеющих возможность жить со своей земли; 2) на дополняющих свой доход на достаточную высоту путем работы по найму; 3) на живущих с дефицитом.

Внутри этих групп население распределяется следующим образом:

	1917 год			1926 год		
	I	II	III	I	II	III
Число семейств	10	12	125	7	16	107
Число душ	43	25	664	44	55	556
Излишек или недостаток на семью	+232	+18	−137	+99	+170	−128

Итак ⅚ всего числа крестьян зарабатывают менее, чем потребляют.

в) На ряду с новейшим плантационным хозяйством в сельском хозяйстве Индии сохранились сильные остатки феодализма (см. цитаты в конце статьи).

Фабричная промышленность вытесняет рабочих в сельское хозяйство, и не удивительно, что положение сельскохозяйственных рабочих во время хорошей военной и послевоенной кон'юнктуры сельского хозяйства еще более ухудшилось. Приводим ставки заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Бомбейской провинции [3]).

Индекс заработной платы в 1922 году
(Ставки 1914 года взяты за 100)

Полевые рабочие		Рядовые рабочие		Обученные рабочие	
в городе	в деревне	в городе	в деревне	в городе	в деревне
105	94	112	91	109	102

г) Сборы урожая не растут.

Индийское сельское хозяйство не прогрессирует в смысле увеличения общих цифр сбора урожая. Правда, официальная статистика показывает значительное увеличение, но она имеет большие из'яны. Например, по этой статистике средние годовые сборы риса в 1900—1913 гг. составляли 23,7 млн. тонн, а в 1914—1922 гг. поднялись до 31 млн.; однако, весьма тщательные исследования К. И. Хамбата [4]) показали, что в этой статистике не учтены сборы с целых территорий за прежние годы. Для правильного сравнения надо брать следующие цифры урожая [5]):

	1900—13 гг.	1914—22 гг.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
	В миллионах тонн				
Рис	32,5	33,3	35,7	30,2	33,0
Пшеница	8,4	9,3	9,9	9,8	9,0
Прочие злаки	21,8	23,1	—	—	22,3
	62,7	65,7	—	—	64,3

[1]) „Evidence of the Royal Commission of Agriculture“, том II, часть 1, стр. 26.
[2]) Там же, стр. 16.
[3]) Pillai, стр. 110. Источник: „Report of an Inquiry into Agricultural Wages in the Bombay Presidency“.
[4]) Цит. соч., стр. 88.
[5]) Три последние цифры вычислены нами: к официальным данным мы прибавили увеличение сборов за последние годы, вычисленное Хамбата.

Как видно из этих цифр, сельское хозяйство Индии находится в состоянии абсолютного застоя, производство пищевых средств не прогрессирует. Так как тем временем народонаселение увеличилось (вывоз риса, пшеницы и муки движется примерно в тех же сравнительно узких границах), то из этого следует, что средняя норма питания индийского народа в настоящее время еще хуже, чем 20 лет назад.

Несмотря на затрату большого количества труда, почва Индии дает небольшие урожаи, как видно из следующих цифр урожайности на гектар [1]):

	Пшеница		Рис	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
	(в двойных центнерах)			
Британская Индия	6,9	7,2	14,4	9,4
Япония	17,3	16,7	34,5	32,3
Аргентина	6,7	7,7	—	—
Германия	20,7	16,2	—	—

Урожайность пшеницы в Индии приблизительно вдвое ниже, чем в Японии, втрое ниже, чем в Германии, и равна урожайности в Аргентине. Тогда как в Индии на 1 кв. килом. приходится 68 жителей (и возделывается только треть всей площади), в Аргентине на один кв. километр приходится 3,36 жителя. Тогда как в Индии один сельскохозяйственный работник приходится на 2,7 акра возделанной земли, в Германии при вдвое больших сборах урожая с гектара (складываем здесь пшеницу и рис) одна рабочая сила приходится на 5,4 акра. Итак, весьма низкие сборы при очень густом населении и колоссальной затрате труда на гектар земли—вот основная черта сельского хозяйства в Индии и источник нищеты ее крестьянского населения.

На этой почве развиваются здесь все те виды эксплоатации, которые известны из истории других стран, но в еще бо̀льшей степени: ростовщическая земельная рента, отнимающая у земледельца до половины его урожая; ростовщические проценты, доходящие до 20% и выше, при чем половина крестьянства сильно задолжена; ростовщические товарные операции, когда деревенский ростовщик отбирает у крестьян их продукты далеко ниже их рыночной цены [2]). Рента, проценты, ростовщичество на товарах, налоги отнимают у крестьян 80% их урожая. Материальное положение индийского крестьянина походит на положение французских крестьян накануне Великой французской революции, описанное Тэном в его «Старом режиме».

Таковы плоды английского господства в Индии: половина территории остается невозделанной, сборы урожая низки и по отношению к цифре населения падают, крестьяне и сельскохозяйственные рабочие находятся в состоянии ужаснейшей нищеты, только феодальные помещики и английские плантаторы обогащаются на их несчастьях.

Индустриализация Индии.

«В XIX столетии Индия была главным рынком сбыта для английских фабрикатов. В XX столетии Индия быстро индустриализируется под контролем английского капитала; этот капитал с помощью громадной и безответственной бюрократической машины и полурабского положения рабочих находит здесь более выгодные возможности приложения, чем у себя дома» [3]). «Индустриализация Индии под английским контролем—в настоящее

[1]) „Stat. Jahrbuch des Deutschen Reiches“, 1927, стр. 28 и 32.
[2]) Pillai, стр. 125
[3]) R. Palme Dutt. „Modern India“, стр. 9.

время Индия официально признана одной из восьми ведущих промышленных стран мира [1])—означает, что по мере ухудшения положения в Англии английский капитал пользуется своей властью над дешевой рабочей силой в Индии и основывает здесь предприятия, которые должны своей конкуренцией снизить заработную плату в Англии» [2]).

В главном этот взгляд разделяется всеми нашими товарищами, работающими на тему об Индии: Роем, Ратбоном, Лугани [3]). В нижеследующем мы делаем попытку проверить этот взгляд на основании важнейших фактов.

а) Темп индустриализации Индии.

Найти масштаб для суждения о ходе индустриализации такой страны, как Индия,—нелегкая задача. Здесь происходит следующий процесс: развивается новейшая фабричная промышленность и гибнут все еще весьма значительные остатки туземного ремесленного производства.

Важным показателем темпа индустриализации является распределение населения между городом и деревней. Процент городского населения в Индии составлял [4]):

1891 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.
9,5	9,9	9,5	10,2

Итак, здесь нет и речи о сильной тяге населения в города, которая обычно неразрывно связана с процессом индустриализации страны!

Другим общим показателем являются цифры потребления угля:

	Добыча угля	Ввоз угля	Вывоз угля	Потребление угля в стране
	(в тысячах тонн)			
1903—1913 (среднее)	13 509	431	795	13 148
1913	16 ·08	654	881	15 971
1919	22 628	68	141	22 552
1926	19.968	483	229	20 221

За 15 лет потребление угля увеличилось в Индии круглым счетом на 50%.

Индийская статистика занятий населения—впрочем, сам индийский Census (перепись) называет ее крайне ненадежной—указывает, что за время от 1911 г. до 1921 г. число людей, живущих за счет промышленности, уменьшилось [5]).

Увеличение или уменьшение в различных областях народного хозяйства составляло:

Сельск. хозяйство.	Горное дело.	Промышленн.	Транспорт.	Торговля.
+ 1,8	+ 2,3	— 6,0	— 13,8	+ 2,0

Эти данные свидетельствуют, что в области промышленности произошло в общем уменьшение. Однако они не дают правильной картины, так как

[1]) В 1922 г. лорд Чельмсфорд от имени индийского правительства внес в Лигу Наций предложение зачислить Индию в число восьми ведущих промышленных государств мира, так как в ней насчитывается 20 миллионов промышленных рабочих. Предложение было принято, и соответственно этому увеличилось влияние английского капитала в Международном Бюро Труда, что и было целью всего этого маневра.

[2]) R. Palme-Dutt. „Modern India", стр. 11.

[3]) Исключением является тов. Мукерджи, считающий, что за последние годы, когда в Англии у власти находятся консерваторы, английская политика снова вернулась в свое старое русло, враждебное индустриализации Индии. Работа тов. Мукерджи еще не опубликована.

[4]) „Census of India". 1921, стр. 65.

[5]) „Census", стр. 241. К сожалению, мы не нашли таблицы движения промышленного населения.

в промышленности происходит противоречивый процесс: с одной стороны, сокращаются кустарная промышленность и ремесло, с другой стороны, развивается современная крупная промышленность. Прогресс крупной промышленности характеризуется следующими цифрами [1]):

Рабсила в промышл. предприятиях с числом рабочих выше 20 (1911—21 гг.).
(в тысячах)

	Все пром. предпр.	Плантац.	Горнопр.	Текст.	Метал.	Химич.
Все занятые лица:						
1921 г.	2608	818	260	760	165	102
1911 г.	2106	810	224	558	71	49
Квалифиц. рабочие:						
1921 г.	701	16	67	329	74	24
1911 г.	555	18	72	251	34	12
Неквалифиц. рабочие:						
1921 г.	1794	788	184	403	80	69
1911 г.	1481	780	146	287	32	34

В смысле темпа прогресс весьма значителен: за десять лет число рабочих увеличилось на 25%, в текстильной промышленности — на 35%, в металлопромышленности — на 130%, в химической промышленности — на 100% [2]).

Но если сравнивать абсолютные цифры, если сравнивать положение в Индии с развитием промышленности в других заокеанских странах во время мировой войны, когда в Индии английская буржуазия искусственно насаждала индустриализацию, то прогресс оказывается на самом деле небольшим. Увеличение числа рабочих на 500.000 (ежегодно на 50.000), в том числе примерно 150.000 квалифицированных рабочих — это воистину маловато для страны с населением в 320 миллионов.

б) Степень индустриализации.

Несмотря на быстрый рост в процентах, достигнутая в Индии степень индустриализации (судя по числу рабочих) весьма низка. В 1921 г. 70,9% населения принадлежали к сельскому хозяйству, 10,7% к промышленности. Сравним с этим процент занятых в промышленности в других странах: он составлял в России в 1897 г. 17,4%, в Италии в 1910 г.—27,5%, даже в Испании, самой отсталой стране Европы в промышленном отношении, он составлял в 1910 г.—14,6%! Мы видим, что степень индустриализации, достигнутая в Индии, очень не высока.

Еще ярче сказывается это, если обратиться к рассмотрению цифр крупной промышленности. Число рабочих в собственно промышленных производствах было установлено в Индии в 1921 г. [3]). Перепись охватила все

[1]) „Census" I, стр. 293.

[2]) Нижеследующая таблица свидетельствует о том же процессе:

Число рабочих в крупной промышленности (в тысяч)
(предприятия, подлежащие фабричному закону).

	Число заведений.	Рабочие.	Работницы.	Дети.	Итого.
1909 г.	2,2	619,0	114,5	52,4	705,9
1914 г.	2,9	746,8	144,2	60,0	951,0
1919 г.	3,5	927,6	177,4	66,5	1.171,5
1924 г.	6,4	1.147,7	235,3	72,5	1.455,5

[3]) Под промышленным производством понимается здесь всякое производство, в котором работают за плату десять или больше рабочих „над производством, починкой, орнаментировкой или всякого рода другой отделкой какого-либо товара или части товара". Сюда не включены хозяйства, в которых в совместных интересах работают члены одной семьи и число наемных рабочих не достигает десяти. „Census", стр. 238.

производства, имеющие не менее 10 рабочих, в том числе также производства без механических двигателей. Итак, здесь понятие крупной промышленности взято шире, чем это обычно делается при промысловых переписях в Европе [1]). Приводим цифры этой индийской статистики:

Число предпр.	Число всех занят. лиц	Из них: Квалиф. раб.	Неквалифиц. раб. Взрослые	Дети
	в тысячах			
15,606	2681	724	1604	217

Итак, в Индии в 1921 г. было только около 2,5 миллионов промышленных рабочих. При этом не менее 821.000 из них были рабочие на плантациях («Growing of special products»). Если вычесть этих последних, как непромышленных рабочих, то остается только 1,7 миллиона рабочих в крупной промышленности при общей цифре народонаселения в 320 миллионов! Из всех предприятий «крупной» промышленности в Индии только 51% пользуются механическими двигателями [2]). Как видим, причисление Индии к восьми главнейшим промышленным странам мира является пусканием пыли в глаза. Спрашивается: будет ли процесс индустриализации Индии происходить и далее в том же темпе, что во время военной кон'юнктуры, или нет? Мы сомневаемся в этом.

в) Характер промышленности в Индии.

Вся промышленность Индии носит примитивный характер производства средств потребления. В этом отношении характерны следующие данные переписи 1921 г. [3]):

Число рабочих (в миллионах).

Во всей промышл.	В металлообраб. промышлен.	В строит. пром.	В текст. пром.	В керам. пром.	В конфекционной пром.
15,7	0,73	0,81	4,03	1,08	3,40

Из этих цифр видно, как незначительны в Индии именно металлообрабатывающая промышленность и строительная промышленность, столь характерные для новейшего капитализма отрасли, без которых не может обойтись современное накопление капитала. Эти отрасли составляют вместе взятые только 10% всей промышленности Индии. Около половины всех рабочих работает в производстве одежды и в текстильной промышленности. Число рабочих керамической промышленности (изготовление сосудов для домашней утвари) превышает число рабочих в строительной и металлопромышленности [4]).

Приведенная выше таблица индийской крупной промышленности показывает, что последняя—как, впрочем, во всех странах на первых стадиях их индустриализации—является индустрией средств потребления, «легкой» промышленностью. 165.000 рабочих-металлистов в крупных производствах—

---

[1]) „Census“, стр. 292.

[2]) Там же, стр. 268.

[3]) „Statistical Abstract of British India 1915—1924/25“, стр. 38.

[4]) Перепись 1921 г. резюмирует положение следующим образом: „Промышленность кормит 10 проц. всего населения, но главная масса занята в неорганизованных индустриях, производящих предметы домашней утвари и предметы индивидуального потребления. В организованной промышленности работает только один процент населения“.

ничтожная цифра для такой громадной страны, как Индия [1]). В сущности в Индии существует только одно предприятие новейшего типа: металлургический завод в Тата. Попытки создать производство паровозов и машин имели весьма слабый успех; некоторые из новосозданных фабрик и заводов вынуждены были закрыться, так как железные дороги снова стали отдавать свои заказы английским заводам; их акции совершенно обесценены. Мукерджи приводит об этом многочисленные цитаты из органа индийской национальной буржуазии «Капитал».

Единственная индийская отрасль промышленности, действительно сильно развившаяся, это—текстильная промышленность (хлопчатобумажная и джутовая). Приводим сводку развития хлопчатобумажиой промышлениости Индии, составленную Ратбоном в его работе Industrial India, на основании данных Tariff Board Report 1927:

Год	Число работающих фабрик	Число веретен (в 1000)	Число ткацких станков (в 1000)	Продукция: пряжи (в млн. фун.)	Продукция: ткани (в млн. фун.)	Экспорт пряжи	Экс. в % продукции	Экспорт тканей в млн. ярдов
1899	167	4550	38	514	102	244	47,4	112
1908	218	566[illegible]	66	658	192	242	36,8	113
1913	236	6320	92	683	274	207	30,3	130
1918	249	6563	116	615	349	73	11,7	187
1921	245	6846	124	693	403	88	12,6	187
1924	274	7861	146	719	459	46	6,3	230

(В последних четырех столбцах данные относятся к индийскому хозяйственному году, кончающемуся 31 марта следующего года).

Прогресс во всех отношениях весьма значительный. Однако, он нисколько не выше тех успехов, которые сделали за это время два других больших государства Азии: Япония и Китай. Приводим для сравнения следующие цифры [2]):

	Число веретен (в тысячах) 1913 г.	1924 г.	1926 г.
Индия	6084	7928	8510
Япония	2300	4825	5573
Китай	1600 [3])	3300	3436

Итак перед нами не нечто характеризующее только развитие Индии, а общая тенденция перемещения текстильной промышленности к центрам потребления [4]).

---

[1]) Тяжелая индустрия развивается в очень быстром темпе, как видяо из нижеследующих цифр:

	Производство чугуна.	Производство стали.
	В тысячах	тонн.
1913 г.	207	92
1920	316	159
1924	891	340
1925	894	456
1926	927	457

Однако, абсолютные цифры весьма низки, соответствуют примерно условиям Восточной Верхней Силезии или приблизительно равны четверти производства Люксембурга. См. Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich. Internationale Uebersichten.

[2]) Materialien zur Weltwirtschaftskonferenz C. E. I. 9. (Хлопчатобумажная промышленность). Цифры 1913 г. дают незначительное уклонение.

[3]) Для 1920 г.

[4]) То обстоятельство, что эта тенденция прежде всего проявляется в текстильной промышленности, легко об'яснимо. Машины для прядильных и ткацких фабрик можно получить из-за границы; для основания конкурирующего предприятия здесь требуется гораздо меньше капитала, чем в тяжелой индустрии или в химической промышленности; оборотный капитал имеет здесь короткие периоды оборота; рабсила может поставляться женским и детским трудом; кустарная промышленность может доставить рабочих с некоторой подготовкой; сырье находится там же, где рынок сбыта (в Индии) и т. д.

Мы можем подвести следующий итог. Развитие крупной промышленности в Индии происходило в последние десятилетия в быстром темпе, но не быстрее, чем в Японии или Китае. Оно происходило за счет старого туземного ремесла или кустарной промышленности, которые до сих пор продолжают оказывать сильное сопротивление [1]). Большие достижения констатируются только в хлопчатобумажной промышленности [2]); что касается металлопромышленности и химической промышленности, то они быстро развиваются, но до сих пор достигли пока только совсем невысокой степени развития. Индустриализация нисколько не изменила до сих пор основного характера Индии, как аграрной страны.

Экономическая политика английской буржуазии в Индии.

Если правилен наш взгляд, что индустриализация Индии по своему характеру и темпу не разнится существенно от индустриализации других заокеанских стран в XX столетии, то отсюда следует, что экономическая политика Англии не сыграла здесь решающей положительной роли [3]). В экономической политике английского капитала

[1]) Даже в текстильной промышленности продолжает существовать еще ручное ткачество (при величайшей нищете ткачей), а именно на двух противоположных полюсах с одной стороны, для тонких художественных тканей, которые трудно производить фабричным путем, с другой стороны - для дешевых тканей из хлопка плохого качества, недостаточно крепкого для механической обработки. Длинный рабочий день, помощь членов семейства, низкий уровень жизни ручных ткачей и т. д.—все это обусловило, что в 1905 г. стоимость ткацкой работы на ручных станках составляла 21, а на фабриках 14—17 пи (мелкая индийская монета). Пиллай, стр. 144—145.

[2]) Хлопчатобумажная промышленность в Индии удовлетворяет 60—70% туземного спроса, который, как явствует из нижеприводимой таблицы, уменьшается.

Производство хлопчатобумажных тканей в Индии и внешняя торговля ими.

(„Manchester Guardian Commercial“ от 14 июля 1927 г.) (год кончается 31 марта).

	1913/14 г.	1926/27 г.
	(в миллионах	ярдов).
Производство в Индии	1.164,3	2.258,7
Ввоз	3.197,1	1.787,9
Итого	4.361,4	4.046,6
Экспорт		
из Индии	89,2	197,4
реэкспорт	61,1	29,1
Итого	150,3	226,5
Потребление в Индии	4.210,1	3.820,1
К этому продукция ручного ткачества (предположительная оценка)	1.130,0	1.343,4
Итого	5.340,1	5.163,5

[3]) Текстильная промышленность развивалась в Индии, как и во всех других странах, в значительной мере с помощью туземных капиталов.

Приблиз. цифры участ и английского и индийского капитала в текстильной промышленности Индии.

(Вычислены Ратбоном на основе данных Tariff Board Report on the Textile Industry, Appendix, p. 258 t. I).

	Число фабрик.	Число веретен.	Число ткацких станков.	Капитал в рупиях.
9 обществ с англ. директорами (managing agents)	27	1.112.114	22.121	98.885.415
32 общества с индийскими директорами (managing agents)	56	2.360.528	51.580	97.704.595

в Индии в XX столетии мы можем явственно отличать два периода, а события последних лет, быть может, означают новое направление этой политики.

Первый период характеризуется стремлением английского капитала воспрепятствовать индустриализации Индии, сохранить эту страну, как своего рода монопольный рынок сбыта для английской промышленности. Для этой цели прибегали к всевозможным средствам. высоким пошлинам на машины, внутренним сборам с текстильных товаров и т. п. Этот период продолжался до первого года мировой войны и не завершился вполне успешно. Приведенные выше таблицы показывают, что индустриализация Индии происходила еще до начала мировой войны; в особенности это относится к хлопчатобумажной промышленности Индии, которая уже в 1913 г. насчитывала 6,3 млн. веретен. Впрочем, металлургический завод Тата тоже основан был еще до войны.

Начало второго периода мы можем считать с 1916 года. В этом году английское правительство разрешило ввести в Индии покровительственную пошлину на хлопчатобумажные товары в размере 3,5%. Обстоятельства, приведшие к такому изменению политики английской буржуазии, заключались в следующем:

а) В области внутренней политики. Война заставила Англию забрать свои войска из Индии, поэтому англичане уже не могли опираться в Индии исключительно на небольшой слой помещиков. Национально-революционное движение уже в 1905 г. пыталось выступить с общим бойкотом британских товаров, а в начале мировой войны оно проявилось в бунтах индийских полков и вооруженных восстаниях. Чтобы противодействовать этому движению, английская буржуазия должна была отколоть индийскую буржуазию от масс: с этой целью она отчасти удовлетворила классовые интересы индийской национальной буржуазии, отчасти сделала ей обещания на будущее.

б) В военном отношении. Вследствие недостатка тоннажа невозможно было снабжать азиатский театр войны военными материалами из Англии. Поэтому для английской буржуазии являлось целесообразным развивать промышленное производство в самой Индии (металлопромышленность, химическую промышленность) [1]).

в) В экономическом отношении. Вследствие недостатка товаров и тоннажа Англия и без того не могла снабжать индийский рынок товарами. Япония наводнила его своими товарами. Для английской буржуазии было меньшим злом содействовать индустриализации Индии, нежели предоставить этот рынок японской конкуренции.

г) В области внешней политики. Война велась во имя «свободы народов», «принципов гуманности» и т. д. Английской буржуазии было на руку сделать уступки «индийскому народу», сиречь индийской буржуазии, и торжественно протрубить об этом на весь мир. Внешнее свое проявление эта тенденция получила в билле Чельмсфорда, в обещании перевести Индию на положение доминиона; в оборот пущен был лозунг «деколонизации Индии».

В духе этой политики промышленность Индии получила покровительственные пошлины. Они составляли в среднем:

В 1914 г.	В конце войны	В 1921 г.	В 1922 г.
5%	7,5%	11%	15%

В настоящее время Индия имеет пошлины на все промышленные товары за исключением земледельческих машин. Высота пошлин варьирует:

[1]) Лорд Чельмсфорд указывал на большую пользу, которую завод в Тата принес англичанам в их военных действиях в Египте, Палестине и Вост. Африке.

на машины взимается пошлина в 2,5%, на железо и сталь—в 10%, на пряжи, бумагу и т. п.—15%, на автомобили, шелковые ткани—30%, на уголь [1], жесть, полуфабрикаты из железа и стали [2])—25% и т. д. На некоторые виды сырья: джут, кожи, рис (в неочищенном виде), чай существуют вывозные пошлины. Хотя пошлины не столь высоки, как в Соед. Штатах, они все же означали существенную защиту туземной промышленности.

В связи с этой новой политикой многие английские предприятия в Индии уже «индианизировались», т.-е. приняли форму индийских акционерных обществ. Одновременно вложено было в Индии очень много английского капитала: как во время войны, так в особенности в послевоенный период (об этом свидетельствует таблица, приведенная выше). Это был период громадных прибылей для индийской промышленности, период растущего накопления капитала в стране, роста курса рупии (до 10 за 1 ф. ст.); это было время сотрудничества английской и индийской буржуазии почти без всяких трений: обе они обогащались.

В последние годы повидимому, наметился если не перелом, то новый уклон в индийской политике английской буржуазии. Этот новый уклон покоится на следующем экономическом базисе:

а) Положение индийской промышленности ухудшилось: колоссальные прибыли прекратились, вывоз продуктов индийской промышленности на мировой рынок уменьшился, на цены индийских товаров давит конкуренция всех империалистических стран, промышленность которых опирается на монополию в собственной стране, индийской промышленности не могут помочь при этом ее пошлины, многие из новооснованных промышленных предприятий переживают тяжелое критическое положение.

б) Положение английской промышленности тоже ухудшилось. Опыт последних лет показал, что она не в состоянии «автоматически» восстановить свое положение на мировом рынке. Большие основные индустрии Англии: угольная, железная и стальная, хлопчатобумажная, машиностроительная промышленность находятся в течение последних семи лет в состоянии хронического кризиса. Отсюда уклон в сторону ограничения прежней политики содействия индустриализации Индии. Отсюда стремление сосредоточить все силы на реорганизации, рационализации и картелировании собственной промышленности, сделать все возможное для поднятия собственного экспорта. За последние два—три года это стремление выступает с все большей силой.

Какие факты подтверждают эту тенденцию?

1. За последние четыре года в Англии вообще не было выпущено ни одной значительной эмиссии для Индии. Конечно, это можно толковать в том смысле, что собственное накопление капитала в Индии оказывается достаточным для дальнейшего проведения индустриализации; но на самом деле это является результатом ухудшения рентабельности индийских предприятий.

2. Правительство Индии, находящееся всецело в руках англичан, снова отдает правительственные заказы—в особенности железнодорожные—английским заводам. Поэтому акции индийских паровозо- и вагоностроительных заводов и машиностроительных фабрик сильно упали; часть этих предприятий вынуждена была закрыться [3]). Дело в том, что, как во всякой молодой индустрии, государственные заказы играют здесь решающую роль.

[1]) „Manchester Guardian Commercial" от 24/III—1927 г.

[2]) „Statistical Abstract for Brit. India 1914/15, 1925/26 г." приводит весь таможенный тариф (стр. 656—665).

[3]) В индийском журнале „Капитал" можно найти многочисленные жалобы и протесты против этого.

3. Английская буржуазия провела в Индии дефляцию валюты, от которой сильно пострадала индийская промышленность.

Чтобы показать, как английская буржуазия обирала и обирает Индию на почве валюты, понадобилась бы специальная работа. За недостатком места мы вынуждены ограничиться здесь главнейшими моментами.

В довоенное время (начиная с 1893 г.) индийская валюта была «несвободной» серебряной валютой с хождением серебра и банкнотной циркуляцией. Валюта эта поддерживалась в определенном, официально зафиксированном ценностном отношении к фунту стерлингов. Несвободной она была в том смысле, что право свободной чеканки рупий не существовало; монеты - рупии имели гораздо более высокий курс, чем соответствовало их содержанию серебра. Паритет с фунтом был произвольно установлен в следующей пропорции: 15 рупий равняются 1 фунту ст. или обратно. 1 шиллинг 4 пенса равняются 1 рупии. Для поддержания этого паритета Индия держала запас золота в Англии. Когда курс рупий грозил упасть ниже установленного паритета, индийское правительство закупало в Лондоне за золото векселя в фунтах, в обратном случае оно предлагало в Лондоне векселя в рупиях [1]) (так называемые «council-bills», с оплатой в Индии в рупиях).

Английская буржуазия извлекала из этой системы следующие выгоды:

а) Английская валюта (фунт стерлингов) оказывалась действительной также в Индии.

б) Английская буржуазия распоряжалась золотым запасом Индии, последний служил опорой для английской валюты. Именно по этой причине различные английские комиссии всегда отклоняли введение в Индии действительной золотой валюты с золотом во внутреннем обращении.

Паритет между рупией и фунтом сохранялся в период 1898—1917 гг. за исключением критического 1908 г., когда английский капитал допустил падение рупии ниже паритета. Но во время мировой войны цена серебра на мировом рынке так поднялась, что стоимость рупии в серебре значительно превысила ее номинальную стоимость в 1 шиллинг 4 пенса. Поворот наступил в начале 1917 г. В конце декабря 1919 г. курс рупии поднялся до 2 шилл. 4 пенсов [2]).

Английский денежный капитал, заполучивший индийское золото в Англию, когда ему необходимо было это для поддержания паритета, теперь со своей стороны не принес никакой жертвы, чтобы держать курс фунта на паритете с рупией. 2 февраля 1920 г. было просто декретировано, что отныне рупия равняется 2 шилл., или 1 фунт ст. равняется 10 рупиям. Это значило, что Англия, изменив прежний паритет, исключала по отношению к Индии обесценение фунта в золоте. Другими словами, английские владельцы твердопроцентных индийских займов в рупиях получали отныне проценты на $\frac{1}{3}$ высшие, чем прежде, а индийские купцы, заключавшие сделки в фунтах стерлингов, получали на $\frac{1}{3}$ меньше рупий, чем фактически должны были получить.

Затем наступил мировой хозяйственный кризис 1920 г. Вместе с резким падением цены серебра (в феврале 1920 г. унция серебра стоила 89,5 пенса, а в феврале 1921 г. только 32 пенса) снова наступил полный развал индийской валюты. Индийское правительство выплатило Англии 55 млн. фунтов на попытку поддержать паритет рупии (1 рупия=2 шилл.), но безуспешно; старый паритет не поддерживали далее [3]), цены падали, возникло очень большое расхождение в ценах импортных и экспортных товаров, а именно в пользу английского капитала, который вывозит в Индию промышленные товары

[1]) См. G. F. Shirras. „Indian Finance and Banking", London, 1920; B. R. Ambedkar. „The Problem of the rupee". London. 1923, „Report of the Royal Commission on Indian Currency and Finance", т. I—VI, 1926, Big Narain, „Indian Economic. Problems", II.

[2]) Ambedkar, стр. 193.

[3]) „Monthly Bulletin of the National City Bank", New-York. 1926, September.

по высоким ценам и дешево закупает в Индии сырье. В этот период английский капитал устремляется в Индию, чтобы использовать эту выгодную ситуацию.

В 1923 г. курс рупии упал до 1 шилл. 4 пенс. и долгое время оставался на этом уровне. В 1925 г. была назначена новая комиссия с большинством из англичан для обследования проблемы индийской валюты. Комиссия предложила следующие меры [1]):

Учреждение центрального эмиссионного банка с исключительным правом выпуска банкнот и с обязательством покупать и продавать золото по установленной цене. Паритет устанавливается в 1 шилл. 6 пенсов. Все золото, в том числе также то, которое до сих пор держали в Лондоне, концентрируется в новом банке; последний должен иметь золотой запас, покрывающий до 50% банкнотной циркуляции.

Предложения комиссии были плохо встречены как в Англии, так в Индии. В Англии (как и во всем капиталистическом мире) опасались, что осуществление этого проекта повлечет за собой еще больший поток золота в Индию [2]) и подвергнет опасности европейские займы. Соед. Штаты опасались, что в случае перехода Индии к золотой валюте произойдет сильное падение цены серебра. Индийская буржуазия в первую голову протестовала против нового фиксирования курса рупии на уровне 1 шилл. 6 пенс.; она опасалась нового падения цен и плохой кон'юнктуры и требовала возвращения к прежнему паритету в 1 шилл. 4 пенса, затем введения действительной золотой валюты [3]) с свободной чеканкой золота и обменом банкнот на золото.

Требования индийской буржуазии потерпели полное фиаско. Курс рупии был зафиксирован в 1 шиллинг 6 пенсов, золотая валюта не была введена. Интересы индийского промышленного капитала были принесены в жертву интересам английского денежного капитала.

в) Вопрос о центральном банке еще не разрешен. Английская буржуазия желает учреждения частного центрального банка, который находился бы всецело в ее распоряжении. Индийская буржуазия, индийский «парламент» требовали учреждения государственного банка, в котором английская буржуазия не могла бы хозяйничать столь непринужденно, они требовали, чтобы директор или вицедиректор банка был индусом и т. д. Индийские феодалы и в этом вопросе шли заодно с английской буржуазией [4]). Укажем на редкое исключение: англичанин—министр финансов в индийском правительстве—сэр Блекетт стал в этом вопросе на сторону индийской буржуазии; а раз не было расхождения между индийским правительством и парламентом, то по закону лондонское правительство не имело права вмешиваться. Но английская буржуазия настояла на своих интересах: сэр Блекетт должен был выйти в отставку, вопрос о банке был отложен.

Это и другие факты экономической политики Англии показывают, что английская буржуазия далеко не преследует теперь прямолинейной политики содействия индустриализации Индии, как это было во время мировой войны

---

[1]) Report, т. 1, стр. 221.

[2]) В 1925 г. частные отправки золота в Индию составили 200 млн. долл., т.-е. половину мировой годовой добычи золота (National City Bank).

[3]) См. письмо „Союза промышленников в Бомбее" (Millowner Assocation) к комиссии. В этом письме доказывалось, что курс рупии не следует фиксировать выше 1 шилл. 4 пенсов, так как нынешний курс выше, чем соответствует курсу доллара, „разве что правительство сможет доказать, что валюта Соед. Штатов обесценена". В письме говорилось, что фиксирование паритета в 1 шилл. 6 пенсов причинит большой вред сельскому хозяйству и текстильной промышленности. Аналогично высказались торговые палаты в Бенгалии и др.

[4]) „Frankfurter Zeitung", 15/XII—1927.

Упорная борьба за рынки сбыта, стремление к реорганизации английской промышленности, заставляют английскую буржуазию выступать против индустриализации Индии. Английское правительство и его индийская политика находятся попеременно под влиянием то денежного, то промышленного капитала, отсюда колебания этой политики. Возможен даже полный поворот в сторону старой политики, если после проведения реорганизации и рационализации английской промышленности окажется необходимым в еще большей мере прибрать к рукам индийский рынок сбыта.

Благодаря новой политике английской буржуазии отношения индийской буржуазии к английской в последнее время опять ухудшились. Бойкот конституционной комиссии, резкие решения, принятые в этом году национальным конгрессом,—все это является политическим выражением этого недовольства.

Результаты английского владычества для трудящихся в Индии.

Результатом господства английской буржуазии в Индии является самая страшная нищета, самое ужасное положение индийского народа. Приведем некоторые факты:

1. Народонаселение Индии увеличивается очень слабо, так как в каждом десятилетии 10 миллионов человек умирают от «лихорадки», т.-е. от голода. Опий и спиртные напитки—важные источники доходов правительства—тоже способствуют этому.

2. За последнее десятилетие в Индии ежегодно умирало 30 человек на 1.000, это—самая высокая смертность во всем мире. В Англии в 1926 г. умерло только 11,6 на 1.000 [1]).

3. В последние десять лет из тысячи новорожденных в Индии умирали до достижения возраста одного года 25, в Англии же только 7 (эти цифры мы берем из официальных статистических ежегодников). О смертности детей городского пролетариата говорят следующие цифры:

Из 1000 новорожденных умирало на первом году жизни [2]):

в Бомбее	556
в Калькутте	386
в Рангуне	303

4. Дети идут вместо школы на работу. Из 85 миллионов детей в возрасте от 6 до 15 лет только 9 миллионов посещали школу. В 1921 г. из 320 миллионов жителей только 18,6 миллионов были грамотны (умели читать и писать), из 155 миллионов женщин — только 2,8 миллиона, т.-е. полтора процента. Эксплоатация детского труда на фабриках возмутительна; мы читаем в прикрашенном официальном отчете [3]):

«В 1925 г. снова издан был декрет против работы детей в один и тот же день на двух фабриках; это запрещено законом, но трудно искоренить».

5. После двух столетий английской культуры в Индии все еще существуют остатки рабства.

---

[1]) В издаваемом английским правительством индийском ежегоднике под громким заглавием «Описание морального и материального прогресса Индии» мы читаем о 1925—26 г. (стр. 186) «Вне больших городов единственными врачами являются врачи в государственных больницах. Малярия — обычное явление в жизни миллионов индусов. Холера — постоянный гость во многих местностях Индии. 10 миллионов человек не знают элементарнейших начал гигиены»

[2]) Census, стр. 132.

[3]) Стр. 118.

«Особой категорией сельскохозяйственных рабочих в Индии являются так называемые хали. Они прикреплены к своим господам (masters) благодаря системе авансовых ссуд наличными; своим трудом они выплачивают проценты, но никогда не оплатят своего долга. Это рабство носит наследственный характер, простирается, очевидно, на всех членов семьи и может быть ликвидировано только бегством»[1].

6. После двух столетий английского господства феодализм и крепостничество существуют еще в Индии на широких пространствах. «Перед нами всякого рода аренды инам, подаренды, участия и легион других собственников с различными титулами туземного права. В особенности следует отметить исконную борьбу между имандар и крестьянами: первый утверждает, что он является собственником земли и что он отдает ее в аренду, как свою частную собственность; крестьяне утверждают, что земля принадлежит им и что права имандара ограничиваются получением части урожая вместо правительства»[2].

7. Широкая масса крестьянства хронически голодает. По уплате всех поборов, налогов и процентов она не в состоянии удовлетворить даже свои элементарные потребности, впадает в долги, теряет свою землю и становится арендаторами.

8. Положение пролетариата соответствует периоду перехода к фабричной промышленности. «Законный» рабочий день продолжается одиннадцать часов, 60 часов в неделю, в действительности же, по желанию предпринимателя, и больше. Жилищные условия невероятно примитивны. В Бомбее 70% населения живут в квартирах из одной комнаты, при чем на комнату приходится в среднем 4,03 человека. Аналогично положение в других промышленных городах. 73% всех детей рабочих родилось в квартирах, состоящих из одной комнаты!

9. Национальный доход Индии невероятно низок, как показывают следующие оценки:

	Доход на душу в год (в рупиях)
Дедебхей 1870 г.	20
Е. Беринг и Д. Бенбор 1882 г.	27
Лорд Керзон (комиссия по голоду) 1898 г.	30
Дигби 1898 г.	17
Ф. Ширрас 1911 г.	50
К. Т. Шах 1920 г.	46
К. Т. Шах и К. И. Хамбата 1900—1914 г.	36
1915—1921 г.	58,5
1900—1922 г.	44,5
1914—1922 г. (в довоенных ценах)	38,2

Итак, по самым тщательным подсчетам, доход на душу населения увеличился за период под'ема индийского хозяйства в военные и послевоенные годы только на 9%. А так как на этот период пришлись колоссальные прибыли капиталистов, то доход трудящихся масс остался, примерно, на довоенном уровне.

Из всего национального дохода одна треть приходится на пять процентов населения; 60% населения получают только 30% всего национального дохода[3]. Это означает, что 60% населения получают только половину среднего дохода, т.-е. круглым счетом 19 рупий или 14 рублей на душу в год! Эта невероятно низкая цифра подтверждается многочисленными данными о заработной плате рабочих и заработках крестьян. В Мадрасе париалис зарабатывают 2,5 пенса или 8 копеек на каждого члена семьи, из них 2 пенса уходят на покупку риса, полпенса остается на удовлетворение всех прочих потребностей. (Предисловие к книге Пиллай).

[1] Census, I, 246.
[2] Там же, стр. 243.
[3] Khambata, стр. 307.

10. Политические итоги: союз английского капитала с феодальными помещиками и крупной буржуазией, совместное угнетение ими крестьян, ремесленников и рабочих, часть интеллигенции подкуплена и деморализована своим положением на государственной службе, мусульмане и индусы натравливаются друг против друга.

Отношение индийской буржуазии к союзу с английским денежным капиталом не свободно от некоторых колебаний. В этих колебаниях отражаются колебания индийской политики английской буржуазии. Индийская буржуазия протестует, когда английские капиталисты ставят препятствия индустриализации Индии; но эта оппозиция не выходит из рамок британской империи, не посягает на последнюю. Индийская буржуазия борется за улучшение своего положения в рамках империи, это не революционная борьба против английского империализма. Только тогда, когда британская империя будет находиться уже в состоянии открытого распада, индийская буржуазия попытается снова стать во главе национального революционного движения, чтобы сохранить свое классовое господство в независимой Индии. Задача национальной революционной борьбы и в Индии выпадает уже на долю пролетариата. Только победоносная революция рабочих и крестьян может покончить здесь со всеми остатками докапиталистического периода: рабством, крепостничеством, народной нищетой, со всеми ужасами, созданными владычеством английского капитала.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Дж. Мерфи.

Об изменении тактики английской коммунистической партии.

Целый ряд событий поставил перед нашей партией вопрос о необходимости коренного пересмотра ее политической линии. Президиум Коммунистического Интернационала подверг сомнению правильность резолюции, принятой на с'езде нашей партии по вопросу о ее парламентской и профсоюзной тактике. Как президиуму Коминтерна, так и нам самим приходится иметь дело со специфической аномалией нынешнего нашего положения, а именно: несмотря на постоянный рост влияния нашей партии, замечается упадок нашей организационной мощи. Мы фактически потеряли то значительное количество членов, которое мы завоевали во время стачки горнорабочих. Тираж нашей газеты уменьшился на несколько тысяч. Как в партии, так и в движении меньшинства, а также и в левом крыле, и в особенности в исключенных отделах рабочей партии, господствует чувство уныния. Эти факты, к которым можно легко добавить и другие, вызвали необходимость в пересмотре.

Президиум Коминтерна подверг критике нашу парламентскую тактику и просил нас обсудить вопрос о ее изменении. Но изменение парламентской тактики затрагивает другие важные стороны нашей партийной политики: взаимоотношения с рабочей партией, с левым крылом, с исключенными отделами рабочей партии, с профсоюзами и движением меньшинства. Всякое изменение должно поэтому сопровождаться предварительным изучением изменений, происшедших в экономических и политических условиях, породивших нынешнюю политику, рассмотрением положения классов и партий в их взаимоотношениях и изучением вопроса о том, изменилось ли это положение настолько, чтобы необходимо было требовать изменения политики.

Положение в 1920 г.

Нынешняя политика партии по вопросу о выборах в парламент, о рабочей партии и т. д. была формулирована после II конгресса Коминтерна и после основания партии при следующих условиях.

Английский капитализм приближался к концу периода искусственного под'ема в торговле и промышленности, который был создан для того, чтобы справиться с послевоенным кризисом, вызванным демобилизацией армий, реорганизацией промышленности применительно к условиям мирного времени, под'емом деятельности рабочих масс, находившихся под влиянием русской революции и создавших более могущественные организации, чем они когда-либо имели в своей истории. Коалиционное правительство периода войны, в которое входили представители консервативной, либеральной и рабочей партии, уступило место коалиции консерваторов и либералов с Ллойд-Джорджем во главе.

Профсоюзные лидеры и рабочая партия отказались от коалиции и встали во главе наступательного рабочего движения, которое в течение 1919—1920 гг. добивалось повышения заработной платы и уменьшения рабочего дня. Высшей точкой, достигнутой массовым пролетарским движением, был момент выступления советов действия, когда рабочая партия и трэд-юнионы угрожали всеобщей стачкой с целью предотвращения войны с Советской Россией. В течение этого периода миллионы рабочих пробудились к политической жизни. Трэд-юнионы достигли тогда высшей точки своего развития в смысле числа членов и активности. Рабочая партия быстро росла, но дифференциация между рабочей партией и трэд-юнионами не определилась еще с достаточной ясностью. Коммунистическая партия не была еще об'единенной партией, а представляла собою небольшую, слабо об'единенную группу партий, в которой имелись в значительной пропорции ультра-левые элементы, высказывавшиеся против участия в парламенте и в рабочей партии.

Тов. Ленин и Коминтерн эти факты оценивали как назревание сил социальной революции. Буржуазия, которой руководил Ллойд-Джордж, таким же образом оценивала положение и считала его сильно угрожающим. Именно по этой причине она громко призывала к укреплению тогдашней либерально-консервативной оппозиции в целях борьбы с рабочим движением.

При таких обстоятельствах тов. Ленин дал партии следующий совет: 1) вести борьбу с антипарламентаризмом; 2) уничтожить всякую «левизну»; 3) выявить роль партии, как массовой партии, ведущей рабочий класс к победе, 4) маневрировать так, чтобы партия, стоя во главе массового движения, одновременно вовлекала наиболее отсталых в движение, в котором они получали бы политический опыт; 5) показать ясно основные законы революции.

Тов. Ленин («Детская болезнь «левизны» в коммунизме») установил, что 1) существовавшие тогда условия требовали создания коммунистической партии, партии революции; 2) необходимость парламентского действия; 3) необходимость поддержки во время выборов Гендерсонов и Макдональдов против консервативно-либеральной оппозиции в качестве средства, благодаря которому большинство рабочего класса получило бы политический опыт, 4) необходимость подготовки партии к нападению на рабочее правительство, которое раскрыло бы перед рабочим классом свою сущность и толкало бы его к переходу на сторону коммунизма; 5) необходимость подготовления большинства рабочих к революционному свержению капитализма. Здесь следует отметить, что тут нет ни слова относительно вопроса о том, какой тактики следует придерживаться в отношении распыленных масс в процессе подготовки нападения на будущее рабочее правительство. Здесь нет также никакого указания относительно того, должно ли это рабочее правительство иметь большинство над другими партиями, хотя тов. Ленин говорит, что реформисты предпочли бы «открытый союз с буржуазией, и предсказывал, что они полностью капитулируют перед буржуазией и разоблачат себя в глазах масс в качестве орудия буржуазии. Главные линии ясны: 1) что большинство рабочих должно потерять свои иллюзии; 2) что они должны не только стремиться покончить с капитализмом, но должны стремиться бороться и умереть за революцию. Затем, исходя из предпосылки о существовании коммунистической партии, ведущей борьбу с рабочей партией, он провозгласил политику единого фронта в форме избирательного блока нашей партии и рабочей партии против консервативно-либеральной коалиции. Условия были: «полнейшая свобода агитации, пропаганды и политической деятельности». Вполне верным будет сказать, что Ленин имел в виду предложение блока со стороны коммунистической партии, которая находилась не в рабочей партии, не боролась за вступление в нее, принимая в то же самое время участие в ее местных комитетах, в избирательных конференциях и т. д. Следует также обратить

внимание на ту тактическую линию, которую он предлагал на тот случай, если этот блок будет отвергнут. Ленин писал: «При отказе Гендерсонов и Сноуденов от блока с коммунистами коммунисты выиграли бы сразу в деле завоевания симпатий масс и дискредитирования Гендерсонов и Сноуденов, а если бы мы от этого потеряли несколько парламентских мест, так это нам совсем не важно. Мы выставили бы своих кандидатов только в самом ничтожном числе абсолютно надежных округов, т.-е., где выставление наших кандидатов не провело бы либерала против лабуриста (члена рабочей партии). Мы вели бы избирательную агитацию, распространяя листки в пользу коммунизма и предлагая во всех округах, где нет нашего кандидата, голосовать за лабуриста против буржуа»[1].

Из этого вполне ясно, что, был ли бы заключен блок или не был бы заключен, коммунистическая партия не должна была бы рисковать ни одним местом в парламенте, которое могло достаться рабочей партии, ставя себе задачей, во-первых, свержение коалиционного правительства и установление рабочего правительства и, во-вторых, убеждение масс путем опыта в ренегатстве Сноуденов и Макдональдов. Коммунистическая партия должна была проводить эту политику посредством интенсивной пропаганды. Это был начальный пункт избирательной политики нашей партии, и он стал господствующим пунктом ее политики.

Но центр тяжести единого фронта находился не в предложении блока между коммунистической и рабочей партией, сделанном тов. Лениным, а он находился в вопросе о том, должна ли коммунистическая партия входить в рабочую партию, в вопросе, который не обсуждался Лениным до II конгресса Коминтерна. На этом конгрессе было решено заявить о желании компартии вступить в рабочую партию, которая тогда была составлена следующим образом: это была федеративная организация, в которую входили профсоюзы и примыкавшие к ней политические партии: независимая рабочая партия, которой принадлежала гегемония в партии, социал-демократическая федерация, фабианское общество и т. д. Она имела ежегодные с'езды, в которых участвовали делегаты примыкающих трэд-юнионов, партий и местных отделов рабочей партии, составленные таким же образом. В большинстве случаев часть профсоюзных делегатов избиралась посредством голосования в трэд-юнионах. Эти делегаты представляли профсоюзы вместе с некоторыми должностными лицами, которые не избирались, а назначались исполкомами трэд юнионов. Местные отделы рабочей партии избирали своих делегатов на специальных собраниях членов. Примыкавшие общенациональные партии избирали своих представителей или назначали их в пропорции к числу своих членов, вычисленному на основе вступительных взносов. Исполком рабочей партии избирался на общенациональном с'езде, при чем решающее значение имело голосование заранее сговорившихся трэд-юнионов.

Взаимоотношения между местными отделами рабочей партии и общенациональной рабочей партией и структура местных партий таковы: они образованы из трэд-юнионов, секций кооперативов, партийных организаций, одним словом, так же, как и общенациональные организации. В добавление к этому имеются отдельные мужские секции и женские секции. Делегаты секций и примыкающих организаций встречаются раз в месяц в административной комиссии. Эта комиссия избирает местный исполком. Кандидаты, которые могут быть выставлены каждой из примыкающих организаций, избираются на специальном собрании административной комиссии или на специально созванном для этой цели с'езде. Выборы должны быть произведены общенациональной рабочей партией.

[1]) «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 79, 80. Курсив во всех цитатах автора.

При существовавших тогда (1920 г.) обстоятельствах коммунистической партии было отказано в приеме в общенациональную партию, несмотря на то, что в некоторых случаях было разрешено вступление местных отделов компартии в местные отделы рабочей партии. Коммунисты были членами рабочей партии в силу того, что они состояли членами трэд-юнионов. Они могли быть избираемы в качестве профсоюзных делегатов как в местные отделы рабочей партии, так и в общенациональную рабочую партию. Коммунисты могли вступать в рабочую партию в качестве индивидуальных членов, не скрывая своих мнений и не смягчая своего критического отношения к политике и руководству рабочей партии. Организации были настолько слабыми в смысле дисциплины, что коммунисты, как, напр., Саклатвала, Поль, Геддес, Воган и Фергюсон, были утверждены в качестве парламентских кандидатов рабочей партии. Эта организационная рыхлость создавала для коммунистической партии широкую возможность пропаганды. В то же самое время следует признать, что в этот период трэд-юнионы еще не подпали в полной мере под господство исполкома рабочей партии. Факт тот, что до всеобщей стачки существовало соперничество между профсоюзными лидерами и исполкомом рабочей партии, в профсоюзах господствовали сильные синдикалистские и трэд-юнионистские тенденции. Эти тенденции не раз звучали в речах Брамли, Хикса, Перселя, Бевина и других. При этих обстоятельствах наша партия прибегла к следующей тактике: она, во-первых, подала заявление о желании вступить в рабочую партию; во-вторых, члены ее вступали в рабочую партию в качестве индивидуальных членов; в-третьих, члены компартии избирались в качестве делегатов от своих трэд-юнионов; в-четвертых, члены компартии часто избирались на те или иные должности в местных организациях, в-пятых, члены компартии выставлялись в качестве делегатов в парламент; в-шестых, они выставлялись в качестве кандидатов в члены других выборных учреждений; в-седьмых, компартия на выборах выступала с независимой программой; в-восьмых, она стремилась путем публичного опроса и критики во время избирательных кампаний толкать кандидатов влево, а там где не было кандидатов, она распространяла свою литературу и вела пропаганду.

Таково было положение в 1920 году, когда наша партия приступила к проведению своей нынешней политики.

Изменения, происшедшие с 1920 года.

К концу 1920 г. период под'ема закончился, и английский капитализм вступил в полосу глубочайшего и наиболее широкого экономического кризиса. Кризис этот продолжается и до настоящего времени и не обнаруживает никаких признаков ослабления. Анализ положения английского капитализма показывает, что его падение продолжается и углубляется. В течение этого периода мы имели, во-первых, наступление капиталистов в 1921—1922 гг., во-вторых, затишье в 1923—1925 гг., в течение которого буржуазия сознательно предоставила власть рабочей партии, в-третьих, возобновление наступления в 1926 г. и, в-четвертых, подготовку дальнейшего наступления к концу 1927 г.

Эти разнообразные события сопровождались следующими изменениями: 1) срывом консервативно-либеральной коалиции и образованием правительства консервативной партии, представляющей интересы банков, помещиков и тяжелой индустрии; 2) добровольной сдачей власти консерваторами с целью добиться возвращения рабочей партии; 3) возвращением рабочей партии к власти с согласия консерваторов и либералов и добровольным выполнением рабочей партией всех основных пунктов программы империали-

стического капитализма и классового сотрудничества; 4) поражением рабочего правительства и подавляющей победой консервативной партии; 5) сосредоточением активности рабочего класса в трэд-юнионах, нашедшим выражение в великом передовом движении, достигшем своей высшей точки во всеобщей стачке и семимесячной борьбе горнорабочих; 6) поражением всеобщей стачки в результате предательства лидеров рабочей партии и профсоюзной бюрократии, отходом либералов от консервативной партии и ориентировкой их в сторону рабочей партии с намерением использовать недовольство средних классов и рабочих при выборах в парламент; 7) успехами рабочей партии и ростом непопулярности консервативных правительств как в международном, так и в национальном масштабе.

Каковы были результаты этого хода событий для рабочей партии? Из слабо связанной федерации партий и трэд-юнионов, полусоциалистической в своей политике, буржуазные тенденции которой были скрыты в результате стихийного движения организованных в трэд-юнионах масс, она превратилась в высокоцентрализованную партию, насквозь империалистическую, наступательную в своей политике классового сотрудничества, держащую в своих руках трэд-юнионы и подчиняющую рабочих своей воле. В течение того периода, когда она находилась у власти в качестве рабочего правительства, она быстро утратила характер оппозиционной в отношении капитализма партии и усвоила главные черты империалистическо - капиталистической политики.

Перейдя к роли оппозиции его величества, рабочая партия все более увлекалась мероприятиями, направленными к спасению капитализма. Она потеряла всякий престиж в глазах пролетарских масс, и последние повернули в сторону трэд-юнионов и массовой деятельности, достигшей апогея во всеобщей стачке 1926 г.

Этому укреплению политики рабочей партии, направленной против классовой борьбы и против всего, что напоминает массовое выступление, вполне соответствовал разрыв об'единенного комитета Генсовета с комитетом безработных, а также и ультиматум профсоветам, требовавший прекращения всяких сношений с движением меньшинства. Рабочая партия поставила себе целью ликвидировать всю коммунистическую оппозицию внутри рабочей партии. Она успешно исключила всех коммунистов, поступивших в партию в качестве индивидуальных членов. Она успешно заградила коммунистам путь к официальным должностям в рабочей партии даже в тех случаях, когда они избраны трэд-юнионами в качестве их делегатов.

Проводя эту политику, рабочая партия исключила более двадцати местных отделов рабочей партии. Борьба за централизацию контроля в руках Томасов и Макдональдов направлена теперь, кроме коммунистов, также и против независимой рабочей партии, которая сыграла руководящую роль в исключении коммунистов и которой теперь самой угрожают исключением, требуя ее ликвидации как ненужной партии. Независимой рабочей партии в течение ближайших месяцев придется выбирать между полной ликвидацией в качестве политической партии и превращением ее в нечто в роде общества социалистической пропаганды, имеющего дело лишь с абстрактным социализмом, с чем-то в роде религии.

Это укрепление реакционных сил, сопровождавшееся полной ликвидацией некогда «левых» элементов бюрократии—Хиксов, Ленсбери, Перселей и Уитли—сопровождалось консолидацией сил в парламенте, подготовкой всестороннего блока с буржуазными партиями и ориентировкой специально в сторону либеральной партии. Это стало особенно ясно со времени появления меморандума Самюэля Самюэль—председатель либеральной партии. Он познакомил рабочую партию со своим меморандумом и обеспечил последнему ее поддержку. Ллойд-Джордж вместе с Макдональдом выступил против 8-часового рабочего дня. Блэкпульская конференция была свидетелем того, как социализм и национализация были отставлены на задний план и как было произведено приспособление программы горнорабочих к линии горнорабочей хартии либералов. Рабочая и либеральная партии заняли в отношении Советской России одну и ту же позицию, хотя надо отметить, что Макдональд, Сноуден и Томас стоят ближе к консерваторам. Консервативная, либеральная и рабочая партии выступают единым фронтом против Китая. Консервативная, либеральная и рабочая партии об'единены в комиссии по делам Индии, во главе которой также стоит либерал Саймон. Генеральный совет конгресса трэд юнионов, руководимый либеральной партией, выступает заодно с лидером консерваторов Мондом и со всеми либералами в вопросе о мире и промышленности.

Такова политическая линия ныне существующего политического блока консерваторов, либералов и рабочей партии. Говорить перед лицом этих политических фактов, что «если бы был налицо блок либеральной и рабочей партий, мы изменили бы свою политику»—это значит приводить наихудшего рода формальные доводы. Мы имеем здесь дело с политическим блоком трех буржуазных партий, фактически проявляющимся в каждом важном политическом вопросе.

Возрастающая активность в колониях, продолжающийся упадок в экономическом положении Англии доказывают неизбежность дальнейших массовых нападений на рабочих. Хлопчатобумажная и шерстопрядильная отрасли промышленности, машиностроение и горное дело переживают муки кризиса, что ведет к действующим провоцирующим образом урезываниям заработной платы и удлинению рабочего дня, и именно в результате создавшегося положения образовалась и развивается в более организованном, чем до сих пор, виде великая коалиция консерваторов, либералов, рабочей партии и профсоюзной бюрократии. Эта коалиция должна во что бы то ни стало раздавить в зародыше сопротивление масс. Она решилась на это. Было бы глубокой ошибкой с нашей стороны, если бы мы скрыли от рабочих это политическое положение под покровом обычных формул избирательных кампаний.

По мере развития этих событий, рабочая партия практически перестала быть рабочей партией и открыто стала третьей партией буржуазии, держащей в своих когтях аппарат рабочей партии и трэд-юнионов и не допускающей никакой защиты пролетарских интересов.

Рабочая партия сохраняет связь с рабочими лишь благодаря социальному составу трэд-юнионов и местных отделов рабочих партий.

Питать надежду, что мы можем добиться изменения положения путем обеспечения за собой голосов горнорабочих на ближайшем с'езде рабочей партии это значит предаваться иллюзиям. Идущее ныне подготовление раскола в союзе шотландских горнорабочих в результате успехов компартии в борьбе за руководство этими союзами является ясным доказательством того что рабочая партия готова исключить те союзы, которые будут голосовать в этом направлении, и создать новые союзы и сделать это столь же охотно, сколь охотно Ходжесы и Спенсеры готовы создать компанейские союзы Ясно, как день, что мы достигли той стадии развития, когда широкие пролетарские массы рабочих расходятся с нынешними руководителями рабочей партии и когда должны быть найдены новые каналы для выражения воли рабочего класса.

Дифференциация зашла столь далеко, что недостаточно уже одного давления на лидеров и формального изменения состава руководителей рабочей партии: если мы переменим вождей профсоюзов, то профсоюзы будут исключены или расколоты: трэд-юнионы уже подчинены в политическом отношении рабочей партии, и они уже не пользуются правом переменить состав ру-

ководителей рабочей партии в соответствии со всякой другой политической линией, которая может обозначиться в их рядах. Необходимо поэтому различать между политической принадлежностью союзов, которая требует подчинения определенной политической программе, и трэд-юнионом, выполняющим со дня на день свои экономические функции. Рабочая партия остается политической партией и в настоящее время является партией, управляющей трэд-юнионами, как экономическими организациями. Вопрос о верности трэд-юнионам и о верности рабочей партии должен быть рассматриваем раздельно.

Политика коммунистической партии.

Как же отвечала наша партия на этот ход событий? Постоянным выполнением изложенной нами программы. Мы требовали: 1) принадлежности к рабочей партии; 2) мы не выставляли кандидатов против кандидатов рабочей партии; 3) мы не сделали ничего такого, что можно было бы назвать неконституционным с точки зрения устава рабочей партии; 4) мы подвергали лидеров рабочей партии самой суровой критике и в то же самое время заставляли массы итти за этими лидерами; 5) мы помогали установлению рабочего правительства и в то же самое время выдвигали независимую программу и вели агитацию; 6) мы создали наши фракции в рабочей партии и организовали левое крыло; 7) мы подняли крик в пользу предоставления «всей власти Генеральному совету конгресса трэд-юнионов»; 8) мы толкали комитет безработных к союзу с Генсоветом; 9) мы критиковали Генсовет так же, как критиковали рабочую партию; 10) мы подняли профсоветы и внушали им мысль о необходимости заключения ими союза с Генсоветом; 11) мы создали движение меньшинства в профсоюзах и развивали нашу программу действий и т. д., и т. д. Но главной характерной чертой нашей программы было то, что мы толкали массы к тому, чтобы они шли за рабочей партией, мы стремились путем критики и пропаганды изменить отношение рабочих к рабочей партии и старались добиться формального изменения состава руководителей. Идеологическая борьба принимала все более острые формы. Партия стала определенным, признанным политическим фактором в жизни страны. Тактика единого фронта распространялась через посредство движения меньшинства и левого крыла. Нет ни малейшего сомнения в том, что линия, взятая нами во время всеобщей стачки, была правильна.

Но правду сказать, мы никогда не излагали перед ними программы действий, посредством которых они могли бы превратиться в общенациональное движение, и старались удержать их при представлении о себе, как о неотделимой части рабочей партии, которая раньше или позже возвратится обратно в свою партию. Нами руководили две главные идеи: с одной стороны, хитрость с левым крылом, в состав которого вошли исключенные отделы и которое стало альтернативой по отношению к нашей партии и, с другой стороны, представление о рабочей партии как об организованном рабочем классе и о нас самих, как о левом крыле в рабочей партии. Нас вдохновляла та мысль, что политически отсталые рабочие организованы в рядах рабочей партии и должны вступить в политическую жизнь через посредство рабочей партии и что изменить старую тактику до того, как рабочие массы утратят свои иллюзии, при формальном вступлении рабочей партии в правительство, означало бы потерять связь с ними. Мы относились к рабочей партии, как к трэд-юниону, вместо того, чтобы относиться к ней, как к политической партии, все более подчиняющей трэд-юнионы своей политике. Мы думали больше о ее профсоюзном составе, чем о ее политических действиях и программах, доказывая, что те же мотивы, по которым мы

остаемся в профсоюзах, имеют силу и в отношении рабочей партии. Всем ясно, что эти же идеи господствуют в нашей партии и по сей день.

Приведем в подтверждение этого несколько примеров. Прочитайте отчет о конференции рабочей партии в Блэкпуле. Ни одной речи, произнесенной коммунистом на этой конференции, не возможно прочитать без того, чтобы не заметить, что она построена, как речь какого-либо радикального члена рабочей партии, а не как речь члена независимой коммунистической партии, оспаривающей у рабочей партии право руководить массами. Эти речи были хорошими радикальными речами, смелыми речами, но каждая из них могла бы быть произнесена выдержанным сторонником правого крыла. Но наши товарищи по партии, избранные в качестве открыто заявивших о своих взглядах коммунистов, должны были бы обвинять руководителей рабочей партии в полной неспособности осуществления организованной программы и заявить самым ясным образом, что такую программу может выставить лишь коммунистическая партия.

Но это еще не все. Познакомимся с несколькими статьями, недавно появившимися в нашей печати. В октябрьском выпуске «Коммуниста» тов. Арнот пишет о будущности рабочей партии следующее: «Какова в настоящее время позиция рабочей партии? Сильна она или слаба? Хороши ли ее перспективы? Может ли она успешно вести вперед рабочий класс? Получим ли мы большинство голосов рабочих на будущих общих выборах? Вот вопросы, возникающие в умах многих рабочих в настоящее время». Далее он доказывает, что рабочая партия находится в периоде упадка в результате ливерпульских решений. Он говорит по поводу происходящей в рабочей партии борьбы следующее: «Мы, заинтересованные в единстве рабочего класса, не можем равнодушно видеть эту борьбу». Оплакивая разлад, он указывает на «необходимость продолжения борьбы за единство, несмотря на все оскорбления и затруднения».

Здесь невозможно избежать впечатления о коммунисте, как о жестоко заблуждающемся индивидууме, хлопочущем перед убийцей о прекращении убийства. Но Арнот не один. В декабрьском выпуске «Коммуниста» помещена статья д-ра Дюнатана, в которой обсуждаются перспективы рабочей партии на выборах и в которой написано следующее: «Поймут ли рабочие положение до того, как уже будет поздно, требовать восстановления единства движения, возвращения к старой пролетарской классовой политике партии и избрания других лидеров, которые не будут лакеями господствующего класса, но поведут рабочих против капитализма». Здесь во всей статье нет ни слова о позиции коммунистической партии, и статья носит характер защитительной речи в пользу формального единства рабочей партии, которая должна, конечно включить в себя и коммунистов с целью собрать возможно большее количество пролетарских голосов на ближайших общих выборах. Комментарии редактора столь же характерны. Приведя цифры, показывающие, что с 1927 г. консерваторы приобрели 120.000 новых голосов в некоторых районах, в то время, как рабочая партия потеряла, по крайней мере, 25.000, тов. Белл заявляет: «Эти цифры многозначительны и печальны. Они бросают яркий свет на серьезную опасность, угрожающую пролетарскому движению благодаря тактике классового сотрудничества—опасность потерять активную поддержку масс». За этими критическими замечаниями следует рекомендация статьи тов. Дюнатана. Но здесь нет никакого указания относительно того, как наша партия должна бороться с этими процессами, помимо этой словесной критики, а также нет указания относительно того, что наша партия должна принять активные меры для привлечения разочарованных масс рабочей партии в свои ряды. Недостаточно сказать, что позиция и программа нашей партии, как партии независимой, не ясна в этих статьях. Она должна быть ясно выражена так, чтобы рабочие могли ознакомиться с ней, когда

они читают статьи коммунистов. Эта отрицательная позиция и формальное приспособление к рабочей партии, как к организованному рабочему классу, иллюстрируются далее в статье тов. Кемпбеля в декабрьском номере «Лейбор Монтли», где он пишет: «Если нужно стремиться к об'единению рабочего движения в виду приближающихся общих выборов, то главной задачей является залечить раскол, который уже произошел в местном рабочем движении в результате проведения в жизнь ливерпульских постановлений... 1928 год будет годом отмены ливерпульских резолюций, и следует надеяться, что с'езд рабочей партии под влиянием рабочих будет вынужден сделать это. Для того, чтобы это было выполнено и чтобы рабочее движение было предохранено в 1928 году от дальнейшего вырождения по линии, обозначившейся в 1927 г., необходимо, чтобы все, кто стоят за прогрессивную политику рабочей партии, чтобы все, кто стоят за передовую программу в профсоюзном движении, пошли вместе с движением левого крыла и движением меньшинства, укрепляя эти организации в их борьбе против бюрократической реакции. Надежда на то, что 1928 год будет лучшим годом для рабочего движения, чем 1927 год, покоится главным образом на развитии инициативы в массах рядовых членов рабочей партии и усилении всех организаций, которые выражают мнение этих рядовых членов».

Приведем еще пример: «Уоркерс Лайф» в своем номере от 8 ноября, говоря о результатах муниципальных выборов, заявляет: «В программу коммунистической партии не входит соперничество с рабочей партией».

Общая черта всех этих цитат состоит в подходе ко всем вопросам с той точки зрения, согласно которой рабочая партия представляет собой организованный рабочий класс, разделенный и раздробленный махинациями правого крыла, в то время, как коммунисты и сторонники левого крыла описываются в качестве жертв, хлопочущих о восстановлении единства в партии в виду приближающихся выборов. Здесь налицо полное подчинение независимости партии выборным перспективам рабочей партии и совершенно формальный подход ко всему вопросу политической борьбы. Это проходит через всю деятельность нашей партии.

Результат этой формальной позиции виден также и в путанице, существующей по вопросу о том, какую позицию мы занимаем в отношении будущности организаций, боровшихся вместе с нами. Так, напр., мы боролись в рядах рабочей партии до тех пор, пока нам не удалось завоевать известное количество местных отделов, которые решились бороться вместе с нами, не останавливаясь перед исключением из партии. Затем на сцену выступило правительство с войной, об'явленной им системе политических взносов. Мы немедленно стали говорить рабочим, принадлежащим к исключенным отделам, о необходимости уплачивать политический взнос в их трэд-юнионах—кому? Партии, которая исключила их? Или же мы говорим: плати обеим? Как назвать такое политическое руководство? По моему мнению, это—не политическое руководство, а политическое акробатство. Мы снова доказываем, ссылаясь на опыт самих рабочих, что между правительством Макдональда и правительством Болдуина нет разницы, а затем переходим к защите макдональдовского правительства и отказываемся от выставления кандидатов против Макдональдов не в силу физической невозможности, но для того, чтобы преподнести рабочим еще одну дозу макдональдовщины. Полагать, что большинство рабочих еще не убеждено пережитым ими опытом и подчеркивать природу рабочей партии, как профсоюзной партии, это значит игнорировать большие перемены, имевшие место в рабочей партии, а также отказаться от мобилизации уже разочарованных масс в направлении к созданию революционного рабочего правительства против воли Макдональда. Это значит, предполагать, что единственная дверь, ведущая от политической отсталости

к политическому просвещению, ведет через рабочую партию. Это значит предполагать, что раньше или позже может быть проведено формальное изменение в составе руководителей рабочей партии, вместо того, чтобы признать, что такая возможность не только стоит вне вопроса для нас, но что и большое число рабочих стремится к новому руководству и к новым средствам выражения своей воли.

Мы не можем ждать, пока пробудится большинство, и лишь тогда перейти от критики и разоблачений к организованному действию. Следовать такой тактике, это значит заставлять наиболее активных рабочих стать слепыми союзниками, которые должны будут выжидать чего-то для того, чтобы выступить. Мы должны ждать, пока мы будем иметь большинство для того, чтобы захватить власть, но мы никогда не будем иметь этого большинства, если мы не ускорим дела просвещения рабочих и не укрепим имеющиеся вокруг нас силы революции. Мы должны найти методы борьбы, которые проведут рабочих через стадии опыта, приводящие их в ряды нашей партии. Этого мы не делаем, несмотря на то, что опыт показывает, что там, где мы смело выступали, массы ответили на наш призыв. Достаточно лишь упомянуть о недавнем опыте похода горнорабочих, выполненного, несмотря на прекрасно организованный рабочей партией и Генеральным советом саботаж. В этом случае массы дали великолепный ответ на призыв нашего руководства, и смысл этого урока ясен. Для того, чтобы направить пробудившиеся массы против руководителей рабочей партии, необходимо действие. Массам необходимо вырваться из-под политического руководства рабочей партии, или все их выступления закончатся ничем. Неверно было бы утверждать, что левое крыло выполняет эту функцию. Оно лишь частично выполняет эту задачу. Если левое крыло будет выполнять свою работу, то это неизбежно поведет либо к исключению его из рабочей партии, частью которой оно является, либо же к расколу через конфликт с руководством. Между тем, мы ориентируем это движение в сторону избежания раскола и обратного вступления в рабочую партию, т. е. в сторону возвращения к рабочей партии, управляемой Макдональдом, и мы это делаем, несмотря на тот факт, что мы все сознаем, что о формальной перемене состава руководителей рабочей партии—об избрании коммунистов вместо макдональдистов—не может быть речи. Мы должны вести вперед рабочих, а не тащиться в хвосте наиболее отсталых из них. Рабочие, находящиеся в рядах нынешнего движения левого крыла это—наиболее близко стоящие к нашей партии пролетарии, и они ждут, чтобы мы повели их.

Что мы должны делать?

Мы должны выставить лозунг революционного рабочего правительства против лозунга рабочего правительства, выставляемого рабочей партией, причем мы должны указать, что рабочая партия неспособна бороться за интересы рабочих. Мы должны:

1) выставлять наших собственных независимых кандидатов там, где нет кандидатов рабочей партии;

2) выставлять нашу собственную программу и повсюду вести беспощадную кампанию против рабочей партии;

3) выставить кандидатов против лидеров рабочей партии, либо независимо, либо же через посредство рабочего избирательного комитета, как это имело место в Бирмингаме, или же произвести раскол в местном отделе рабочей партии или исключенном отделе независимо от других кандидатов;

4) выставить партийных кандидатов в исключенных отделах и поддержать кандидатуры исключенных отделов;

5) там, где нет кандидатов, компартия должна поддержать рабочую партию во время голосования, одновременно ведя независимую агитационную кампанию, об'яснив рабочим, что вопрос о выставлении кандидатов против рабочей партии зависит исключительно от соотношения сил обеих партий.

Подобная политика немедленно поднимает вопрос о нашей позиции и тактике в отношении левого крыла и исключенных отделов рабочей партии. Невозможно об'явить наступление на рабочую партию и профсоюзную бюрократию и продолжать «залечивание раскола» в рабочем движении. Наступление, руководимое нашей партией, должно означать наступление через посредство левого крыла, борьба, носящая вышеуказанный характер, не может вестись под лозунгом обратного приема в рабочую партию. Эта тактика устанавливает, что исключенные отделы заменяют рабочую партию. Такова логика нашей собственной политики, т.-е. выставление кандидатов и поддержка кандидатов исключенных отделов. Еще более, это будет иметь место, когда борьба из оборонительной будет превращаться в наступательную борьбу против рабочей партии.

Ясно также, что наступление левого крыла вызовет расколы и дальнейшие исключения. Исключение и раскол могут прекратиться лишь в том случае, если мы перестанем вести борьбу в рядах рабочей партии. От этой борьбы через посредство левого крыла, являющегося представителем профсоюзных секций, мы не можем отказаться. Наоборот, мы должны заострить ее.

Тов. Поллит предлагает, чтобы мы ликвидировали исключенные отделы путем устройства конференций для слияния их с коммунистической партией. Будучи готов принять всевозможные меры для того, чтобы слить группы рабочих с нашей партией, я скептически отношусь к результатам этого предложения. Оно, по моему мнению, игнорирует слишком много сторон этой проблемы. Во-первых, сомнительно, чтобы даже большинство индивидуальных членов немедленно перешло к нам. Во-вторых, это предложение игнорирует профсоюзную принадлежность. В-третьих, оно игнорирует вопрос о политическом взносе. Профсоюзные секции не могут слиться с партиями. Что можно тогда сделать с ними? Должны ли мы послать их обратно в рабочую партию или же мы должны сказать им, чтобы они отказались от политики, согласно закону о профсоюзах и посоветовать им перестать платить политический взнос? Если мы возьмем такую линию, то я думаю, что рабочие скажут, что мы обманываем их Они также скажут нам: «Почему же вы продолжали с нами вместе борьбу в рядах рабочей партии до тех пор, пока нас не исключили, если вы в действительности не хотели, чтобы мы оставили рабочую партию?» Или же они скажут нам: «Почему вы выступили против законопроекта о профсоюзах, если вы хотели, чтобы профсоюзы отказались от своей коллективной политической принадлежности?» При таких обстоятельствах мы целиком передали бы их обратно в руки рабочей партии. Сказать, что исключенные отделы не имеют никакой силы, это значит слишком пессимистически оценивать положение, и я утверждаю, что значительная часть господствующей в их рядах депрессии всецело зависит от нашей оборонительной политики, которая действует на них сдерживающим образом, так как наша партия предпочитала роспуск левого крыла укреплению его в организационном отношении. Ибо было бы правильно сказать, как сказал тов. Поллит, что больше не будет исключенных отделов рабочей партии. Это зависит исключительно от деятельности и роста фракций левого крыла, которые не являются незначительными. Чем более они прогрессируют, тем более Макдональды будут отвечать расколом и исключением.

С этой точки зрения мы не можем игнорировать перспектив независимой рабочей партии на будущее. Угроза Гендерсона и Макдональда, отставка

Сноудена,—все это показывает, что они не только хотят исключить местные отделы, подпадающие под влияние левых, но что они хотят исключить и независимую рабочую партию, если она не подчинится им. Подготовка к созданию новых трэд-юнионов и к расколу союза шотландских горнорабочих после того, как в нем были избраны на официальные должности коммунисты и лица, принадлежащие к движению меньшинства, является ясным доказательством того, что они также будут исключать профсоюзы, если последние подпадут под их влияние. В этом отношении их поощрит уменьшение профсоюзных взносов благодаря закону о профсоюзах, и они все в большей степени будут обращаться к буржуазии для того, чтобы получить от нее деньги, и все больше будут выступать против каждого более или менее революционного профсоюза. Таковы перспективы.

Но ближайшее будущее, предстоящее независимой рабочей партии, состоит либо в полном поглощении ее рабочей партией, либо в расколе партии, либо же в превращении НРП в своего рода религиозное социалистическое общество, не занимающееся вопросами текущей политики. Если произойдет поглощение или превращение НРП в религиозное социалистическое общество, тогда борьба против левого крыла примет еще более резкие формы, и расколы и исключения местных отделов рабочей партии станут неизбежными. Если же произойдет раскол в рядах НРП по вопросу об избирательной программе, тогда часть этой партии будет также изгнана из рабочей партии, а это означает, что она очутится рядом с нами и исключенными отделами рабочей партии. При этих обстоятельствах, если мы не станем во главе исключенных отделов и не укажем им положительную программу развития по линии независимости, то НРП, несомненно, сделает это, так как это вольет в нее новую жизнь. Все готово для раскола рабочей партии Макдональды начали его и будут продолжать в том же духе, если мы не капитулируем. Мы не можем и не хотим капитулировать. В таком случае раскол должен становиться все шире, и число исключенных отделов должно возрасти. Мы не можем ликвидировать их, не дискредитируя самих себя в глазах массы рабочих и не передавая профсоюзные секции целиком в руки рабочей партии.

Нужно считаться с логикой этого движения в пользу раскола. Из всей этой политики исключения и раскола, которую ведет в последнее время общенациональная рабочая партия, вытекает неизбежно создание новой антикапиталистической федеративной рабочей партии. Это—единственная тактика, которую я считаю возможной в отношении этих массовых организаций не являющихся еще коммунистическими, но предпочитающих бороться под коммунистическим руководством, так как это является причиной их исключения.

Это затрагивает непосредственно вопрос о политическом взносе. Вместо того, чтобы вести кампанию за передачу политических взносов рабочей партии, являющейся в настоящее время третьей партией буржуазии, борьба должна быть перенесена в трэд-юнионы и вестись по вопросу о характере политической принадлежности. Должна ли это быть антикапиталистическая принадлежность или капиталистическая принадлежность? Ответ будет тогда столь же ясен в отношении Макдональда, как он ясен в отношении Болдуина. Мы могли бы ответить то же самое в пользу присоединения профсоюзов в политическом отношении к отделам, исключенным из рабочей партии, организованным в национальном масштабе и действующим под руководством коммунистической партии.

Такое направление не означает ухода левого крыла из рабочей партии, но развитие ее наступательных действий. Это означало бы, подобно тому, как открытая борьба компартии против рабочей партии означает отказ от требования о приеме в рабочую партию, что исключенные отделы

рабочей партии перестанут требовать обратного приема. И в то же время левое крыло рабочей партии вместо того, чтобы поднимать вопрос об обратном приеме исключенных отделов, поднимет знамя независимости пролетариата от буржуазного контроля в политике и будет призывать к тому, чтобы местные отделы примкнули к антикапиталистической партии.

Товарищи заявляют, что это означало бы альтернативу для партии. То же самое, что было сказано о движении меньшинства, было сказано и о движении левого крыла Но так не было на самом деле, несмотря на то, что, как я уже указал, обнаружились опасные тенденции. Но вопрос о нашем поглощении всецело зависит от того, как мы будем вести нашу тактику единого фронта. Когда мы в наших сношениях с силами левого крыла научимся в большей степени выдвигать нашу партию, как партию, тогда не будет вопроса о поглощении партии. Наоборот, партия поглотит лучшие элементы этого движения. Руководящая партия в такого рода движении всегда имеет наилучшие возможности, а это движение начинается с нами во главе. Сравнивать нашу позицию с позицией НРП было бы неправильным. Независимая рабочая партия была поглощена рабочей партией именно потому, что она не была дисциплинированной партией. Успехи членов НРП не были успехами НРП, как партии, но преуспеянием отдельных лиц с помощью партии. Наша партия не такая партия и не будет такой. Вместо того, чтобы быть поглощенными, мы можем сами стать поглотителями, если мы более решительно поведем массы к политической борьбе, освобожденной от контроля и господства Макдональдов. Это может быть партия единого фронта, состоящая из профсоюзных секций, социалистических партий, отделов рабочей партии и т. д., руководимая коммунистической партией с целью борьбы против партии буржуазии.

Будущность движения меньшинства.

Этому движению в политической области имеется параллель в кономической области в лице движения меньшинства. Общепризнано теперь, что мы сделали ошибку, давши совет профсоветам подписать выпущенный Генеральным советом документ, требовавший разрыва с движением меньшинства. Решено, что движение меньшинства должно снова начать борьбу за обратный прием местных профсоветов. Это—правильный путь, несмотря на то, что некоторые товарищи, согласные с этим, не могут видеть аномалии в согласии на исключение профсоветов из Генсовета конгресса трэд-юнионов, и в то же время в отказе согласиться с тем, чтобы местные отделы рабочей партии были исключены из общенациональной рабочей партии, которая является политическим стражем Генерального совета. Цель присоединения профсоветов к движениям меньшинства должна быть в том, чтобы избавить их от контроля Генерального совета и чтобы направить их энергию в движение меньшинства с целью концентрированного действия в пользу замены руководителей трэд-юнионов другими лицами. Ни под каким видом нельзя ни в малейшей степени поднимать престиж Генерального совета. Он самым сильным образом дискредитирован в глазах масс. Было бы поэтому ошибкой, которая теперь уже оризнана всеми, поощрять движение за восстановление Англо-русского комитета, если бы мы даже на ряду с этим выставили лозунг. «Перемените ваших руководителей». Это служило бы поддержкой той мысли, что при известном давлении этот Генеральный совет мог бы быть вынужден реформировать Англо-русский комитет, хотя бы были убеждены в том, что ничего хорошего не вышло бы из этого, пока не была бы проведена перемена лидеров.

Вопрос должен быть поставлен в гораздо более острой форме. Мы должны заявить, что вся эта банда за исключением Кука совершенно разложилась под влиянием капиталистов. Вон их! Не имейте ничего общего с подобными людьми! Установите сношения между английскими и русскими профсоюзами через посредство движения меньшинства Вот вам другое руководство, которое организует вас Произведите чистку трэд-юнионов от гнилых элементов Тогда вы сможете иметь Генеральный совет, который будет генеральным штабом рабочей армии.

Я полагаю, что такая политическая линия сделает яснее нашу позицию в глазах масс Рабочие поймут нас лучше, и наша партия пойдет вперед не только в качестве независимой революционной партии, но и в качестве вождя организованного массового движения. Это движение сможет тогда применять тактику единого фронта не как движение, которое подчиняет тактику коммунистов и революционных рабочих рабочей партии, но как революционное мероприятие для завоевания рабочих и организации их в рядах нашей партии и вокруг нее.

Б. Ломинадзе.

От редакции.

Отмечая, что защищаемые тов. Ломинадзе взгляды противоречат решениям Исполкома Коминтерна, редакция считает дискуссию по кругу затронутых вопросов, после помещения ответной статьи тов. Мифа, законченной.

Новый этап китайской революции и задачи китайских коммунистов.

I.

В работах открывающегося на-днях IX пленума ИККИ китайский вопрос займет, очевидно, если не центральное, то одно из самых главных мест. За девять месяцев, прошедших после VIII пленума ИККИ, в международной и внутренней обстановке Китая произошли такие глубокие изменения, китайская революция проделала такой крутой поворот, настолько изменились роли различных классов и их группировка, и, наконец, в бурном потоке событий раскрылись такие своеобразные черты и новые формы революционного процесса, что ряд основных проблем китайской революции приобретает теперь совершенно новое содержание и значение. Исполком Коминтерна не сможет ограничиться решением только частных «кон'юнктурных» вопросов китайской революции; ему придется заново поставить перед собой всю совокупность тех проблем, которые обсуждались уже и на VII и на VIII пленумах ИККИ. Дело идет не об отмене или «ревизии» (в общепринятом значении этого слова) основных оценок и решений коммунистического Интернационала по китайскому вопросу—их правильность подтверждена всем ходом китайской революции. Но жизнь в Китае не стоит на одном месте, а идет вперед исключительно быстрым, революционным темпом, и то, что было вполне правильным вчера, сегодня оказывается уже недостаточным. Коммунистический Интернационал в основном верно определил общие задачи, характер и тенденции развития китайской революции. Но даже и эти общие определения должны быть теперь видоизменены, настолько богатое новое содержание и неожиданное своеобразие форм борьбы и соотношения борющихся сил развернула новая историческая полоса, в которую Китай вступил после апрельских и июльских событий 1927 года. Революционная практика обогащает и толкает вперед революционную теорию. Ограничиваться теперь старыми общими формулами по китайскому вопросу, как бы они правильны ни были в свое время, значило бы превращать революционную теорию из руководства действием в мертвую догму. Новый этап китайской революции ставит по новому, иначе, чем раньше, не только тактические задачи, но и такие общие проблемы, как, напр., вопрос о характере и перспективах китайской революции. IX пленуму ИККИ придется самым внимательным образом остановиться на этих проблемах. То или иное их решение предопределяет всю стратегическую линию китайской коммунистической партии на долгий период. Уже одна эта задача сама по себе представляет довольно большую трудность. Но перед пленумом ИККИ стоит еще целый ряд «кон'юнктурных» вопросов, значительно усложняющих эту задачу. Что происходит сейчас в Китае? Продолжается непосредственно революционная ситуация или в развитии китайской революции наступил перерыв? Являются ли те стачки и восстания, о которых телеграф чуть не ежедневно приносит известия из Китая, арьер-

гардными боями разбитых и отступающих революционных классов или они сигнализируют начало нового под'ема революционной борьбы? В частности, что представляло собою декабрьское восстание в Кантоне? Было ли оно «образцом путча на падающей волне революции» или оно было первой крупной брешью, которую пробило в лагере реакции растущее революционное движение масс? Укрепляется и усиливается ли в Китае помещичье-буржуазная реакция, а если нет, то чем об'яснить, что в продолжение почти целого года революция терпит одно за другим, одно тяжелее другого поражения? Эти вопросы, волнующие самые широкие круги коммунистов и передовых рабочих всего мира, ждут теперь ответа со стороны Коммунистического Интернационала. И ответ IX пленума ИККИ на эти вопросы будет иметь крупнейшее непосредственно-практическое значение для судеб революционного движения и всего хода событий в Китае. Этим ответом будет предопределена тактика китайской коммунистической партии на все ближайшее время. А одной из важнейших особенностей китайской революции является то, что коммунистическая партия, несмотря на ее нелегальное положение, несмотря на страшное поредение ее рядов под ударами белого террора играет гигантскую, монопольно-руководящую роль в революционном движении рабоче-крестьянских масс Китая. Китайская коммунистическая партия является не только единственной революционной партией трудящихся масс, но и важнейшей исторической силой в Китае. От того, в какую сторону направлено действие этой силы, зависит в значительной степени судьба всей революции в Китае. Это уже подтверждено полностью всем опытом прошлого. Одной из решающих причин поражения революции в апреле—июле 1927 года было то, что руководство китайской компартии в критический период проводило—в прямом противоречии с линией Коминтерна и его требованиями—глубоко оппортунистическую, полуменьшевистскую тактику, связывавшую революционную инициативу масс и дезорганизовавшую их ряды. После августовской конференции ККП, исправившей ошибки этого периода и сменившей партийное руководство, опасность сознательного уклонения китайской компартии от той линии, которую ей укажет Коминтерн, можно считать устраненной. Весь вопрос заключается теперь в том, какой будет эта тактическая линия. IX пленуму ИККИ предстоит принять, таким образом, ответственнейшие решения, которые самым непосредственным образом отзовутся на революционной борьбе китайского народа и в очень большой степени повлияют на исход этой борьбы. В силу этих причин и займет китайский вопрос одно из важнейших мест, если не самое главное место, в работах пленума ИККИ.

Всякий раз, когда перед Коммунистическим Интернационалом встает такая сложная и трудная задача, какую теперь представляет собою китайский вопрос, правильное ее решение достигается обычно в результате столкновения и борьбы различных взглядов, оценок и практических предложений. В процессе подготовки китайского вопроса к пленуму ИККИ, среди работников Коммунистического Интернационала обнаружились разногласия по ряду принципиальных теоретических и тактических вопросов. Дискуссия, развернувшаяся на совещаниях при ИККИ по китайскому вопросу, представляет, несомненно, значительный интерес для самых широких кругов нашей партии. Настоящая статья и ставит себе целью ознакомление читателей «Большевика» с основными спорными вопросами, которые должен будет решать IX пленум ИККИ. Но эта статья не претендует на равнодушно-беспристрастное изложение всех точек зрения, наметившихся в дискуссии по китайскому вопросу; в ней будет излагаться и защищаться, по возможности не в полемической, а позитивной форме, одна определенная линия в китайском вопросе.

II.

«Марксизм,—писал Ленин,—требует от нас самого точного, об'ективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики». Ключ к пониманию характера всякой исторической полосы лежит *прежде всего* в соотношении классов. С *этим критерием* и надо подходить к изучению нового этапа китайской революции.

Общеизвестным является факт окончательного и полного перехода национальной буржуазии из лагеря революции в лагерь помещичье-милитаристской реакции и иностранного капитала. Но из этого общеизвестного факта делаются очень часто совершенно неверные, а еще чаще неполные, недостаточные выводы. Приведем примеры ошибочных выводов. В своей речи на XV с'езде, полемизируя против меня, тов. Миф говорил следующее:

«Нельзя снимать (китайскую) буржуазию с политической арены, потому что *именно* (!) *буржуазия может по каналам национализма повести еще за собой широкие массы люмпенпролетариата, городской мелкой буржуазии, городской бедноты и значительную прослойку китайского крестьянства*. Борьба за эти элементы, борьба за эти слои крестьянства, находящиеся еще под влиянием буржуазных элементов,—эта борьба *выдвигает перед коммунистами задачу самой беззаветной борьбы за гегемонию пролетариата*, за изоляцию этих буржуазно-помещичьих элементов от близких пролетариату социальных сил, выдвигает задачу завоевания широчайших масс на свою сторону».

Ничего не может быть ошибочнее этих утверждений тов. Мифа. Китайская буржуазия бесповоротно и окончательно *капитулировала* перед иностранным капиталом. Она самым циничным образом *предала* знамя национальной борьбы. Она совершенно откровенно вступает с империалистами в «сделки», направленные против революционного движения пролетариата и крестьянства, при чем в этих «сделках» империалисты и китайская национальная буржуазия противостоят друг другу не как два равных контрагента, а как полновластный хозяин и заискивающий слуга. В этом нет никакого преувеличения. Китайская буржуазия играет по отношению к иностранному капиталу унизительно - холопскую роль. Буржуазно - помещичьи «правительства» южного Китая пошли на разрыв с СССР по прямому *приказу* империалистов и в *ущерб* интересам китайской национальной промышленности и торговли. Что разрыв Южного Китая с Советским Союзом чрезвычайно ослабляет позиции китайского народа в борьбе за национальное освобождение, что этот акт служил *исключительно* интересам иностранного капитала, в этом вряд ли кто может сомневаться [1]). *Национализм* китайской буржуазии давно уже улетучился без остатка. Во всяком случае, *политика* китайской буржуазии носит ярко выраженный, откровенно *антинациональный* характер. В доказательство

---

[1]) Совсем на-днях мы читали в газетах сообщение, что в Ханькоу «по распоряжению китайских властей» закрыто отделение Центросоюза и высланы его сотрудники. Агентства Центросоюза, ведущего широкую торговлю с Китаем, были оставлены во всем Южном Китае уже после разрыва с СССР *по требованиям самих китайских торговцев*. Если они сейчас закрываются, то это об'ясняется чудовищным произволом милитаристской власти и домогательствами английского капитала, свободно хозяйничающего в царстве буржуазно-помещичьей реакции.

этого положения можно было бы привести бесчисленное количество примеров и фактов. Мы ограничимся, однако, лишь двумя официальными заявлениями признанных вождей и представителей национальной буржуазии. Вот заявление Чан Кай-Ши, сделанное им 13 декабря иностранным корреспондентам.

«Мое теперешнее убеждение, что мы не должны ограничиться разрывом сношений с Советской Россией, но *должны также об'единиться с остальными державами* для борьбы против коммунистической партии».

А вот что говорил 1 декабря Ван Тин-Вей, пытавшийся—при всей его кровожадной ненависти к рабоче-крестьянскому движению — до самого последнего времени играть роль «левого», радикального «гоминдановца», оставшегося верным заветам Сун Ят-Сена [1]).

«Мы все еще придерживаемся наших взглядов о необходимости отмены неравных договоров, но политика наша в этом вопросе будет в дальнейшем *не так резка*, как в то время, когда наша партия находилась под влиянием коммунистических элементов. Раньше внешняя политика под влиянием коммунистических чувств была ярко выраженной антииностранной. Теперь, после того, как мы порвали с коммунистами, мы *будем применять новые методы*. Наше поведение зависит от поведения разных держав. *Впредь мы не будем пользоваться такими антииностранными лозунгами, как в прошлом, и способы борьбы будут изменены*».

В пространных комментариях эти заявления не нуждаются. Если таковы *слова* героев национальной буржуазии, то *дела* их иначе, как самой *низкой изменой* делу национального освобождения Китая назвать нельзя. Планы империалистов о колониальном делении Китая давно уже были бы осуществлены не только без всякого серьезного сопротивления со стороны китайской буржуазии, но и непосредственно ее руками, если бы проведению этих планов не противодействовали другие силы и другие обстоятельства, ничего общего с «национализмом» китайской буржуазии не имеющие. Тов. Миф безнадежно спутал две, совершенно разные вещи: буржуазно-демократический характер китайского националистического движения и национализм китайской буржуазии. Китайская буржуазия давно уже стала *антинациональным фактором*, ее политика является прямым предательством интересов национального движения, но само национальное движение носит буржуазно-демократический характер, поскольку главной его силой является *китайское крестьянство*. Однако, по мере перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую борьба за национальное освобождение Китая неизбежно должна принимать новый, социалистический характер.

Что могло дать повод тов. Мифу усмотреть опасность в том, будто китайская буржуазия может еще увлечь за собой «по каналам национализма» *широкие* (!) массы (!!) крестьянства (!!), городской бедноты (!!) и т. п.? Может быть, тов. Миф думает, что китайская буржуазия ведет и будет вести широкую националистическую пропаганду в целях обмана трудящихся масс? Но заявления Чан Кай-Ши, Ван Тин-Вея и вся кампания китайской прессы в последние месяцы совершенно опрокидывают это предположение. Если бы буржуазия даже хотела завоевать доверие масс националистической пропагандой, она уже не в состоянии ее развернуть сколько - нибудь широко, во-первых, из опасений, как бы не рассердить своих империалистских покровителей, а, во-вторых, потому, что эта пропаганда неизбежно обер-

---

[1]) «Левым» фразам этого отвратительного фигляра удалось ввести в заблуждение некоторых коммунистов (не в Китае, а у нас, в СССР), продолжающих считать Ван Тин Вея выразителем интересов радикальной мелкой буржуазии и представителем «особого течения» в Гоминдане, с которым надо «серьезно считаться».

нулась бы целиком против нее самой. Достаточно указать хотя бы на кампании бойкота иностранных товаров — они проводятся все реже и слабее Когда «левые» Ван Тин-Вей и Джан Фа-Гуй вздумали недавно в Кантоне начать кампанию бойкота иностранных товаров, они немедленно были «поставлены на место» Кантонской торговой палатой, протестовавшей против этой кампании под тем предлогом, что «Япония отозвала свои войска из Шаньдуня, и нет поэтому смысла бойкотировать японские товары». Тов. Миф настолько исказил в своей речи картину действительных отношений в Китае, что трудно подыскать какие-нибудь об'яснения этому искажению. Может быть, оно понадобилось тов Мифу для совершенно ложного политического вывода, согласно которому важнейшая задача китайских коммунистов заключается в борьбе (т. Миф даже подчеркивает—«в беззаветной борьбе») за гегемонию пролетариата в революционном движении. Но это уже чудовищная, непростительная ошибка! Борьба за гегемонию пролетариата заполняла собою все содержание прошлой исторической полосы, закончившейся в апреле—июле 1927 года. Борьба эта закончилась полным переходом буржуазии на сторону контрреволюции; тем самым решился вопрос и о том, какому классу принадлежит руководство революционным движением. Рабочий класс Китая после июля 1927 года является единственным вождем и руководителем в революционном блоке угнетенных классов. Сегодня вопрос стоит не о борьбе за гегемонию пролетариата,—этот вопрос уже решен историей и решен окончательно!—а о расширении, усилении и организационном закреплении пролетарского руководства во всем революционном массовом движении, развертывающемся стихийно и крайне неравномерно Борьба за гегемонию пролетариата была главной задачей китайских коммунистов тогда, когда буржуазия принимала еще участие в революционном движении и стремилась обеспечить себе в нем руководящую роль. Но это было на прошлом, уже изжитом этапе китайской революции. На новом этапе революции гегемония пролетариата уже осуществляется. Кто этого не понял, тот не понял ничего в развитии китайской революции.

Мы так подробно остановились на ошибках тов. Мифа, казалось бы элементарно ясных, потому, что эти ошибки не случайны и свойственны не одному товарищу Мифу. В несколько более завуалированной форме мы находим их и у такого видного политического деятеля, как тов. Лозовский. В своем докладе харьковскому партактиву 4-го октября 1927 г. [1]) т. Лозовский говорил следующее:

«Рядом с компрадорской буржуазией за последние годы вместе с ростом Китая выросла своя национальная буржуазия. Мне в Китае приходилось слышать целую теорию о том, что в Китае, дескать, отсутствует крупная буржуазия, что национальной буржуазии нет, что крупную буржуазию в Китае составляют одни иностранцы, китайскую же буржуазию необходимо-де считать мелкой. Эта теория безусловно неверна, она не соответствует действительности. В Китае имеется своя национальная буржуазия—торговая, промышленная, финансовая. Вы можете найти в Шанхае сотню национальных китайских банков, правда, менее крупных, чем шанхайско-гонконгский банк; громаднейшие торговые фирмы, фабрики и заводы находятся в руках китайского капитала. По всему Ян-Цзы, начиная от Шанхая и по всему побережью, т. е. на территории расположения крупной промышленности—вы всюду встретите национальную промышленность, эксплоатирующую многочисленные массы рабочих. Национальная буржуазия стремится избавиться от империализма для того, чтобы самой эксплоатировать рабочий класс. Она хочет

[1]) Доклад этот перепечатан в сборнике «О Китае», изданном в 1928 г., откуда мы и берем цитату.

добиться независимости Китая, таможенной автономии, твердой денежной системы, она хочет освободиться от разбойничьей военной системы в своих же кровных интересах. Она стремится к освобождению Китая от иностранных пушек, чтобы превратить страну в капиталистический рай для себя... Она играет большую роль, особенно в настоящее время, когда весь Китай захвачен контрреволюцией, во главе которой стоит национальная буржуазия».

Мы привели столь длинную цитату из речи т. Лозовского потому, что она представляет собою как бы сводку всех ошибок, которые у нас обычно делаются в оценке роли китайской национальной буржуазии. Остановимся хотя бы на самых главных из этих ошибок.

Мы не знаем, от кого пришлось т. Лозовскому слышать в Китае «теорию», отрицающую существование крупной национальной буржуазии в Китае. Нам известно, однако, что и в Китае и в СССР распространена довольно широко «теория» о том, что все командные высоты и в капиталистической индустрии, и в крупной торговле, и в области финансов и банковского дела находятся в руках иностранного капитала. В Китае нет ни одной сколько-нибудь значительной отрасли промышленности (за исключением шелковой), в которой иностранный капитал не занимал бы господствующего положения. Даже в текстильной промышленности (по данным японских газет за декабрь 1927 г., несомненно, преуменьшенным, т. к. они не учитывают иностранных вложений в предприятия, формально принадлежащие китайцам) доля иностранного капитала в общей сумме инвестиций равна 52,4%. Эта цифра не дает, однако, представления о доле иностранного капитала в производстве текстильных изделий. Китайские предприятия, как правило, оборудованы более дорогими машинами и работают со значительно меньшей нагрузкой, чем иностранные фабрики. Еще крупнее доля иностранного капитала в табачной промышленности, быстро развертывавшейся в последние годы. Значительная часть мельниц и маслобоен крупного капиталистического типа принадлежит также иностранному капиталу. Во всех же остальных отраслях индустрии, особенно в горной и металлургической, роль национального китайского капитала совершенно незначительна. Морское и речное судоходство современного типа почти полностью, а железнодорожный транспорт по крайней мере на 80% находится в руках иностранного капитала. Что же касается финансового и банковского дела, то один Гонконг-Шанхайский банк, принадлежащий англичанам, играет в хозяйственной жизни Китая неизмеримо большую роль, чем все китайские национальные банки вместе взятые. В этом банке сосредоточиваются доходы от соляной монополии и таможенных пошлин; он регулирует цены на серебро—основную китайскую валюту—и движение серебра на рынке; от него зависит судьба китайских финансов так же, как и существование сотен банковских и торговопромышленных китайских заведений. Вот всех этих обстоятельств и не учитывает тов. Лозовский в своем увлечении мощью китайской буржуазии. О китайских банках в Шанхае он находит нужным сказать лишь то, что они, «правда, менее крупны, чем Шанхайско-Гонконгский банк»! Но ведь это же не марксистский анализ, а поверхностнейшее впечатление туриста, побывавшего в Китае и увидевшего на улицах Шанхая многочисленные вывески китайских банков. А то, что т. Лозовский говорит о национальной китайской индустрии, недостойно даже самого легкомысленного туриста, потому что никакой турист, путешествовавший по Ян-Цзы, не мог «встретить» на ее пустынных берегах того, чего на них нет. По всему течению Ян-Цзы лишь в Шанхае (расположенном, кстати, на притоке Ян-Цзы) и Ханькоу [1]) можно «встретить» крупную капиталистическую промы-

[1]) Если не считать нескольких хлопкоочистительных предприятий в Нанкине и закрывшегося еще в 1922 г. Таепинского завода в Хубее

шленность, и та в значительной доле принадлежит иностранному капиталу. Нет никакого сомнения, т. Лозовский чересчур увлекся и сильно переборщил в описании своих китайских впечатлений.

В Китае есть, конечно, крупная национальная буржуазия. Но нельзя ставить ее на одну доску с американской, английской или германской буржуазией и *к этому* (с добавлением, что китайская буржуазия притесняется иностранным капиталом) сводить весь анализ ее социально-экономической роли. А ведь как раз так и поступает тов. Лозовский. Тов. Лозовский говорит, например, о китайской *финансовой буржуазии* и в доказательство существования финансового капитала в Китае ссылается на ту самую сотню шанхайских банков, о которой речь уже была выше. Но сравнивать *китайский* банковский капитал с *современным финансовым капиталом*, являющимся продуктом эпохи империализма, все равно что сравнивать современного банкира с ростовщиком. А «между банкиром и ростовщиком (по Марксу) лежит различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя».

Китайский банковский капитал представляет собой лишь одну из форм, лишь разновидность *ростовщического капитала*. А ростовщический капитал возникает и функционирует, как известно, там, где преобладают докапиталистический способ производства и докапиталистические общественные отношения. Мы не имеем возможности останавливаться сколько-нибудь подробно в настоящей статье на вопросе о значении ростовщического капитала в экономике Китая [1]). Отметим лишь некоторые основные моменты, имеющие прямое отношение к вопросу о роли китайской национальной буржуазии. Во-первых, китайский ростовщический капитал самым тесным образом связан с иностранным капиталом и выполняет для него *компрадорские функции*. Китайские банки являются в своем большинстве *компрадорскими агентурами* финансового капитала империалистских стран. Связь иностранного капитала с китайским ростовщичеством вовсе еще не означает, что ростовщический капитал перерастает в современный финансовый капитал. Правильнее будет обратный вывод: иностранный финансовый капитал функционирует в Китае часто, как ростовщический капитал [2]). В этом обстоятельстве кроется одна из причин того, что империализм стремится сохранить докапиталистические отношения в Китае, что не мешает ему разрушать их против своей же воли.

Во-вторых, как в сельском хозяйстве, так и во всей китайской торговле и промышленности ростовщический капитал занимает господствующее, командующее положение. Свой оборотный капитал национальная промышленность Китая черпает из китайских банков, конечно, на условиях ростовщического процента. Исключительно высокий уровень процента придает ссудному капиталу в китайских условиях характер ростовщического капитала. Уже по этому обстоятельству можно судить о том, насколько неразвита еще национальная капиталистическая промышленность в Китае. Известно, что «высокий или низкий уровень процента в стране находится в обратном отношении к высоте промышленного развития» (Маркс). К этому надо добавить, что даже крупные китайские предприятия ведутся по принципам, свойственным ростовщическому капиталу, а не по принципам капиталистического расчета. Не останавливаясь подробнее на этом вопросе, заметим лишь, что это обстоятельство является одной из причин частой смены вла-

[1]) Этот вопрос с исчерпывающей полнотой разработан в прекрасной марксистской работе тов. Мадьяра, посвященной экономическим проблемам Китая. Этот замечательный труд в скором времени будет отпечатан. Из этого труда и заимствуем мы ряд выводов о ростовщическом капитале.

[2]) Преобладающая часть иностранного капитала функционирует в Китае, как торговый капитал.

дельцев китайских предприятий. Вообще, вследствие запоздалого развития капитализма в Китае еще не успел сложиться сколько-нибудь устойчивый класс предпринимателей. К тому же почти любой китайский капиталист самыми тесными узами связан еще с помещичьим землевладением. Китайская буржуазия не успела еще разорвать той пуповины, которая привязывает ее к докапиталистическим, полуфеодальным отношениям китайской деревни.

Мы видим, таким образом, что национальная китайская буржуазия выглядит совсем не на такой европейский лад, как ее изобразил тов. Лозовский. Она является самым незрелым и запоздалым классом китайского общества, не освободившимся еще из пеленок старого китайского общества. Революция застала китайскую буржуазию на такой ступени развития, когда она не успела еще фиксироваться, как самостоятельный класс китайского общества. Революция была направлена против гнета иностранного капитала и пережитков докапиталистических, полуфеодальных отношений в социально-экономическом укладе и политическом строе Китая, т.-е. против тех преград, которые задерживают развитие капитализма в Китае, а следовательно, и дальнейшее развитие национальной буржуазии. Путь революционного разрешения задач буржуазно-демократического переворота был для национальной буржуазии единственным путем ее социального и политического самоопределения, как самостоятельного исторического класса китайского общества. Но история поставила китайскую национальную буржуазию между двумя жерновами. Национальная революция вызвала к жизни такие силы, которые не только грозят сломом старых порядков и уничтожением господства реакционных классов и иностранного капитала, но и неизбежно приходят в самое острое столкновение с национальной буржуазией. В лице молодого китайского пролетариата, являющегося продуктом развития не только национальной, но, в первую очередь, иностранной промышленности и торговли, национальная буржуазия встретилась со своим самым страшным, смертельным врагом. Потерять в революции *все* или ценой *капитуляции* перед силами реакции и иностранным капиталом сохранить хотя бы то, что у нее имеется—так вставал вопрос перед национальной буржуазией по мере роста и развития революционного массового движения с его коммунистическими лозунгами и классовыми требованиями. Буржуазия *вынуждена* была капитулировать перед старыми порядками, против которых она сама поднялась вначале на борьбу.

Переход национальной буржуазии в лагерь помещичье-милитаристской реакции и иностранного капитала был с ее стороны не маневром—маневрировать можно там, где имеется хотя бы известная свобода выбора,—а совершенно *неизбежной капитуляцией* перед старым порядком. На эту капитуляцию национальная буржуазия вынуждена была пойти прежде, чем революция успела разрешить хотя бы одну из задач буржуазно-демократического переворота. Капитуляция в *этих условиях* означала величайшее *историческое* банкротство национальной буржуазии, обрекающее ее на социально-политическое вырождение и загнивание. Победа буржуазно-помещичьей контрреволюции над рабоче-крестьянским массовым движением в апреле—июле 1927 г. была в то же время историческим поражением для самой национальной буржуазии, поражением, отрезывающим ей всякие пути дальнейшего развития. Вот этого обстоятельства и не понял тов. Лозовский. Его рассуждения о том, что «национальная буржуазия *стремится* избавиться от империализма.... *хочет* добиться независимости Китая,... *хочет* освободиться от разбойничьей военной системы в своих же кровных интересах» и т. п., носят обывательски-поверхностный характер. Мало ли кто чего хочет! В общественной борьбе имеет значение не этот вопрос, а другой: *какую политику вынужден проводить тот или иной класс?* А политика национальной буржуазии по отношению

к империализму, милитаристам, помещикам, компрадорскому торгово-ростовщическому капиталу, бюрократии и т. п. есть политика полной капитуляции. А отсюда ясно, что совершенно неправильным является и тот вывод, который делает т. Лозовский, будто национальная буржуазия играет в лагере реакции главенствующую, руководящую роль. Правильно как раз обратное. В блоке иностранного капитала и помещичье-милитаристской реакции национальная буржуазия сумела занять лишь подчиненное место. Роль ее, как самостоятельной политической силы, становится все меньше и в лагере реакции и во всей общественной жизни Китая. Лишь в одной области возрастает активность национальной буржуазии: в своей бешеной ненависти к движению угнетенных классов, в кровавых методах его подавления, в попытках подкупить, развратить и разложить кадры рабочего класса, в циничном проституировании лозунгов революции и учения Сун-Ят-Сена она превзошла всех своих союзников по реакционному лагерю. Но это единственная область, которую история отвела для «творческой» деятельности китайской буржуазии.

В революционные периоды, говорил Ленин, «проявляется с наибольшей силой роль различных классов в определении форм социальной жизни». Китайская буржуазия оказалась совершенно неспособной к историческому преобразованию общественного строя Китая. Она вынуждена под давлением революционного движения рабоче-крестьянских масс хвататься, как за якорь спасения, за самые отсталые и изжитые формы социальной и политической жизни Китая. Буржуазно-помещичья реакция стремится закрепить и сохранить во всем Китае старый полуфеодальный социально-экономический уклад и изживший себя политический строй. Но тем самым буржуазно-помещичья реакция усиливает и обостряет противоречия, вызвавшие китайскую революцию. Тем самым она делает неизбежным дальнейшее продолжение и развитие китайской революции, какие бы поражения та ни испытывала. Национальная буржуазия оказалась полным банкротом в деле определения новых форм социальной жизни Китая. Та роль, которую китайская буржуазия играет теперь в общественной жизни Китая, совершенно исключает возможность реформистского разрешения исторических задач, стоящих перед этой великой страной. Новые формы социальной жизни Китая могут определить лишь две силы, каждая, конечно, по своему: либо международный империализм, либо китайский пролетариат, опирающийся на крестьянство Китая и помощь всемирного рабочего класса.

III.

В декабре 1848 г., подводя баланс прусской революции, Маркс бичующими словами характеризовал историческую роль германской буржуазии:

«Без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания, проклинаемый всеми старец, который видит себя осужденным на то, чтобы в интересах своей собственной дряхлости руководить юношескими стремлениями сильного народа и отводить их, старец, потерявший зрение, слух, зубы, потерявший все,—такою очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля прусского государства».

«История прусской, как и вообще немецкой буржуазии, — писал Маркс,—доказывает, что в Германии чисто буржуазная революция и создание буржуазной власти в форме конституционной монархии невозможна, что возможна только либо феодально-абсолютистская контрреволюция, либо социально-республиканская революция».

Известно, что Маркс ошибался, отрицая возможность компромиссного развития для Германии середины XIX века. Свою ошибку и Маркс

и Энгельс признали сами, как только стало ясно, что Германия после революции 48 г. прочно вступила на путь буржуазного развития.

«Принимая во внимание обстоятельства того времени,—писал Энгельс о 48 годе,—для нас не могло оставаться места сомнениям на тот счет, что началась великая решительная борьба, которая составит один длинный и богатый переменами революционный период, но которая завершится лишь окончательной победой пролетариата». «Но история показала, — продолжает Энгельс,—что неправы были мы и что наш тогдашний взгляд был иллюзией... Она ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития далеко еще недостаточен для того, чтоб устранить капиталистический способ производства». Уже в 1850 году, когда обозначился несомненный промышленный под'ем в Германии и вообще в Европе, Маркс писал, что при таком развитии производительных сил буржуазного общества «о действительной революции не может быть и речи». «Новая революция возможна только в сопровождении нового кризиса. Но наступление ее также несомненно, как и наступление кризиса». Германская буржуазия оказалась в этих исторических условиях способной провести постепенное, мучительно медленное преобразование всего общественного строя Германии на капиталистических началах. Тем самым германская буржуазия выполнила свое всемирно-историческое призвание, которое Маркс отрицал за нею в 1848 г. Но не надо забывать, что «прусский путь» развития капитализма оказался возможным лишь на основе экономической революции, охватившей после 1848 г. всю Европу вплоть до России.

Ссылка на взгляды Маркса и Энгельса в 1848 г. приведена нами не для того, чтобы построить аналогию между Германией середины XIX столетия и современным Китаем [1]). Не говоря о других различиях, подобная аналогия была бы неправильна уже в силу того, что Китай — полуколониальная страна, и китайские события разыгрываются в эпоху империалистских войн и всемирной пролетарской революции. Ссылка на Маркса и Энгельса нужна нам для того, чтобы установить один из исходных пунктов их взглядов на невозможность компромиссного разрешения общественных противоречий в определенные исторические периоды. Этот исходный пункт—отрицание исторического призвания и силы буржуазного класса — вполне применим к оценке современного положения Китая. Перефразируя слова Маркса, мы можем с полным правом сказать:

Вся история китайской буржуазии с апреля—июля 1927 г. по февраль 1928 г. доказывает, что в Китае чисто буржуазная революция невозможна, что всякий реформистский путь разрешения исторических задач, стоящих перед страной, исключен, что возможны только: либо полное превращение Китая в колониальную добычу империалистских стран, либо решительная победа революции, выходящей далеко за буржуазно-демократические рамки и знаменующей начало социалистического переворота.

В дискуссии на совещаниях при ИККИ эта точка зрения встретила одно, так сказать, априорное возражение. Нам возражали: нельзя считать реформистский, компромиссный путь развития исключенным для Китая; это—неправильная, неленинская постановка вопроса; надо ставить вопрос так: какой путь победит, реформистский или революционный, это решит

[1]) Если бы допустить такую аналогию, Марксову характеристику прусской буржуазии пришлось бы несколько изменить применительно к национальной буржуазии Китая после апрельско-июльских событий; в ней пришлось бы еще более выпятить все отрицательные моменты и зачеркнуть все, что Маркс говорил о революционности буржуазии по отношению к консерваторам. Ни тени революционности и самостоятельности у китайской буржуазии не осталось. Всю Марксову характеристику пришлось бы помножить еще на такой коэффициент: «Чем дальше на Восток, тем подлее буржуазия». Величина этого коэффициента вполне соответствовала бы отдаленному положению Китая на Востоке.

борьба; победу революционного пути можно считать наиболее вероятной, но это еще не значит, что реформистский путь совершенно исключен.

Нам кажется, что эта аргументация, при всей ее серьезности, бьет все же мимо цели. Ленин действительно так ставил вопрос: в революционные периоды сама «история ставит на разрешение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути» (Ленин считал, что зигзагообразный путь истории есть путь компромиссов: «Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс, компромисс между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого»). «Революционные периоды являются по преимуществу такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время». Но о возможности победы компромиссного пути Ленин поставил вопрос лишь тогда, когда этот путь обозначился уже в действительности. «Марксист,—писал Ленин в 1907 г.,—обязан бороться за прямой революционный путь развития, когда такая борьба предписывается об'ективным положением вещей, но это... не значит, что мы не должны были считаться с определившимся уже фактически зигзагообразным поворотом. С этой стороны ход русской революции определился уже вполне».

Весь ход событий в Китае, вся конкретная обстановка, сложившаяся после апреля—июля, все экономическое и политическое развитие страны с тех пор доказывают, что компромиссное решение исторических задач Китая невозможно. С этой стороны—говоря словами Ленина—ход китайской революции определился уже вполне. Таким образом, отводить выдвинутое нами положение априорными соображениями совершенно неправильно. А об'ективная действительность подтверждает его полностью.

Подвинулось ли со времени победы помещичье-буржуазной контрреволюции хоть на один шаг вперед разрешение хотя бы одной из тех исторических задач, которые стоят перед Китаем? Говоря об исторических задачах, мы имеем в виду—в данном контексте—задачи буржуазно-демократического переворота, т.-е. освобождение страны от всех видов угнетения со стороны империалистских хищников, ломку всех полуфеодальных, азиатских перегородок в социально-экономическом укладе, задерживающих всякое дальнейшее экономическое развитие Китая, полный слом старого бюрократического государственного аппарата и новой милитаристской разбойничьей системы власти, об'единение всего Китая в одно государственное целое и т. п. Буржуазно-помещичья реакция не только не подвинулась вперед в разрешении этих задач; за несколько месяцев ее господства Китай сделал значительные шаги по пути попятного развития. Мы уже говорили выше о том, насколько усилились политические позиции империализма в Китае после победы контрреволюции. Смело можно сказать, что так полновластно и беспрепятственно, как при господстве героев национальной буржуазии Чан Кай Ши, Бай Чжун-Си и др., иностранный капитал никогда еще не хозяйничал в Китае. Но дело не ограничивается одним политическим укреплением позиций империализма в Китае. Япония, правильно учтя значение контрреволюционного поворота в политике национальной буржуазии, уже наложила лапу на Манчжурию и Монголию. Правда, те требования, которые Япония пред'явила Чжан Цзо-Лину [1]) (насчет обеспечения ее «прав» в Манчжурии и внутренней Монголии), еще формально не признаны правителем Северного Китая. Но это не мешает японцам осуществлять их явочным порядком и шаг за шагом превращать обе эти области Китая в свою фактическую колонию. О ближайших планах другого хищника—Великобритании—лучше всего может дать представление отчет комиссии для изучения перспектив английской торговли в долине Ян-Цзы, назначенной британским правительством. Эта комиссия состояла из виднейших английских купцов и была возглавлена коммерческим атташе пекинского посольства Брэтом. Отчет [1]) комиссии Брэта представляет большой интерес не только тем, что он раскрывает планы английских империалистов, но и тем, что он дает интересную картину состояния торговли в центральном Китае, решительно опрокидывающую рассуждения некоторых «марксистов», находящих в современной обстановке Китая тенденции экономической стабилизации и считающих торгово-промышленный кризис в Китае явлением скоропреходящим, за которым в ближайшее время должен наступить новый экономический под'ем. Вот выдержки из отчета комиссии Брэта:

> «Во всех важнейших открытых портах в долине Ян-Цзы торговля находится в состоянии депрессии. В Чин-Цзяне английская концессия все еще занята китайскими войсками, и не советуется иностранным купцам проживать в этом городе. По заявлениям иностранных купцов китайские купцы не платят своих долгов, и многие просто похитили предоставленные им иностранными купцами для заготовок фонды.
>
> В Нанкине вообще нет торговли. В Уху торговля очень ограниченная. То же самое в Цзю-Цзяне, где финансовые и валютные затруднения и тяжелое обложение мешают торговле. Банкноты Центрального банка потеряли 55% своей стоимости, но власти заставляют купцов принимать их по номинальному курсу. В Ханькоу неопределенность политического положения, невероятно высокие налоги и валютные затруднения свели торговлю почти на-нет. В Чанше валютное положение еще хуже, чем в Ханькоу. Бумажные деньги быстро обесцениваются. В Чанше у купцов имеется 2 миллиона кулей риса, но купцы не хотят продавать рис за бумажные деньги. В Ичане никакой торговли нет. В Чун-Цзине положение немножко улучшилось. Но судоходство все еще связано с большим риском в виду того, что Ян-Сен настаивает на своем праве реквизировать любой пароход для военных перевозок. Положительным моментом для Чун-Цзина является то, что там не выпускены новые бумажные деньги. Единственным положительным в долине Ян-Цзы с точки зрения торговли, является хороший урожай. Но реализация урожая чрезвычайно затрудняется недостатком серебряной монеты, валютными и финансовыми затруднениями, дезорганизацией прежнего торгового оборота, дезорганизацией заготовительного аппарата иностранных фирм, налогами, вмешательством военных властей в торговлю». (Цитировано по бюллетеням шанхайского консульства СССР).

После этого описания отчет переходит к вопросу о британских интересах:

> «Британские экспортеры потерпели огромные убытки, их запасы были конфискованы военщиной, их китайские контрагенты отказываются платить долги, и торговля, даже наличными, затрудняется невыносимыми налогами, валютными затруднениями и бесконечными препятствиями другого порядка. Судоходные кампании также должны побороть огромные затруднения. На верхнем течении реки Ян Цзы судо-

[1]) Эти требования перечислены в докладе тов. Бухарина на XV с'езде партии.

[1]) Он опубликован в конце ноября 1927 г, в английской прессе, выходящей в Китае.

ходство невозможно без конвоирования пароходов военными судами. В виду того, что в долине Ян-Цзы британские фирмы в большинстве случаев являются лишь отделениями Шанхайских фирм, можно с уверенностью сказать, что шанхайские фирмы также потерпели огромные убытки. Основная причина угнетенного состояния торговли заключается в политическом положении, и пока политическое положение не улучшится нельзя ожидать существенного улучшения торговли. Может быть, в Чанше, в Ичане и Чун-Цзине положение в ближайшее время немножко улучшится. Но в общем и целом те причины, которые привели к разорению торговли, продолжают действовать, и имеется только *два пути* к существенному улучшению положения.

Первый путь, это — *интервенция в большом масштабе*. Второй, это—выжидать, пока в долине Ян-Цзы постепенно создастся более или менее прочное правительство, *при чем иностранное влияние или частичные жесткие выступления иностранных держав смогут ускорить создание такого правительства лишь в незначительной мере*».

Не может быть никакого сомнения, что *интервенция в большом масштабе*, т.-е. окончательное колониальное порабощение и раздел Китая между империалистскими странами давно уже подготовляется и частично находится уже на пути к осуществлению. Разрыв южно-китайских правительств с Советским Союзом был крупнейшим успехом иностранного капитала. Задача интервенции этим разрывом была для империалистов в значительной степени облегчена. Правда, империализму для проведения плана интервенции в большом масштабе остается еще преодолеть такие препятствия, как революционное движение рабоче-крестьянских масс Китая, сопротивление международного пролетариата и противоречия в собственных рядах. Вопрос о том, насколько империализму удастся справиться с *этими* препятствиями, решится на арене всемирной социальной борьбы. Но несомненным остается то, что буржуазно-помещичья реакция Китая облегчает задачу интервенции империалистам и позволяет им осуществлять ее по частям (постепенный захват Манчжурии и Монголии Японией).

Таковы же итоги господства буржуазно-помещичьего блока и в социально-экономической области. Основной вопрос китайской революции — *аграрный* вопрос—не только не разрешен *ни на йоту*, но и стоит теперь гораздо острее, чем когда бы то ни было раньше. Единственная реформа в аграрном вопросе, которую национальная буржуазия возвещала самыми трескучими фразами,—снижение арендной платы на 25%,—провалилась окончательно и бесповоротно. Никто в Китае теперь об этой реформе даже не заикается. Буржуазия поддерживает класс помещиков и полуфеодальные, азиатские земельные отношения *полностью и безоговорочно*. То, что тов. Миф говорил на XV с'езде партии о возможности «столыпинского» пути разрешения аграрного вопроса в Китае, представляет из себя *самую большую ошибку*, какую вообще можно сделать в китайском вопросе. Тов. Мифу коротко, но правильно, ответил т. Бухарин: «Этот путь закрыт в Китае. Для него нет экономической базы на решающих территориях Китая». Но дело не только в отсутствии земельного фонда, которым можно было бы маневрировать, на что указывал т. Бухарин, и не только в отсутствии чисто-экономических предпосылок для столыпинской реформы в Китае. Дело в *характере социальных отношений* в китайской деревне, *исключающих возможность всякого половинчатого разрешения* аграрного вопроса. Дело также в соотношении политических сил в Китае, в частности, в роли китайской бур-

жуазии, абсолютно неспособной взять на себя задачу переделки докапиталистических земельных отношений в современные буржуазные отношения.

На основе существующих социально-экономических отношений в китайской деревне растет и разворачивается глубокий, длительный кризис сельского хозяйства. Мы считаем в *основном* правильной ту характеристику, которую дал этому явлению ноябрьский пленум ЦК китайской коммунистической партии. В основном оценка ноябрьского пленума такова: продолжается и принимает все более катастрофический характер процесс упадка и разорения сельского хозяйства Китая. Относительно «хороший» урожай 1927 г. [1]) (при котором массовая голодовка органичится «только» двумя провинциями: Чжили и Шаньдунем, а в других областях Китая «только» теми районами, которые вконец разрушены войной и стихийными бедствиями) не ослабляет тенденции упадка сельского хозяйства. В результате «хорошего» урожая крестьянство вынуждено повысить дань помещикам, покрыть старую задолженность землевладельцу и ростовщику и сбывать скупщику сельскохозяйственные продукты по крайне сниженным ценам. В виду «хорошего» урожая налог, взимаемый милитаристами с крестьянства, увеличивается вдвойне и втройне. Эксплоатация китайского крестьянина помещиком, ростовщиком и купцом, ограбление его милитаристами, угнетение его бюрократией, джентри и т. п. приняли такие чудовищные формы и размеры, что нормальное воспроизводство условий труда становится для крестьянина совершенно невозможным. От 50% до 80% крестьян доведено эксплоатацией и грабежом имущих классов до такого уровня жизни, который стоит ниже голодного минимума. На ряду с чудовищной прямой эксплоатацией крестьянина помещиком, ростовщиком и купцом, на ряду с ограблением его хозяйства милитаристами, реквизирующими не только жизненные припасы и рабочий скот, но и рабочую силу крестьянина, быстрому упадку сельского хозяйства способствуют также все усиливающийся процесс парцелляции крестьянских хозяйств, разрушение оросительных и осушительных сооружений, бывших предметов забот государственной власти, а теперь покинутых на произвол судьбы, учащающиеся стихийные бедствия, финансовая анархия, дезорганизация торговли и рынка сбыта для сельскохозяйственной продукции, рост бандитизма и т. д. Единственным выходом из этого кризиса может быть только полная победа рабоче-крестьянской революции и радикальный аграрный переворот.

Кризис китайского сельского хозяйства сопровождается, однако, общим экономическим кризисом: торговым, промышленным и финансовым. Выше мы приводили выдержки из отчета комиссии Брэта, характеризующие состояние торговли в основной хозяйственной области Китая—в долине реки Ян-Цзы. Но таково же состояние торговли во всем Китае, за исключением Манчжурии и нескольких второстепенных открытых портов. Внешняя торговля Китая за 1927 год сократилась *на* 25%, а до двадцать седьмого года она все время развивалась по поднимающейся линии [2]). О состоянии железно-

---

[1]) Что значит «хороший» урожай в Китае, можно судить по размерам голодовки в 1927 г. Недавно «Таймс» сообщал, что размеры голода в Китае в 1927 г. *преувеличены* и что на голод обречено «*не больше четырех миллионов* (!!) человек». По позднейшим сведениям эту цифру надо увеличить до 9 (девяти) миллионов. А у нас еще находятся «умники», которые говорят, что называть кризис сельского хозяйства в Китае *катастрофическим* — значит «сильно преувеличивать»!

[2]) Между прочим, начиная с 1922 года падает ввоз *машинного оборудования*—с 41 миллиона америк. долларов до 7 и 8 миллионов в 1925 и 1926 гг. Зато из года в год повышается ввоз предметов питания (в 1913 г. ввезено было 5 миллионов пикулей риса, в 1922 г.—уже 22 млн.), что является несомненным показателем длительного процесса упадка сельского хозяйства.

дорожного транспорта в Китае дает представление следующая выдержка из отчета за 1926 год коммерческого секретаря английского консульства в Шанхае А. Джорджа:

«За исключением Манчжурии *вся железнодорожная сеть* за последние 12 месяцев вышла из коммерческой работы. Трудно описать состояние развала, в котором очутился подвижной состав железной дороги. Скоро останутся одни насыпи! По данным иностранного эксперта при министерстве путей сообщения, американца Беккера, жел.-дор. транспорт Северного Китая за срок с сентября 1924 года по декабрь 1925 года, т.-е. за 15 месяцев имел потери около 800 миллионов мексиканских долларов». За 1927 год состояние железнодорожного транспорта еще более ухудшилось. В настоящее время почти вся железнодорожная сеть Китая (за исключением Манчжурии) лежит в параличе. Значительно сократилось также коммерческое судоходство особенно по речным линиям. Что же касается китайской промышленности (не только национальной, но и принадлежащей иностранному капиталу, в особенности первой), то, начиная с 1924 года, она вступила в полосу *все усиливающейся депрессии*. В текстильной промышленности эта депрессия сказывается особенно заметно. В 1927 году не работало 33% всех веретен, имеющихся в текстильном машинном производстве. Ряд крупнейших текстильных предприятий в 1927 г. закрылся. Шелковая промышленность Китая поставлена под угрозу полного упадка благодаря усиливающейся конкуренции со стороны японской шелковой промышленности и в особенности благодаря ввозу искусственного шелка в Китай. Промышленный кризис в Китае носит не кон'юнктурный, а гораздо более глубокий, *органический* характер. Быстро выросшая за годы войны китайская промышленность не в состоянии теперь — в особенности при отсутствии таможенной независимости,—выдержать конкуренцию современной *рационализированной* европейской и американской промышленности. А с другой стороны, промышленность Китая подтачивается расстройством внутреннего товарооборота, крайним сужением рынка в результате бесчисленных войн, междоусобиц и разорения крестьянства, и финансовой анархией. Все это—причины такого порядка, устранить которые сможет лишь победоносная революция.

Буржуазно-помещичья реакция не смогла и не сможет ни устранить, ни ослабить ни одной из причин, вызывающих общий кризис и экономический упадок Китая [1]).

Посмотрим теперь, к каким *политическим* итогам привела буржуазно-помещичья реакция за девять месяцев своего господства. Нам кажется, что на этот вопрос *вполне правильный* ответ дан в докладе т. Бухарина на XV с'езде ВКП. Так как мы вступаем сейчас в область *наиболее спорных* вопросов, мы предпочитаем ответить на поставленный вопрос словами т. Бухарина.

---

[1]) Товарищи, стремящиеся во что бы то ни стало обнаружить тенденции стабилизации буржуазно-помещичьей реакции, ссылаются на то, что в Северном Китае имеет место не кризис, а экономический под'ем. Но, во-первых, совершенно неправильно утверждать это относительно всего Северного Китая. Экономический под'ем имеет место *только* в Манчжурии (в Манчжурии растут торговля внутренняя и внешняя, промышленность, железнодорожный транспорт и сельское хозяйство). Во-вторых, Манчжурия является областью колонизации с неисчерпанным еще плодородием земли и громадными лесными и горными богатствами. В-третьих, и это особенно важно, Манчжурия уже на три четверти стала фактически *японской колонией*. В-четвертых, бесконечные войны на севере Китая ведутся в значительной степени за счет Манчжурии. Это начинает уже отзываться на ее торговле и сказывается в резком падении манчжурских денег. Но самое важное то, что хозяин в Манчжурии не китайская буржуазия, а японский империализм.

Разрешил ли империализм *китайскую проблему*?—спрашивал тов. Бухарин. «Можно утверждать,—говорил он,—что империалистам общекитайской проблемы разрешить не удалось... Разрешила ли эту китайскую проблему прежде национально-революционная, а теперь национально-контрреволюционная буржуазия? Мне кажется, что она не разрешила этой проблемы, но что развитие об'ективных противоречий между буржуазией, с одной стороны, рабочим и крестьянским движением—с другой, не только *не позволило слабой туземной буржуазии по-своему* решить китайскую проблему, но на деле привело к тому, что китайская буржуазия, попавшая в зависимость от полуфеодального милитаристского аппарата, *еще более ослабела, разбилась на группы и не может выступать, как об'единенная классовая сила* [1]). Мы сейчас присутствуем при таком положении вещей, когда различные военные группировки, имеющие различных политических вождей, раздробились на мало самостоятельные генеральские клики, что дает основание говорить *об известном распаде сил национальной буржуазии*».

В другом месте своего доклада тов. Бухарин говорит, что «национальная буржуазия не только не движется по пути к решению этой проблемы своими методами, путем придушения рабочего класса, блока и компромисса с империалистами, но *она сама все больше дробится, как политическая сила*. Она теперь раздробила свои силы между теми генеральскими кликами, которые получили сейчас на поверхности общественных явлений решающее значение и которые ведут конкурентную борьбу за прямые и непосредственные источники своего собственного существования, потому что им нужно жить, нужно содержать свои армии... Все это требует больших средств, все это может сохраняться только путем величайшего нажима на население. За каждую более богатую провинцию, которая обладает запасами риса и известного количества денег, ведется борьба между кликами. *И таким образом совершается загнивание этих больших милитаристских групп вместе с их буржуазными вождями, запутавшимися в своих внутренних противоречиях*». Нельзя не согласиться полностью с этим анализом. Мы считаем нужным добавить к нему лишь несколько штрихов. Лучшим выражением политического разложения и загнивания буржуазно-помещичьей реакции является крушение и полный распад Гоминдана. Гоминдан был в первый период революции своеобразной политической организацией, осуществлявшей блок революционных классов. Он был и партией революционного блока и в то же время национально-революционным правительством. Буржуазно-помещичья контрреволюция нанесла смертельный удар Гомин-

---

[1]) Не приходится доказывать, что наш взгляд на роль китайской буржуазии совпадает с тем, что тов. Бухарин говорил на XV с'езде партии по этому вопросу. В своем выступлении на XV с'езде я лишь повторил, может быть, в чересчур грубой формулировке, мысль, содержавшуюся в докладе тов. Бухарина, о распаде и дроблении национальной буржуазии, как политической и классовой силы. Я говорил, что буржуазия не выступает в Китае, как единый класс. Должен признать, что в речи на с'езде мой ответ на вопрос тов. Сталина: «имеется ли в Китае все же буржуазия?»—«Есть отдельные буржуа, есть отдельные группы буржуазии»—является довольно-таки *неловкой формулировкой*, но этот ответ выражал по сути дела ту же мысль, какую защищал тов. Бухарин в своем докладе. В настоящей статье я защищаю ту же самую точку зрения, что и в речи на с'езде.

В одном вопросе, однако, я иду несколько дальше, чем тов. Бухарин в своем докладе на XV с'езде. Я считаю, что китайская буржуазия вступила в революцию, не успев конституироваться, как самостоятельный класс китайского общества. Переход на сторону контрреволюции лишает китайскую буржуазию возможности сложиться в особый класс даже в перспективе, обрекая ее на ублюдочное состояние. Но вопрос о том, является или нет китайская буржуазия «классом для себя», есть *добавочный* вопрос. В основном же вопросе об оценке *ее роли* я целиком согласен с речью тов. Бухарина на с'езде.

дану. Буржуазия не сумела превратить его в свою *классовую партию*, потому что она сама не смогла сложиться в политически единый класс. В настоящее время в Южном Китае столько «гоминданов», сколько враждующих меж собою милитаристских группировок, а их число непрерывно возрастает и измеряется уже двузначными числами. Каждый из милитаристов самым бесцеремонным образом расправляется на своей территории с неугодным ему гоминдановским комитетом (при чем расстрелы и высылки являются обычными методами милитаристской «чистки» Гоминдана) и назначает его состав по своему усмотрению. Комитеты Гоминдана превратились в неумело состряпанные агитпропотделы при отдельных милитаристах и никакой руководящей политической роли не играют. Ни одно политическое движение не падало еще так стремительно, так низко, как пал Гоминдан после контрреволюционного переворота. Знамя Гоминдана давно уже стало символом кровавого террора, безграничной коррупции и милитаристского произвола

Распад буржуазно-помещичьего лагеря на ряд враждующих между собою милитаристских группировок вызвал нескончаемый цикл междоусобных войн во всем Южном и Центральном Китае. Но и та война между Севером и Югом, которая носила вначале национально-революционный характер, выродилась теперь в обычную междоусобную драку милитаристов. Ведь с точки зрения социального содержания власти между Севером и Югом Китая нет уже никакой принципиальной разницы. Весь Китай, таким образом, является ареной грабительских, разбойничьих генеральских войн, выхода из которых в условиях помещичье-буржуазной реакции нет и не может быть.

Генеральские войны сопровождаются гигантским ростом военных расходов, становящихся совершенно непосильными для населения и подрывающих экономику страны. В 1907 году китайское правительство расходовало на армию 37 миллионов мексиканских долларов в год. Теперь одни военные расходы превышают ежегодно миллиард долларов; из них значительная доля идет в карман милитаристов, личные накопления которых достигают фантастических цифр (один Чжан-Цзо-Лин награбил не меньше 100 миллионов долларов!). Но к военным расходам надо прибавить такую же, по меньшей мере, сумму, идущую на содержание административного бюрократического аппарата буржуазно-помещичьей власти, и совершенно неподдающееся учету натуральное обложение, точнее, ограбление крестьянства войсками в тех районах, где они располагаются или проходят. А сейчас в Китае нет уголка, где бы, как грибы, не росли новые армии новых и старых милитаристов. В продолжение 15 лет провинция Шаньси, в виде единственного исключения во всем Китае, не знала войн. В 1927 г. дубань этой провинции Ень-Си-Шань вступил в борьбу с Чжан-Цзо-Лином, и теперь Шаньси наводнена стопятидесятитысячной армией и успешно разоряется обеими воюющими сторонами. То же самое, что в Шаньси, происходит даже в таких отдаленных провинциях, как Сычуань, Юнань и т. д.

Некоторые товарищи из наиболее увлекающихся теорией консолидации буржуазно-помещичьего режима в Китае выдвигают в подтверждение этой теории такого рода аргумент: современные войны в Китае носят большей частью, так сказать, *показной*, *мнимый* характер; дело редко доходит до настоящих военных столкновений и кровопролитных сражений и чаще всего ограничивается бескровными маневрами армий; войны, таким образом, происходят на поверхности общественной жизни Китая, не затрагивая ее основ. «Таков уж этот азиатский деспотизм, что на его поверхности беспрерывно происходят громадные сдвиги (перевороты, путчи, военные кампании), но в низах, в деревне ничто не меняется. Такова уж природа азиатского деспотизма, что сдвиги на его поверхности не меняют его социального содержания и в глубинах крестьянства не преобразуют ни социального, ни политического положения». Сие «глубокомысленное» рассуждение надлежит понимать, как доказательство наличия тенденций консолидации буржуазно-помещичьего режима.

Трудно представить себе что-нибудь более вздорное, чем это рассуждение. Если бы даже эта характеристика войн была правильна для современного Китая, она могла бы служить доказательством чего угодно, только не наличия «тенденций консолидации» в лагере буржуазно-помещичьей реакции. Междоусобная борьба, какой бы бескровный характер ни носили войны (на самом деле они носят очень и очень кровавый характер) между милитаристами, ослабляет и дезорганизует реакцию, а не усиливает и не консолидирует ее. Это же ясно, как дважды два четыре. Но дело - то в том, что оценка значения современных войн в приведенном выше рассуждении совершенно неправильна. Маркс, об'ясняя застойный характер *азиатских обществ*, действительно отмечал, что все, даже крупнейшие политические события в этих обществах совершаются на поверхности общественной жизни, не затрагивая основ их социально-экономического уклада. Но ведь Маркс говорил это про азиатские общества того времени, когда они жили еще изолированной жизнью, когда современный капитализм не проник еще в их поры с тем, чтобы взорвать их застойный уклад. В своих «Письмах об Индии» Маркс прямо говорит о *социальной революции*, которую вызвало в Индии проникновение английского капитализма. Как же можно законы *давно минувшей эпохи* переносить на современный Китай, кипящий и бурлящий в котле великой социальной революции? От «азиатского способа производства» в Китае, конечно, остались пережитки, принявшие уродливую форму полуфеодальных отношений, но говорить о застойном характере китайского общества и об его неизменном социально-экономическом укладе, не затрагиваемом общественными бурями, значит— городить величайший вздор. В частности, войны между милитаристами являются в *современном Китае* одним из главных источников гигантских социальных потрясений, революционного возмущения народных масс.

Пора подвести некоторые итоги.

Общие выводы, к которым приводит нас анализ китайской действительности (из этого анализа мы пока сознательно исключили вопрос о формах и силе революционного массового движения) таковы:

1) Ни о какой стабилизации так же, как ни о какой консолидации буржуазно-помещичьей контрреволюции, в Китае не может быть и речи. Этих явлений в Китае нет даже в тенденции. Переход национальной буржуазии в лагерь иностранного капитала и помещичье-милитаристской реакции не сплотил и не укрепил этого лагеря, а *лишь ускорил* процесс его разложения и распада [1]. В политике, не как в арифметике, простое сложение сил не всегда дает большую сумму, не всегда означает их приращение. С точки зрения арифметики силы реакции выросли после того, как на их сторону перешла буржуазия, а силы революционного лагеря соответственно убавились. С точки зрения марксистской диалектики дело обстоит иначе. Вспомним, как отвечал Ленин в 1905 году на вопрос: «Ослабеет ли размах демократической революции, если от нее отшатнется буржуазия»? Ленин говорит: «На самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, *только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху*

---

[1]) *Временно* переход буржуазии на сторону контрреволюции усилил ее лагерь и дезорганизовал ряды массового движения. Но это *временное* явление имело своей причиной не об'ективное соотношение классовых сил, а оппортунистические ошибки руководства китайской компартии. Главным образом благодаря этим ошибкам и вылился раскол национально-революционного фронта не в победу демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а в торжество буржуазно-помещичьей реакции.

буржузно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства на ряду с пролетариатом». Оставляя пока в стороне общий вопрос о том, насколько можно сравнивать настоящий этап китайской революции с русской революцией 1905 года, нельзя, однако, оспаривать того, что пропасть между пролетариатом и буржуазией сегодня в Китае шире и глубже, политические противоречия между ними значительно острее, чем это было в русской революции 1905 года. Китайский пролетариат заключил революционный блок с национальной буржуазией, и это было совершенно правильно до тех пор, пока этот блок не стал препятствием для развертывания и организации сил массового рабоче-крестьянского движения. Но участие национальной буржуазии в революционном движении Китая, а тем более руководящее ее участие, уже с самого начала стало связывать действительные силы китайской революции и не давало им развернуться сколько-нибудь широко. Освободившись от непоследовательного, отстававшего на каждом шагу и тащившего все движение назад союзника, лагерь китайской революции стал сильнее, а не слабее, размах революции увеличился, а не уменьшился и революционная борьба перешла в более высокие и острые формы. Но усилился ли лагерь реакции после перехода в его ряды национальной буржуазии? Нет, не усилился, потому что переход национальной буржуазии увеличил в нем внутренние противоречия и внес в него элементы распада и разложения. В этом вопросе мы целиком согласны с тем, что говорил тов. Бухарин на XV с'езде партии о дроблении, атомизации и загнивании буржуазно-помещичьего лагеря. Консолидация того или иного политического режима возможна лишь на базе сколько-нибудь устойчивых социально-экономических отношений. А мы видели, что никаких элементов стабилизации ни в экономике, ни в социальном укладе Китая нет и не может быть до тех пор, пока власть находится в руках помещиков и буржуазии.

2) В конкретной экономической и политической обстановке Китая, в соотношении сил борющихся классов нет никаких элементов для реформистского, компромиссного разрешения тех общественных противоречий, которые вызвали китайскую революцию. Анализ китайской действительности подтверждает полностью наше положение о том, что из настоящего кризиса Китай может выйти лишь по двум путям: или по пути окончательного и полного превращения в колонию иностранного капитала, или по пути победоносной рабоче-крестьянской революции. Первый путь есть, конечно, путь капиталистического развития Китая, но «развитие» это может быть куплено лишь ценой полного порабощения и разорения китайского народа и ценой дальнейшего упадка страны. Франц Меринг, а вслед за ним и Ленин, называли прусский путь развития капитализма отвратительной оргией. Но то, что готовит империализм Китаю есть в тысячу раз более отвратительная оргия, чем развитие Пруссии в начале и середине XIX столетия. Империализм не прямо и не сразу разрушает докапиталистические отношения в колониях, а мучительно медленно. Он опирается на них, он эксплоатирует их, он через них высасывает кровь и пот трудящегося народа, перегоняемые затем в золото.

Этот путь не исключен, он возможен, но он мало вероятен. Вопрос о нем может решиться борьбою не только в Китае, но и на всей мировой арене. Гораздо более вероятным является путь победоносной рабоче-крестьянской революции.

3) Коммунистический Интернационал всегда рассматривал китайскую революцию, как революцию буржуазно-демократическую с тенденцией перерастания в социалистическую революцию. Эта оценка была совершенно правильна для прошедшей исторической полосы. Теперь она уже недостаточна. Революция уже теперь не может разрешить ни одной из задач буржуазно-демократического переворота без того, чтобы не выйти далеко за его пределы. Основным содержанием революции и на настоящем, как и на прошлом этапе, остаются аграрный переворот и свержение гнета иностранного капитала. Сами по себе, если брать их, абстрагируясь от конкретных особенностей текущей исторической полосы, эти задачи еще не выводят революцию за ее буржуазно-демократические рамки. Но для того, чтобы разрешить эти задачи, пролетариат Китая должен, опираясь на крестьянство, раздавить силой не только сопротивление полуфеодальных докапиталистических эксплоататорских классов Китая, не только сопротивление иностранного капитала, но и сопротивление китайской национальной буржуазии. В этом одно из существенных отличий нового этапа китайской революции от русской буржуазно-демократической революции 1905 года. В «Двух тактиках» Ленин давал такую формулу, определяющую политическое содержание буржуазно-демократической революции:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы силой раздавить сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии».

Задачу подавления силой сопротивления буржуазии Ленин относил к социалистическому перевороту. В Китае пролетариат уже не может ставить перед собой задачи «парализовать неустойчивость буржуазии». Он уже теперь вынужден «силой раздавить ее сопротивление».

Таким образом, по своему политическому содержанию китайская революция уже сегодня выходит за рамки буржуазно-демократического переворота и неизбежно делает первые шаги по пути социалистического переворота. Революционно-демократическая диктатура пролетариата уже с первых шагов неизбежно должна перерастать в социалистическую диктатуру пролетариата. Ведь все политическое содержание последней заключается в свержении господства буржуазии и в подавлении ее сопротивления.

Единственной формой, в которой может совершиться это перерастание демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в социалистическую диктатуру пролетариата, является власть Советов. Именно поэтому и был несвоевременен лозунг Советов тогда, когда на очереди не стоял вопрос о непосредственном перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Вспомним, как решил Коммунистический Интернационал вопрос о лозунге Советов. «При дальнейшем развитии,—говорится в резолюции VIII пленума ИККИ,—знаменующем собою начало перерастания демократической революции в революцию социалистическую необходимо будет создавать Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

Но китайская революция выходит за рамки буржуазно-демократического переворота не только по своему политическому содержанию, но и по своему социально-экономическому содержанию. Советская власть Китая с самого начала вынуждена будет экспроприировать всю крупную собственность не только иностранного капитала, но и национальной китайской буржуазии. Национализация всех фабрик и заводов, всего ведущегося на капиталистических началах речного и морского транспорта, всех банков, крупнейших торговых предприятий, крупных жилищ и т. п. будет совершенно неизбежно первым шагом советского правительства. Если бы даже это не входило в намерения революционной власти, она вынуждена будет на эти меры саботажем и китайской буржуазии и иностран-

ных капиталистов. Конечно, китайские коммунисты не могут задаваться целью «немедленно ввести социализм». Конечно, они не могут добиваться отмены всей частной собственности и всей частной торговли. Рамки для развития капиталистических отношений в Китае, несомненно, будут значительно шире даже при самом радикальном осуществлении экспроприации крупных капиталистов, чем у нас в СССР при нэпе. Конечно, переход к социализму будет для Советского Китая значительно труднее, а путь к нему гораздо более сложен и извилист, чем у нас в Советском Союзе. «Все нации придут к социализму,—писал Ленин еще в 1916 г.,—это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того». Несомненно, путь Советского Китая к социализму будет отличаться особенным своеобразием, делающим его непохожим на путь передовых капиталистических стран. Все это—бесспорные истины. Суть вопроса заключается в том, что Китай не может не вступить на этот путь одновременно с первыми же победоносными шагами революции, сразу же после завоевания трудящимися власти Советов. Социально-экономический смысл революционного переворота, таким образом, уже сегодня заключается в том, что он расчистит общественную почву Китая от остатков азиатского средневековья но не для того, чтобы обеспечить свободное развитие капитализма в стране, а для того, чтобы перевести развитие страны на некапиталистический, социалистический путь

Против этой точки зрения выдвигается ряд возражений. На некоторых из них мы считаем нужным коротко остановиться.

Первое возражение. Те меры, которые советская власть вынуждена будет провести с самого начала (национализация банков, промышленности, транспорта и т. п.), вовсе еще не означают начала социалистической революции; мыслима ведь и мелкобуржуазная национализация средств производства; решает вопрос не это, а политический характер революционной власти: будет ли то в Китае демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, или социалистическая диктатура пролетариата, в этом весь вопрос. Нам представляется, что это возражение не так уж сильно, как оно выглядит. Относительно политического содержания революционной диктатуры в Китае мы уже говорили выше. Что же касается вопроса о возможности «мелкобуржуазной национализации», то теоретически отрицать ее, конечно, нельзя. Но мы утверждаем, что, если национализацию капиталистической промышленности, транспорта, банков и т. д. осуществляет демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, она тем самым неизбежно перерастает в социалистическую диктатуру пролетариата.

Второе возражение. Ленин говорил, что перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию определяется, помимо соответствующих об'ективных условий, мерой силы классовой сознательности и организованности пролетариата. Можно ли считать что китайский пролетариат уже сегодня настолько организован и сознателен, чтобы успешно руководить социалистическим переворотом?

На это мы отвечаем: во-первых, для того, чтобы победить, т.-е увлечь за собой все крестьянство и раздавить сопротивление лагеря буржуазно-помещичьей реакции и иностранного капитала, для того, чтобы завоевать власть Советов, китайский пролетариат должен настолько поднять свою политическую сознательность, настолько усилить свою организованность, что этим уже решится вопрос относительно его сил для начала социалистической революции; во-вторых, ни победить, ни перевести страну на рельсы социалистического развития китайский пролетариат не сможет без самой энергичной и всесторонней поддержки со стороны всего международного рабочего класса, в частности, со стороны рабочих Советского Союза. Нельзя брать изолированно силы китайского пролетариата. Ленин не так ставил вопрос о возможности некапиталистического развития отсталых колониальных стран.

Третье возражение. Нельзя говорить о том, что революция в Китае не носит уже буржуазно-демократического характера; ведь это означало бы признание того, что буржуазно-демократическая революция уже закончена; а между тем ни одна из задач буржуазно-демократического переворота еще не разрешена. И это возражение, на наш взгляд, неправильно.

Ни одна из задач буржуазно-демократического переворота в Китае еще не разрешена. В этом смысле буржуазно-демократическая революция действительно «не закончена».

Но ни одна из этих задач не может быть разрешена, если революция не сделает решительных шагов по пути социалистического переворота. В этом смысле буржуазно-демократический этап китайской революции уже изжит, он принадлежит уже закончившейся исторической полосе. Настоящий этап китайской революции характеризуется тем, что буржуазно-демократическая революция непосредственно перерастает в социалистический переворот. Это перерастание происходит в оригинальной, до сих пор еще нигде не встречавшейся форме. Но разве марксизм зарекается от признания и изучения новых форм исторического процесса? Буржуазная революция, непосредственно перерастающая в социалистический переворот, тем самым теряет свой буржуазный характер. И по форме, и по содержанию, и по составу движущих своих сил она приобретает новое, социалистическое значение.

Тем, кто пытается втиснуть развитие китайской революции в шаблонные теоретические схемы, не мешало бы напомнить слова Гете, которые так любил повторять Ленин:

«Теория, друг мой, сера, но вечно зелено дерево жизни»!

П. Миф.

Спорные вопросы Китайской революции.

Быстрая смена обстановки при исключительном своеобразии китайской революции неизбежно порождает различные оценки переживаемой полосы китайской революции, различные взгляды на тактические задачи китайской коммунистической партии. Вот по поводу этих спорных вопросов нам и хотелось бы обменяться мнениями. При чем мы ни в какой мере не претендуем на дачу исчерпывающих ответов по всем этим вопросам. Мы ставим своей задачей лишь постановку главнейших из них, полагая, что уже обнаженная их постановка будет способствовать правильному разрешению этих вопросов происходящим пленумом Коминтерна.

Китайский вопрос подвергся широкому обсуждению перед пленумом ИККИ на специальных китайских совещаниях, материалы которых и послужат главным образом для настоящей статьи. Предварительно оговариваемся, что очень мало внимания мы уделим разбору той точки зрения, которая, переоценивая консолидацию сил реакции, недооценивая сохранение революционной ситуации, выдвигала задачей борьбу за легальные требования, за демократическое самоуправление и т. д., фактически скатываясь к снятию лозунга советов в Китае. Эта точка зрения, пропитанная в достаточной мере затхлым запахом оппортунизма, не нашла сторонников при предварительном обсуждении китайского вопроса в ИККИ. Поэтому мы преимущественно остановимся на разборе другой системы взглядов, получившей большее распространение, нашедшей значительное количество сторонников и защищаемой с большею настойчивостью. Тем более мы считаем необходимым это сделать, что представители этих взглядов переносят обсуждение спорных вопросов (правда, как позже увидим, в значительно видоизмененных формах) из узких залов ИККИ на страницы «Большевика».

Схематически эти взгляды, которые мы подробнее будем ниже разбирать, можно представить в следующем виде. Тт. исходят из экономического кризиса, переживаемого сейчас Китаем, и констатируют наличие непосредственной революционной ситуации. Поскольку же нет никаких признаков консолидации реакции и поскольку буржуазия никакой политической силы не представляет, то этим снимается возможность какого-либо компромиссного пути и облегчается борьба трудящихся масс. Поэтому товарищи считают, что в Китае мы стоим перед перманентной революцией и неизбежным немедленным восстанием пролетариата и крестьянства. Но так как пролетариату придется бороться против буржуазии, то революция приобретает сразу же социалистический характер.

В следующих строках мы укажем, что мы считаем верным, а что неправильным в этой постановке вопроса. Но мы не можем ограничиться только критическими или полемическими замечаниями. Нам хотелось бы, насколько это возможно, дать цельное представление о новом этапе китайской революции, хотя бы бегло подытожить весь богатейший опыт классовой борьбы и уже попутно останавливаться на спорных вопросах, частью выдвинутых и в статье тов. Л о м и н а д з е.

I. Империализм и китайская революция.

Разрешение всех тактических задач связано с оценкой общего положения, переживаемого Китаем. Так же бесспорно, что «ключ к пониманию характера всякой исторической полосы лежит прежде всего в соотношении классов». Для научного обоснования политики безусловно обязателен учет соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Но было бы абсолютно неверным замыкать наш анализ учетом соотношения классовых сил только китайского общества. Китайская революция—колониальная, антиимпериалистическая революция. Давая оценку теперешней ее полосе, мы не можем умолчать о силах мировой буржуазии, находящихся и вне Китая, а также действующих и внутри Китая.

Китайскую революцию мы рассматриваем как часть мировой пролетарской революции, штурмующей твердыни империализма. Какое же соотношение сил сложилось по этой линии в результате последних событий в Китае? Укрепились ли или ослабли позиции империализма в результате последнего года? Этот вопрос мы не можем обойти, так как для каждого ясно, что именно иностранный капитал является организующей силой всей китайской реакции.

«Относительно слабая китайская буржуазия,—говорится в резолюции VIII пленума ИККИ,—не могла бы создать крупной угрозы для китайских революционных масс, если бы она прямо и косвенно не поддерживалась иностранными интервенционистами. Эти последние концентрируют свою вооруженную силу, блокируют порты, изолируют центры революции, финансируют контрреволюционные армии, пытаются разлагать армию революции, оказывают непрестанное дипломатическое давление, поддерживают буржуазных заговорщиков на территории революционного правительства, организуют саботаж производства, торговли и кредитов со стороны иностранной и туземной буржуазии и т. д., и т. п. Особенно нужно отметить бешеные усилия империалистов, направленные на организацию разгрома рабочих и коммунистов, на подавление крестьянского движения и на изоляцию СССР».

Империализм является вдохновителем и организатором всей китайской реакции. Мы знаем, какие трудности приходится испытывать китайской революции, поскольку она выступает против чрезвычайно мощного, вооруженного до зубов мирового империализма, а силы последнего в Китае, его экономическую и политическую мощь мы скорее были склонны недоучитывать, чем переоценивать. Понятно поэтому, что наш анализ мы должны начать с оценки тех изменений, которые произошли в международных условиях китайской революции. Ведь китайская революция потерпела, хотя кратковременное, но серьезное поражение. Укрепило ли это положение империализма? Дало ли это такой перевес сил иностранного капитала, когда вопрос о непосредственно-революционной ситуации в Китае должен быть снят с порядка дня на ближайшее время.

Даже самый поверхностный анализ приводит нас к выводу, что, несмотря на наше поражение, империализм в целом очень немного выиграл, скорее свои позиции ослабил, еще больше углубил свои противоречия, нисколько не сняв с порядка дня революционной ситуации в Китае.

Обратимся к некоторым материалам. Известно, что внешняя торговля Китая за 1927 год сократилась, по сравнению с предыдущим годом, несколько больше чем на 25%. Опубликованные цифры о сборах морских таможен устанавливают, что в 1927 году таможней было взыскано 9.677.000 фунтов стерлингов против 12.165.000 ф. стерл. за 1926 год. Разница эта еще больше возрастет, если принять во внимание падение цен на серебро за год, примерно, на 10%. Далее, что еще более примечательно, экспорт товаров из Китая остался почти на прошлогоднем уровне; следовательно, снижение

общего оборота внешней торговли идет почти исключительно за счет импорта, за счет ввоза в Китай иностранных товаров, при чем ввоз оборудования несколько превысил прошлогодний, а снижение ввоза преимущественно падает на готовые хлопчатобумажные ткани и другие изделия. Итак, первый вывод, который мы можем сделать, сводится к тому, что, несмотря на претерпеваемые китайской революцией частичные поражения, нисколько не облегчилось положение империализма, нисколько не ослабла проблема рынков для мирового капитала. А проблема рынков, как всем известно, для мирового капитала является наиболее острой и одной из основных проблем в переживаемый нами момент.

Особенно катастрофически это отражается на Англии. Экономическое ее положение очень резко ухудшается. Сжатие китайского рынка для Англии сказывается особенно остро. Правда, частичные поражения революции дали ей возможность вернуть концессию в Ханькоу, принудить нац. прав. к разрыву отношений с СССР. Но это не должно создавать у нас иллюзии об упрочении позиций Англии в Китае. Указанные нами внешнеполитические завоевания покоятся на все более подгнивающей экономической базе. Этим и об'ясняется, что Англия в поисках выхода прибегает к крайним мерам, все громче и настойчивее выдвигая план широкой интервенции в Китае. Уже в самом этом плане следует усматривать не проявление силы, а проявление все большей слабости английского империализма.

Вот почему мы можем считать, что наш основной враг—империализм в целом (и особенно Англия, игравшая главенствующую роль в деле империалистического закабаления Китая), не только не усилил своих позиций в Китае, но еще больше их расшатал и ослабил. Мы можем считать, что международные условия, если брать их в целом, не дают пока основания констатировать усиления, укрепления, роста стабильности иностранного капитала в Китае, на долгие годы отсрочивающего китайскую революцию.

Но этот процесс не идет односторонне. Международные условия китайской революции также поставлены под законы диалектического, противоречивого развития. Если мы в праве считать, что силы империализма в целом (и особенно Англии) идут к упадку, то это не значит, что решительно все империалистические страны катятся в Китае по этой наклонной плоскости. Экономические материалы, и в первую очередь сведения о внешнем торговом обороте, дают нам рост и другой тенденции. Для настоящего года является чрезвычайно характерным, что Америка увеличила свою торговлю с Китаем (кстати сказать, это единственная крупная страна, давшая прирост в торговом обороте за 1927 год) и заняла п е р в о е м е с т о по удельному весу в общем обороте внешней торговли Китая. Если к этому прибавить возрастающее очень заметно вложение американского капитала в японские предприятия и банки, то мы сможем сделать следующие небезынтересные выводы: во-первых, противоречия между американским и японским капиталом, являвшиеся раньше основными на Тихом океане, начали ослабевать, и все настоятельнее сказываются противоречия между Америкой и Японией, с одной стороны, и Англией—с другой; во-вторых, мы стоим перед более активной и агрессивной политикой Америки в Китае, которая (что не исключено) будет и дальше выступать координированно с Японией. Нарастание этой, уже наметившейся тенденции, с одной стороны, свидетельствует о росте противоречий внутри империализма. Но, с другой стороны, нарастание этой тенденции, чем дальше, все больше, будет усложнять революционную борьбу в Китае, создавая вместо дряхлеющей Англии более сильных и полнокровных, более гибких врагов китайской революции.

Под углом зрения этих двух тенденций, нам кажется, и следует подходить к разрешению многих вопросов китайской революции. С одной стороны, мы наблюдаем ослабление империалистических сил, главным образом, сказывающееся на позиции Англии в Китае. Эта тенденция бесспорно облегчает нашу борьбу, усиливает неустойчивость позиции империализма и сохраняет революционную ситуацию. Но мы не должны закрывать глаза на тенденцию обратного порядка, на растущую активность американского капитала на Дальнем Востоке, в том числе и в Китае. В этом отношении поддержка Америкой Чан Кай-Ши является знаменательной. Согласие американского капитала на значительное увеличение таможенных пошлин нанкинским правительством, предоставление займа, предоставление нескольких миллионов долларов за прекращение забастовки на «Б р и т и ш А м е р и к е н Т о б а к о К о м п а н и»,—все эти факты говорят о первых более решительных шагах американского капитала на китайской политической арене. С другой стороны, необходимость для Японии уже сейчас связывать свою империалистическую политику в Китае с интересами Америки, привлечение американского капитала в совместное с Японией железнодорожное дело в Манчжурии, наконец, блок Чан Кай-Ши с Фын Юй-Сяном и пропуск японцами войск Фын Юй-Сяна в провинцию Шаньдун,—все это отражает еще окончательно не оформившуюся, но бесспорно наметившуюся американскую империалистическую тенденцию, выступающую не вопреки, а покачто в согласии с интересами японского капитала.

Политика американского капитала, понятно, будет несколько отличаться от методов английского закабаления Китая. Имея на своей стороне колоссальный экономический перевес, не заинтересованная в такой мере, как Англия, в полном сохранении всех привилегий империалистов, в полном порабощении Китая, Америка, не изменяя сущности империалистической политики, все же внешне сможет обставить свое господство несколько иначе, чем Англия, сможет пойти на некоторые уступочки китайской буржуазии, сможет открыть некоторые клапаны, маленькие отдушины, правда, для мучительно медленного, но все-таки развития капитализма в Китае. Американский капитал, взяв в известной мере на буксир национальную буржуазию (отведя ей, понятно, подчиненную роль), сомкнувшись с зажиточными, верхушечными слоями китайской деревни, может втянуть Китай на «компромиссный» путь, на путь капиталистического развития. Правда, этот путь возможен лишь в обстановке сколько-нибудь длительного поражения революции, но это—вопрос особый, говорящий о вероятности, а не о возможности этого пути. Эта тенденция превращения Китая в колонию американско-японского капитала при главенстве Америки не может означать прекращения капиталистического развития в Китае. Такая тенденция, наоборот, предполагает развитие капитализма в Китае, но мучительно медленное, ценой жесточайшего разорения и вымирания трудящихся масс, и в первую очередь деревенской бедноты и городских кустарей. С другой стороны, эта тенденция не означает сколько-нибудь радикального реформирования китайской экономики, решительной ломки средневековья, разрешения аграрной проблемы, смягчения противоречий, улучшения положения масс и притупления революционной борьбы. Нет. Этот путь будет усиливать, еще более резко обострять противоречия, подымать новые полчища трудящихся Китая на борьбу за советский путь—единственно способный радикально разрешить все противоречия китайского общества и единственно открывающий путь для прогресса и благосостояния масс.

Но тем не менее развитие империалистической тенденции (при главенстве Америки), этот единственно мыслимый для Китая «компромиссный» путь, не исключено. Подобно тов. Л о м и н а д з е от него нельзя просто отмахиваться. «Нет никаких элементов для компромиссного пути в Китае»,—пишет тов. Л о м и н а д з е, хотя несколькими строками ниже поправляет себя, что

этот «путь не исключен, он возможен, но он мало вероятен». В этом вопросе не должно быть путаницы. Нельзя произвольно упрощать этот вопрос.

Тов. Ломинадзе, отрицая возможность компромиссного пути, мотивирует это двумя соображениями: во-первых, тем, что перед Китаем перспектива либо полного превращения в колониальную добычу, либо решительной победы революции. Но ведь превращение Китая в колонию, или укрепление империалистической тенденции, именно и означает единственно возможный компромиссный путь. Во-вторых, тов. Ломинадзе отрицает компромиссный путь ссылкой на Ленина. Ленин «о возможности победы компромиссного пути ставил вопрос лишь тогда, когда этот путь обозначался уже в действительности». Но ведь никто не утверждает возможность победы компромиссного пути в Китае; кроме того, нельзя полагать, что этот путь совершенно не обозначился в действительности. Первые шаги американской империалистической тенденции мы уже наблюдаем. Этих шагов достаточно, чтобы этот путь не исключать. Поэтому мы целиком присоединяемся к мнению тов. Бухарина, высказанному на китайском совещании, что нельзя считать компромиссный путь развития исключенным для Китая. Это неправильная, неленинская постановка вопроса. Надо ставить вопрос так: какой путь победит—компромиссный или революционный, решит лишь борьба. Победу революционного пути нужно считать наиболее вероятной, но это не значит, что компромиссный путь совершенно исключен.

В чем весь смысл спора по этому вопросу, какие политические выводы напрашиваются в результате всей этой постановки вопроса? Выводы следующие. Несмотря на то, что американская тенденция начала только обозначаться, наша борьба в Китае уже сейчас находится в более трудных и усложненных условиях. Несмотря на то, что империализм в целом не добился значительного упрочения своих позиций, мы уже сейчас не можем только со старыми силами вести против него борьбу. Перед нами задача: вовлечь огромнейшие массы, которые раньше пока еще стояли в стороне, мобилизовать значительно больше сил, чем те, которыми мы раньше располагали, готовить значительно большей мощности, чем раньше, натиск на империализм, и на те силы реакции, которые им вдохновляются.

Отрицание возможности компромиссного пути, это—упрощение обстановки; это—теория, как будто снимающая обостреннейшую и ожесточеннейшую борьбу с врагом исключительной силы и мощности. Мы вне конкуренции, враг наш слаб и немощен, победа лежит уже в нашем кармане,—вот к чему неизбежно приводит отрицание компромиссного пути. «Это—революционный фатализм, это—преуменьшение великих опасностей, стоящих в Китае перед партией и перед рабочим классом».—говорил тов. Бухарин. И мы полагаем, что ближайший период в Китае будет заполнен неслыханно напряженной борьбой между советской и империалистической тенденциями при чем успехи американско-империалистического пути не приведут к окончательному торжеству капитализма, а лишь будут обострять борьбу в то время как советская тенденция может достигнуть полной победы. В конечном счете, разумеется, революция, советский путь победит. Но исход борьбы будет решать вопрос о сроках этой победы. Наша задача — победить как можно раньше, приблизить этот «конечный счет», а для этого было бы непростительным недооценивать врага, было бы непростительным отмахиваться от необходимости мобилизовать все силы революции, все силы не только китайских трудящихся масс, но и всего Коммунистического Интернационала для действительно решительного, действительно успешного и победоносного натиска на империализм.

2. Перегруппировка классов.

Что условия борьбы для нас значительно усложнились, что борьба трудящихся масс Китая затруднилась, что силы наших врагов в Китае возросли и что, следовательно, наша атака, наш штурм реакции может быть успешен лишь при условии, что мы выведем в бой бо́льшие силы, чем располагали раньше,—в этом нас убеждает рассмотрение и внутреннего положения Китая, классовая перегруппировка и соотношение классовых сил, сложившиеся внутри китайского общества.

Последний год китайской революции характеризуется генеральной размежовкой всех классов китайского общества. И первое, что должно быть отмечено, это—перебежка национальной буржуазии в лагерь помещичье-милитаристской реакции. Перспективы освободительного движения могут быть нами осознаны лишь после анализа нового фактора китайской общественной жизни, учета буржуазно-помещичьего блока, созданного и направленного на разгром массового движения.

Еще VIII пленум ИККИ указывает, что перебежка буржуазии, ряд буржуазных контрреволюционных переворотов «знаменует собой частичное поражение китайской революции и определенный прирост сил контрреволюционного блока». Иначе на этот вопрос отвечает тов. Ломинадзе: «Ни о какой консолидации буржуазно-помещичьей контрреволюции в Китае не может быть и речи. Этих явлений в Китае нет даже в тенденции. Переход национальной буржуазии в лагерь иностранного капитала и помещичье-милитаристской реакции не сплотил и не укрепил этого лагеря, а лишь ускорил процесс его разложения и распада. В политике, не как в арифметике: простое сложение сил не всегда дает бо́льшую сумму, не всегда означает их приращение. С точки зрения арифметики силы реакции выросли после того, как на их сторону перешла буржуазия, а силы революционного лагеря соответственно убавились. С точки зрения марксистской диалектики дело обстоит иначе». По-нашему, нельзя этот вопрос упрощать и своему революционному нетерпению подчинять марксистский анализ. В самом деле, раньше против империализма и помещичье-милитаристской реакции боролись пролетариат, крестьянство, городская мелкая буржуазия плюс национальная буржуазия. А после измены буржуазии, пролетариат и крестьянство ведут борьбу против об'единенных сил империализма, национальной буржуазии и помещичье-милитаристской реакции. Даже простая арифметика, которой марксисту вовсе нельзя пренебрегать, говорит о приросте сил реакции и об усложнении борьбы для рабочих и крестьян. Но дело не исчерпывается здесь только простой арифметикой. Ведь национальная буржуазия не просто отшатывалась, не просто перебегала в лагерь реакции. Она ведь при всяком своем переходе наносила серьезные удары рабочему и крестьянскому движению. Так, перебежка Чан Кай-ши и Ли Ти-сина в апреле 1927 г. сопровождалась разгромом центров рабоче-крестьянского движения, подавлением масс, дезорганизацией революционных сил, расстройством рядов коммунистической партии. Так было и в Шанхае, и в Кантоне, и в ряде провинций. Измена левого гоминдана вовсе не означала, что буржуазия и крупная, и средняя, и значительные слои городской мелкой буржуазии просто покинули лагерь революции, приговаривая: «Братцы, рабочие и крестьяне! Мы уходим от вас, а вы сами как-нибудь развивайте революцию. Мы же со стороны будем за вами наблюдать». Этот далеко не арифметический переход национальной буржуазии не позволяет нам играть словами, не позволяет недооценивать сил наших врагов и размеров нашего поражения. Только тщательно изучив опыт, использовав уроки поражения, мы можем подготовить успешное и победоносное выступление трудящихся масс.

Никто, конечно, не отрицает, что участие буржуазии в революции сдерживало ее размах, что в результате ее отхода мы имеем неизмеримо более революционный блок пролетариата и крестьянства. Никто, конечно, не отрицал, что помещичье-буржуазный блок обостряет еще больше борьбу, подымает новые массы трудящихся Китая и со своей стороны способствует сплочению сил революции. Никто, наконец, не утверждает, что лагерь реакции (включающий империалистов, буржуазию и помещиков) стал более монолитным. Понятно, не в этом спор. Товарищи, которые переносят этот вопрос в эту плоскость, только замазывают разногласия. Спорным вопросом является вопрос, имеем ли мы усиление лагеря реакции по сравнению с прошлым, труднее ли сейчас нам бороться против об'единенных сил реакции, чем раньше. Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно.

Тов. Ломинадзе смущает, как же тогда можно говорить о дроблении буржуазно-помещичьего блока. Это как будто бы противоречит понятию консолидации и укрепления реакции. На самом деле в этом нет ничего удивительного. Перед лицом растущей рабоче-крестьянской революции, реакция выступает об'единенными силами, сообща она громит рабоче-крестьянское движение. Но реакция не монолитна. Перед лицом других задач сказываются классовые и милитаристические интересы отдельных разноречивых элементов реакции. Организующая сила реакции—империализм. Но ведь и империализм — не однородное тело. Разные империалистические страны сплачивают реакцию, когда им угрожает колониальная революция, но вместе с тем они стремятся сохранить свои особые позиции. Этим об'ясняется в частности военно-политическая обстановка, сложившаяся сейчас в Китае.

С одной стороны, на политической арене действует так называемая гуансийская группировка (Бай Сун-чи и Ли Ти-син), которая связана с английским капиталом и представляет преимущественно интересы крупной торговой, компрадорской буржуазии и китайских помещиков. С другой стороны, мы имеем блок Чан Кай-ши и Фын Юй-сяна, связанный с американским и японским капиталом и представляющий главным образом интересы промышленно-капиталистических кругов Китая. Не только не исключена, а, наоборот, вполне вероятна острая борьба между этими двумя группами за сферы влияния. И чем слабее будет сказываться и угрожать опасность революции, тем резче будут выступать наружу противоречия между этими милитаристическими группировками. Но чем сильнее будет развиваться революция, тем дальше (на второй план) будут отходить их противоречия, тем более об'единенно будут выступать силы реакции против революционных масс. Этого недоучитывать нельзя. Нельзя считать, что дорога революции в Китае усеяна розами, что у врагов китайской революции полный развал, загнивание и что китайский пролетариат шапками их может закидать.

А тов. Ломинадзе во всей своей статье именно и пытается доказать, что дело революции в Китае—очень простая, несложная вещь. На 20 страницах он вращается вокруг вопроса о китайской буржуазии, всячески ее разоружая и доказывая, что она никакой политической силы не представляет, что она еще не оформилась даже как класс.

Эта теория не нова. Напрасно тов. Ломинадзе иронизирует над тов. Лозовским, удивляясь, что тов. Лозовский только в Китае услышал эту теорию, когда фактически, мол, этой теории придерживался Коминтерн. Это неверно. Коминтерн никогда не отрицал наличия буржуазии в Китае, а констатировал ее относительную слабость, ее революционную непоследовательность, предсказывая неизбежный переход ее на сторону реакции. А вот в Китае существовала совершенно другая теория, о которой упоминал тов. Лозовский и которую полагалось бы знать и тов. Ломинадзе. Теория эта целиком отрицала существование китайской буржуазии и говорила о «естественной роли» гегемонии пролетариата. Буржуазии в Китае нет, бороться за гегемонию пролетариату не с кем. Пролетариат «естественно» будет гегемоном. Надо только выждать, когда история к этому нас подведет. Эта теория, принадлежащая тов. Чен Ду-сю и тов. Пын Шу-чжи, т. е двум прежним фактическим руководителям китайской коммунистической партии и вдохновителям всей правой оппортунистической линии прежнего руководства, была не случайна. Она притупляла борьбу, затушевывала классовые противоречия внутри революционного лагеря и приводила к тому, что эта «несуществующая» буржуазия (которая была умнее уже тем, что знала, что она существует) главенствовала в революционном движении. Именно эта теория лежит в основе всех оппортунистических ошибок прежнего руководства киткомпартии. В Кантоне нет буржуазии—поэтому руководители компартии не готовили массы к борьбе, а бросали лозунг нейтрализации Ли Ти-сина. В Шанхае нет буржуазии—уж не потому ли руководители компартии не подымали масс на борьбу против наметившегося реакционного переворота Чан Кай-ши в полной уверенности, что Чан Кай-ши не выступит против масс и тем более не отнимет у них оружия. Эта недооценка как наличия буржуазии, так и ее сил, ее контрреволюционности приводила к бесчисленным поражениям революции даже там, где соотношение сил было далеко не в пользу реакции.

Своим выступлением на XV с'езде с той же теорией тов. Ломинадзе протянул руку бывшему оппортунистическому руководству. «Буржуазия в Китае,—говорил тов. Ломинадзе,—оказалась совершенно незрелым выкидышем истории. Достаточно было ей отойти от единого революционного фронта, достаточно было ей перейти в лагерь контрреволюционеров, как она сама распалась и не представляет единой политической силы ни в какой мере. Ее отдельные группы и группировки находятся под пятой, под командой отдельных милитаристов». И дальше на вопрос тов. Сталина — «А что осталось от буржуазии?», Ломинадзе отвечает: «От буржуазии остались отдельные буржуа».

Позже, в последующих документах и выступлениях тов. Ломинадзе, не отказываясь по существу от этой точки зрения, пытается лишь ее завуалировать звонкими, ничего не говорящими фразами. И в своем докладе, и в заключительном слове, как и в вышенапечатанной статье, тов. Ломинадзе кружится вокруг этого вопроса не решаясь обнажить, внести ясность в этот вопрос, а лишь замаскировывает свою точку зрения Вместе с тем, этот вопрос имеет очень большое значение. Вся его статья пересыпана утверждениями, что «буржуазия вынуждена была капитулировать», что «она является самым незрелым и запоздалым классом китайского общества», что «она не успела еще фиксироваться как самостоятельный класс китайского общества», что «ее капитуляция означала величайшее историческое банкротство национальной буржуазии, обрекающее ее на социально-политическое вырождение и загнивание», что «победа буржуазно-помещичьей контрреволюции была в то же время историческим поражением для самой национальной буржуазии, поражением, отрезывающим ей всякие пути дальнейшего развития», наконец, что «роль ее, как самостоятельной политической силы, становится все меньше и в лагере реакции и во всей общественной жизни Китая», что «ни тени самостоятельности у китайской буржуазии не осталось».

Так за стеной всех этих определений тов. Ломинадзе пытается смягчить и подправить свою точку зрения по этому чрезвычайно важному вопросу, только в одном месте, да и то в примечании, как бы вскользь говорит, что по вопросу о буржуазии он «и в настоящей статье защищает

ту же самую точку зрения, что и в речи на с'езде». Это дает нам право подвергнуть разбору взгляд тов. *Ломинадзе* на китайскую буржуазию, как он выражен был им на XV с'езде.

«Революция застала китайскую буржуазию на такой ступени развития, когда она не успела еще фиксироваться как самостоятельный класс китайского общества». Нас несколько удивляет это бездоказательное утверждение. Тов. *Ломинадзе*, очевидно, не склонен отрицать участие национальной китайской буржуазии в революции. А это участие становится для нас непонятным, если отрицать ее наличие, как класса. Ведь в революцию буржуазия не была втянута бессознательно, на поводу других общественных сил. Ведь в революции она принимала не простое участие, а играла руководящую роль, не только не уступая гегемонии пролетариату, но отсекая пролетариат все время, как опасного конкурента. Вспомните реакционный переворот 20 марта 1926 года в Кантоне. Наконец, буржуазия, не потеряв свою классовую голову, непонятно почему пошла на блок с помещиками. Ведь у нас в России во время и после революции 1905 года буржуазия переметнулась под крылышко помещичьего самодержавия. Однако, Ленин не усматривал в этом политической смерти русской буржуазии. Ленин писал: «Либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с поместным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно так, что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, отнюдь не уничтожение его. Лучше самое медленное, даже незаметно медленное реформирование чем уничтожение, — так рассуждает подавляющее большинство либеральных буржуа, — и при *данном* экономическом и политическом положении России этот класс рассуждать иначе *не может*». (Ленин, XI том, 2 ч., стр. 470).

В другом месте Ленин писал, что «либерал боится движения масс, тормозит его и *сознательно* защищает известные при том главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих». (Леин, т. XII, ч. 1, стр. 121)

Как видно из приведенных нами цитат, Ленин вовсе не усматривал, подобно тов. *Ломинадзе*, политическую смерть буржуазии из одного только факта перебежки ее в лагерь помещичьей контрреволюции. Наоборот, Ленин именно в этом видел проявление сознательной политики класса, который в интересах именно своего класса поступал подобным образом. И в Китае переход буржуазии на сторону контрреволюции лишь подтверждает ее классовую прозорливость. Будучи не в силах сама справиться с нарастающей революцией, буржуазия отдала защиту своих интересов и своих привилегий об'единенному блоку помещиков и милитаристов. Этим она облегчала задачу разгрома массового движения, представляющего для нее неизмеримо бо́льшую опасность, чем сохранение империалистической кабалы и средневековья в Китае.

Снимая с политических счетов китайскую буржуазию, тов. *Ломинадзе* совершает уже ту ошибку, что недооценивает всех трудностей предстоящей революционной борьбы в Китае. И если раньше такая теория приводила к скатыванию коммунистической партии в оппортунистическое болото, то теперь она может привести к маленьким наскокам с недостаточными силами, вместо мощного организованного натиска трудящихся на реакцию.

Упрощенство тов. *Ломинадзе* в этом вопросе не дает ему возможности поставить правильно и такой вопрос, как вопрос об *использовании противоречий* в лагере реакции. Не лишне вспомнить, что писал по поводу этой проблемы Ленин:

«Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, самом заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, —так и всякой, хотя бы малейшей возможности получить себе массового союзника, пусть также временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще*. Кто не доказал *практически*, на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях, своего уменья применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплоатации. И сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом» (Ленин, т. XVII, стр. 159).

Ленинская тактика требует от нас использования всяких противоречий в лагере реакции и в рядах буржуазии, требует от нас не только нестирания классовых граней в действующих об'единенных силах реакции, но, с другой стороны, требует величайшего, максимального напряжения наших сил для победы над более могущественным врагом. Этой задаче противоречит теория, отрицающая наличие буржуазии, отрицающая всякий ее политический вес, ее силы и ее известную, весьма относительную, самостоятельность. Тем более опасна эта теория для Китая, где мы сталкиваемся с серьезнейшим противником и где перед нами стоит задача поднять к борьбе новые многомиллионные массы трудящихся, стоящих пока в стороне, взрыхлить новые пласты революционной энергии, перетянуть на столбовую дорогу революции значительные кадры городской бедноты, люмпенпролетариата, крестьянства, еще в подавляющем большинстве сохраняющих нейтральное положение, либо частично находящихся под влиянием буржуазии. На XV с'езде нам приходилось уже выдвигать эту задачу, которая вызвала со стороны тов. *Ломинадзе* непростительное искажение и непонятную критику. Мы констатировали тогда, что еще широкие массы люмпенпролетариата, городской мелкой буржуазии, городской бедноты и значительные прослойки китайского крестьянства не втянуты в революцию, что они частью находятся под влиянием буржуазных элементов, и что наша задача—изолировать буржуазию от этих близких пролетариату социальных сил, что наша задача—завоевать на свою сторону, поднять под руководством пролетариата широчайшие массы трудящихся. Опыт революционного движения в Китае полностью подтверждает нашу мысль. Миллионы люмпенпролетариев находятся на службе у буржуазии и помещиков, составляют наемную армию, с помощью которой реакция громит наши силы. Буржуазии удается вести за собой еще очень значительные кадры городской мелкой буржуазии и городской бедноты. Больше того, даже в рядах пролетариата сказывается ее влияние. Лоянские рабочие на коленях выслушивают речь Фын Юй-сяна. Тысяча кантонских механиков с оружием в руках выступает против советского Кантона. Все это является далеко еще, к сожалению, не единичным подтверждением нашей мысли. Мы были свидетелями, как по указке китайской буржуазии началась и закончилась забастовка на английско-американской табачной компании. Да и все далеко еще не изжитые оппортунистические ошибки киткомпартии свидетельствуют о буржуазном влиянии даже на коммунистический авангард китайского пролетариата. Наконец, тот факт, что революционная коммунистическая армия во время своего похода из Нанчана в Сватоу, проделав тысячеверстный путь, во всех деревнях находила лишь заброшенные дома и больных стариков и старух, тот факт, что реакционным элементам

удалось представить китайскому крестьянству коммунистическую армию как некое чудовище, от которого крестьяне в ужасе разбегались, говорит нам, что перед нами еще непочатый край революционной работы: прояснения сознания трудящихся масс, отрыва социально близких нам элементов от влияния реакции, мобилизации действительно широчайших масс для революционных битв.

От этой задачи колоссальнейшей важности тов. Ломинадзе отмахивается с присущим ему опять-таки упрощенством. Тов. Ломинадзе приписывает мне тот взгляд, что будто бы я считаю, что еще продолжается борьба за гегемонию в революции между пролетариатом и буржуазией, и поучает меня, что буржуазия стала контрреволюционной, и что эта борьба за гегемонию характеризовала прежний этап китайской революции. Исказив мою мысль, он без особого труда доказывает мое искажение революционной действительности. На самом деле, у меня шла речь не о беззаветной борьбе с буржуазией за гегемонию пролетариата в революции, а о беззаветной борьбе за руководство пролетариатом широчайшими массами трудящихся, социально-близкими нам элементами, в значительной мере стоящими в стороне пока еще от революционной борьбы, либо частично находящимися под влиянием буржуазно-помещичьего блока.

И тот самый факт, что тов. Ломинадзе эту задачу замял, скомкал и отделался лишь ироническими замечаниями, а не выдвинул со всей кричащей настойчивостью, является чрезвычайно показательным. Коммунистическому Интернационалу совершенно понятно, что буржуазия в Китае стала антинациональным фактором, что она не только не способна продолжать борьбу за национальную независимость Китая, но что она полностью и целиком предала национальные интересы мировому империализму. Но если это понятно нам, то это далеко не значит, что широчайшие массы трудящихся Китая полностью осознают изменническую роль китайской буржуазии и ни в какой мере и ни в каких формах не поддаются влиянию буржуазии. Смешно было бы полагать, что буржуазия, отказываясь на деле, откажется на словах от националистической пропаганды, от использования этого канала своего влияния на массы. Достаточно указать, что борьба против СССР проводится под лозунгом «Борьбы против советского империализма». Достаточно указать, что все контрреволюционные перевороты и наскоки на компартию проводятся под лозунгами борьбы против изменников национальной революции, под лозунгами сунятсеновского национализма и гоминдановской программы независимости Китая. Понятно, что между жизнью и этими лозунгами — пропасть. Но это понятно нам, но далеко еще не понятно всем тем элементам, без участия которых революция не победит.

Тов. Ломинадзе приводят в замешательство слова Чан Кай-ши или другого контрреволюционного прохвоста, брошенные ими для внешнего обращения, о том, что нанкинские заправилы не будут продолжать старыми методами борьбы против господства иностранного капитала. В этом тов. Ломинадзе склонен усмотреть отказ китайской национальной буржуазии от политики воздействия на массы с помощью националистической пропаганды. Было бы детски наивным так упрощенно представлять себе положение. Китайская буржуазия вывеской демократизма обманывала и будет обманывать массы в целях борьбы с подлинно революционным освободительным движением. Наша задача—сделать это ясным для всех близких нам социальных элементов, разоблачать хитрое политиканство буржуазии, срывать с нее маску мнимого национализма, этим самым привлекая в лагерь революции новые толщи трудящихся масс.

На этом мы кончим по вопросу о буржуазии. Подведем итоги анализу соотношения классовых сил, сложившегося к настоящему времени в Китае. Совершенно бесспорно, что последний год революции поднял на борьбу, организовал и революционизировал огромные массы рабочих и крестьян. Также бесспорно, что эти массы получили блестящий урок революционной тактики и революционной борьбы. Но на ряду с этими достижениями, на ряду с огромнейшими завоеваниями трудящихся масс в результате истекших месяцев революции мы обязаны отметить и очень существенные прорехи, являющиеся в результате частичных поражений революции, обязаны отметить известный рост сил реакции, известную консолидацию контрреволюционного лагеря. Учитывая этот двусторонний процесс, мы не можем не притти к выводу о необходимости активнейшей работы коммунистического авангарда китайского пролетариата в деле умножения своих сил, подтягивания резервов, привлечения новых бойцов в ряды передовых шеренг, атакующих позиции китайской реакции.

3. О теории перманентной революции.

Мы переходим к одному из наиболее серьезных вопросов: к оценке современной ситуации в Китае. Экономический кризис буквально раздирает китайское сельское хозяйство. Жесточайшую депрессию переживает китайская промышленность. Финансовый паралич сказывается с каждым днем все сильнее. Транспорт и особенно железные дороги почти бездействуют. Гражданская борьба, как и милитаристические войны, еще больше обостряет кризис всей экономической жизни в Китае. Буржуазно-помещичий блок не вносит пока-что никакого оздоровления, а еще большее расстройство в экономику Китая. Пульс политической жизни продолжает напряженно биться. Классовая борьба рабочих и крестьян, несмотря на все поражения, не ослабевает, продолжая выливаться то в том, то в другом месте в открытые вооруженные столкновения. Борьба продолжается. Взрывы революционной борьбы продолжают все напряженней проявляться. Все это заставляет нас считать, что в ряде главнейших провинций Китая, в провинциях наибольшего размаха революционного движения, сохраняется непосредственно революционная ситуация. Поэтому вопрос о характере нарастающей революции в Китае имеет для нас далеко не академический характер, так как от решения этого вопроса зависит намечение задач революции, основных лозунгов, основной линии во всей нашей тактике.

Ноябрьский пленум Центрального Комитета китайской коммунистической партии констатирует неизбежность перманентной революции в Китае. Этот термин любовно подхватывает тов. Ломинадзе в своих выступлениях на китайских совещаниях при ИККИ. Понятно, что термин перманентной революции, выдвинутый еще Марксом, не имеет ничего общего с троцкистской интерпретацией этой теории. Но, с другой стороны, именно учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую является единственно правильным развитием, единственно верной конкретизацией теории Маркса для тех стран, которые стоят перед необходимостью уничтожения средневековых пережитков и феодальных институтов в эпоху общего краха капитализма. Поэтому нас несколько поразило, когда товарищ Ломинадзе вопрос о перерастании революции применительно к Китаю заменяет более общей постановкой — теорией перманентной революции. Ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции является более острым оружием в руках революционных тактиков. Оно дает ясное понимание характера и задач различных этапов революции, оно дает ключ к правильной классово-выдержанной политике. Выдвигая сейчас теорию перманентной революции, мы как бы делаем шаг назад в деле теоретического осмысливания китайской революции. Понятно, что наш выигрыш в данном случае не велик. А если

принять во внимание, что наша предыдущая борьба с троцкизмом в основном велась против троцкистской перманентной теории и что с этим термином связана долголетняя наша внутрипартийная борьба, то казалось бы, что без особой нужды не стоит щеголять этой терминологией. Но мы очень скоро получаем разгадку в вопросе о том, зачем товарищам понадобилось заменить ленинское учение о перерастании более общей постановкой о перманентной революции. Эта более общая постановка вопроса о революции дает товарищам бо́льшую свободу в их теоретических построениях. А эта «свобода» приводит их к выводу о том, что буржуазно-демократический этап в Китае завершен, что революция в Китае уже переросла буржуазно-демократический этап и что мы уже стоим в Китае перед революцией социалистического характера.

Об этом, как и по другим вопросам, в несколько замаскированном виде, пишет тов. Ломинадзе и в своей статье. «Таким образом, по своему политическому содержанию китайская революция уже сегодня выходит за рамки буржуазно-демократического переворота и неизбежно делает первые шаги по пути социалистического переворота». Более точно и более обнаженно эта точка зрения была высказана на китайских совещаниях ИККИ. Там говорилось, что китайская революция уже переросла буржуазно-демократический этап, что она уже сейчас приобрела социалистический характер. «Теперь, — говорилось там, — мы имеем дело с рабоче-крестьянской революцией, которую, если ставить вопрос о ее форме, о содержании и о классовых движущих силах, ни в коем случае нельзя назвать буржуазно-демократической». И дальше: «Революция в Китае сейчас уже не носит буржуазно-демократического характера». В этом вопросе погрешности против ленинизма сказываются особенно выпукло, и нам не трудно будет показать как неверность этой точки зрения, так и противоречия, в которые с неизбежностью впадают авторы этих взглядов.

Устанавливая отличие буржуазно-демократической от социалистической революции, Ленин писал, что «именно большевики строго учили различие буржуазно-демократической революции от социалистической: доведя до конца первую, они открывали дверь для перехода ко второй. Это — единственно революционная и единственно марксистская политика».

Бесчисленное количество раз Ленин устанавливал отличие одной от другой. «В союзе пролетариата с крестьянством вообще и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе весь полупролетариат (всех эксплоатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство, ниспровергает буржуазию: в этом состоит социалистическая революция в отличие от буржуазно-демократической». (Ленин, т. XV, стр. 504).

Мы видим, что Ленин решающее значение, при установлении отличительных признаков этих двух революций, придавал вопросу о крестьянстве. «Да, революция наша буржуазная, пока мы идем вместе с крестьянством, как целым». А как же на этот вопрос отвечает тов. Ломинадзе, устанавливающий уже социалистический характер китайской революции? В одном из ответственных документов он пишет, что «капиталистическая прослойка крестьянства не проявляет себя еще, как активно контрреволюционная сила», что «крестьянское движение пока направлено в первую очередь против помещика, джентри, милитаристов и ростовщика», и что, «крестьянство выступает в революции еще, как политическое целое». Это несоответствие взглядов на крестьянство и на характер революции достаточно бьет против попыток пересмотреть прежние решения Коминтерна о характере и о задачах китайской революции, базирующиеся на ленинском учении о перерастании.

Тов. Ломинадзе попадает и в другое противоречие, когда в своей статье пишет, что «единственной формой, в которой может совершиться перерастание демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в социалистическую диктатуру пролетариата, является власть советов». Это совершенно верное утверждение, в корне противоречит утверждениям тов. Ломинадзе о том, что революция уже переросла в Китае в социалистическую. В Китае нет еще власти советов, этой единственной формы, в которой может совершиться перерастание демократического этапа в социалистический. Как же можно соглашаться с тов. Ломинадзе, что это перерастание уже произошло? Ленин писал, что «Советы, между прочим, потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, об'единяя и втягивая в политику массу рабочих и крестьян, они дают самый близкий к «народу», самый чуткий барометр развития и роста политической, классовой зрелости масс». (Ленин, т. XV, стр. 509). Вот почему только создание советов даст возможность практического осуществления перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. А между буржуазно-демократической и социалистической революцией нельзя поставить искусственную китайскую стену, учил нас Ленин,—«отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени об'единения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом». Именно потому, что советы в Китае втянут в политику массу рабочих и крестьян, мобилизуют все силы революции, они этим самым создадут предпосылки для успешного перерастания демократической и окончательного торжества социалистической революции.

Вся теория Ломинадзе построена на том, что нам нельзя ограничиться задачей только парализовать неустойчивость буржуазии и что мы вынуждены с первых же шагов подавлять ее сопротивление. Но вопрос заключается не в этом. Выдвигая перспективу некапиталистического развития Китая, Коминтерн не выдвигает перед китайской революцией на первый план с первых же шагов задачу ниспровергать капитализм в Китае. А если бы действительно буржуазно-демократический этап был в Китае уже завершен, то лозунги ниспровержения капитализма должны были бы быть выставлены и вокруг них нужно было бы об'единять колонны трудящихся масс, борющихся в рядах китайской революции.

Вот почему мы не видим никаких оснований для пересмотра прежних решений пленумов ИККИ, устанавливающих, что китайская революция носит на первом этапе буржуазно-демократический характер и имеет тенденцию перерастания в революцию социалистическую [1]).

---

[1]) Кстати сказать, тут же укажем на недопустимое кружение т. Ломинадзе в этом вопросе на первой же странице своей статьи. Начав с того, что «Коминтерн в основном верно определил общие задачи, характер и тенденции развития китайской революции», что правильность основных оценок и решений Коминтерна подтверждена всем ходом китайской революции, т. Ломинадзе несколькими строками ниже заявляет, что «новый этап китайской революции ставит по новому, иначе, чем раньше, не только тактические задачи, но и такие общие проблемы, как напр., вопрос о характере и перспективах китайской революции».

Именно поэтому мы считаем, что на ближайшем этапе основным содержанием революции, главнейшими ее лозунгами должно быть: уничтожение империалистической кабалы, конфискация земли и установление советской власти. Эти лозунги не означают отказа от борьбы на следующем этапе за ниспровержение капитализма. Конечно, нет. И только борьба, сегодняшняя и последующая, решит, насколько нам удастся продвинуться вперед к революции социалистической.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Кармалитов.

К вопросу о методе анализа расслоения советской деревни.

(А. ГАЙСТЕР—«Расслоение советской деревни»).

I.

Вопрос о расслоении деревни есть вопрос о классовой ее сущности. Нигде, может быть, не требуется такого четкого применения правильных методологических приемов, как в анализе социального лица деревни. Все споры, которые происходили (происходят и теперь) по вопросу о характере развитин сельского хозяйства, упираются в споры о методологических приемах анализа. Статистические данные, которыми пользуются противники и сторонники Маркса—Ленина, без правильного методологического подхода к ним ничего не дают. На основании одних и тех же данных, при неодинаковой комбинации, приходят к совершенно разным выводам. Поэтому вопрос расслоения деревни есть вопрос методологии анализа, есть вопрос о приемах, при помощи которых вскрываются процессы, происходящие в сельском хозяйстве.

В нашей литературе очень много уделяется внимания сельскому хозяйству. Но приемы, применяемые как в статистике, так и при анализе статистических данных, страдают очень большими дефектами. Неверные методологические приемы в анализе советской деревни приводят очень часто к неверным экономическим выводам, а на основе неверных выводов строится неверная политическая линия.

Несмотря на то огромнейшее значение, которое имеет правильный подход в анализе процессов, происходящих в сельском хозяйстве, вопросам анализа, вопросам методологических приемов, в нашей литературе уделяется незаслуженно малое внимание. Во всей полноте этот вопрос впервые был поставлен Крицманом, но широкого обсуждения, я уже не говорю о широком применении предлагаемых тов. Крицманом методов анализа, в нашей литературе не последовало. Блестящие образцы правильных приемов при анализе деревни даны Лениным. Но эта сторона ленинизма меньше всего как исследована, так и усвоена. Благодаря важности вопроса следует остановиться на тех приемах, которыми пользовался Ленин при анализе к а п и т а л и с т и ч е с к о й деревни. Тем более следует на этом вопросе остановиться подробно потому, что данный вопрос широко не трактовался в нашей литературе, а с другой стороны, еще и потому, что мы не согласны с теми приемами анализа, которыми пользовался тов. Гайстер в разбираемой нами книге, книге в общем довольно ценной и довольно интересной.

II.

Благодаря целому ряду условий капитализм в земледелии прокладывает себе дорогу не так, как это наблюдается в промышленности. Если мы возьмем развитие капитализма в крупной городской промышленности, то в начале своего шествия этот капитализм застает главным образом мелкое

производство с низкими производительными силами. Концентрация производства и отделение работников от их средств производства происходят в предистории капитала, в период первоначального капиталистического накопления. Дальнейший процесс идет таким путем, что борьба между отдельными самостоятельными товаропроизводителями приводит к победе более сильных. Победа дает возможность укрупнять капитал в форме более могучих средств производства, которые одни и могут дать победу в конкурентной борьбе. Таким образом, промышленный капитал приводит к конкуренции и централизации орудий и средств производства в одних руках и гибели хозяйств с более низкими производительными силами. Такова общая тенденция промышленного капитала.

Если же взять условия развития капитализма в земледелии, то здесь в начале его исходного пункта этот капитал наталкивается на совершенно иные отношения, чем те, с которыми приходится сталкиваться промышленному капиталу. «Вспомните,—говорит Ленин,—«Капитал» Маркса. Вы найдете там указание на чрезвычайное разнообразие форм землевладения—феодальное, клановое, общинное (добавим, примитивно-захватное) государственное и проч., которые застает капитал при своем появлении на историческую сцену [1]).

Вот эти разные формы землевладения сельскохозяйственному капиталу приходится перестраивать по-своему. Одни из этих форм он охватывает при помощи дробления, как, например, крупные феодальные латифундии, другие формы землевладения он завоевывает при помощи разорения «трудовых производителей земли» и концентрации земли в одних руках, в форме ли простой скупки, в форме ли аренды—безразлично, третьи формы он просто дробит на ряд мелких самостоятельных товаропроизводителей, которых и можно только втянуть в орбиту торгового земледелия таким дроблением. «Процесс роста и победы капитализма во всех этих случаях однороден, но не одинаков по форме» (там же).

Земледельческому капиталу приходится завоевывать натуральное хозяйство, которое благодаря отсутствию общественного разделения труда развивалось разносторонне. Это приводило к тому, что в одном хозяйстве выполнялся целый ряд функций, которые могли бы полностью удовлетворить потребности производителей. Такая особенность натурального хозяйства имеет большое влияние на формы земледельческого капитала. Капитал в земледелии не просто завоевывает натуральное хозяйство, целиком перестраивая его на товарные рельсы, а завоевывает очень часто только одну сторону этого хозяйства, делает капиталистической только одну функцию, приспосабливая остальные к ней, иногда даже в натуральной форме. «Земледелие,—говорит Ленин,—становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет в одной местности одну, в другой—другую сторону сложного земледельческого хозяйства, при чем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к главной, т.-е. денежной стороне. Например, в одной местности складывается торговое зерновое хозяйство; главным продуктом, производимым на продажу, является зерно. Скотоводство играет подчиненную роль... В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоводческое хозяйство, главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты. Часто земледельческое хозяйство приспособляется к скотоводчеству» [2]). В другом месте: «Капитализм подчиняет себе одни из продуктов сельского хозяйства, и к этому главному продукту приноравливаются все остальные стороны хозяйства» [3]). Такой

[1]) Ленин, т. IX, стр. 222.
[2]) Ленин, т. IX, стр. 652.
[3]) Ленин, т. III, стр. 210

процесс проникновения капитала в земледелие приводит к его специализации, от чего зависят как сами размеры этого хозяйства, так и способы его организации. Специализация же земледелия, возникающая на основе рыночных отношений становится условием интенсификации. Благодаря техническим особенностям земледелия при росте интенсификации происходит дробление крупных хозяйств на ряд мелких. Но само дробление, вызываемое интенсификацией, не означает превращение крупных хозяйств в хозяйства «трудовые». Наоборот, это показывает на процесс капитализации сельского хозяйства. «Как переход от простого хищнического производства,—говорит Каутский,—к планомерному хлебопашеству, рассчитанному на продолжительное сохранение плодородия почвы, так и вытеснение земледелием экстенсивного выгонного хозяйства развивает тенденцию к уменьшению средних размеров имений, при сохранении или даже возрастании величины предприятий» [1]).

Таким образом, развитие капитализма в земледелии характеризуется вытеснением более крупных имений более мелкими по площади земли, но более высокими по интенсификации.

Процесс капиталистического развития в промышленности приводит к разорению мелких товаропроизводителей, их экспроприации, отделению работника от средств производства. И чем дальше идет этот процесс, тем все меньше и меньше остается самостоятельных мелких товаропроизводителей, которые, разоряясь, пополняют кадры пролетариата. Границ такому разорению в промышленности, при господстве капиталистического способа производства, нет.

Если же взять условия развития капитализма в земледелии, то здесь картина другая. Крупные капиталистические хозяйства в земледелии, крупные не по площади земли, а по величине капитала, вытесняют мелкие и в земледелии. Но это вытеснение мелких имеет свои границы. Такими границами в земледелии выступает сел.-хоз. пролетариат. Разорение мелких земледельцев в деревне приводит к тому, что главная их масса движется в город, пополняя кадры промышленного пролетариата. На определенной ступени разорения мелких производителей в деревне крупные капиталистические хозяйства становятся перед фактом отсутствия рабочей силы. Для того, чтобы остановить процесс перелива рабочей силы из деревни в город, капитал, занятый в земледелии ищет путей прикрепления работников земли к месту жительства. Путами, удерживающими перелив, выступают мелкие земельные участки, так что иногда землевладельцы, земельные капиталисты, заинтересованы в насаждении мелкой собственности. Маленький участок земли, становящийся собственностью работника, но не могущий удовлетворить потребностей его самого и его семьи, служит для землевладельцев-капиталистов двум целям: с одной стороны, он прикрепляет работника к данной территории, с другой стороны, заставляет такого «собственника» продавать свою рабочую силу.

Так что в земледелии мы видим два как бы диаметрально противоположных процесса: с одной стороны, крупное производство вытесняет мелкое, с другой стороны, мелкое вытесняет крупное. Фактически оба эти процесса есть не что иное, как формы развития капитала в земледелии. «Но, как вытеснение мелкого производства крупным,—говорит Каутский,—так и обратный процесс ставят себе границы. По мере того, как растет число мелких сельских хозяйств рядом с крупными, повышается также и количество рабочей силы, которая оказывается в распоряжении крупного производства, а вместе с тем, растет и жизнеспособность последнего и его превосходства над мелким производством. Там, где рядом с крупным хозяйством

[1]) Каутский, «Аграрный вопрос», стр. 105.

возникает много мелких хозяйств, должна снова появиться тенденция к развитию крупного хозяйства, разумеется, поскольку не оказывают противодействия нарушающие моменты, например, перенесение в деревню крупной индустрии. При капиталистическом способе производства мы так же мало можем ожидать конца крупного сельского хозяйства, как и конца мелкого»[1]).

Из всего сказанного вытекает, что формы земледельческого капитала более разнообразны и более пестры, чем формы промышленного капитала. А это значит еще и то, что метод анализа развития капитализма в земледелии также должен быть настолько гибким, чтобы он мог охватить это разнообразие форм во всей их широте, должен быть построен таким путем, чтобы он мог учесть все своеобразие, всю сложность отношений в земледелии.

Статистико-экономический метод является единственным методом, который дает возможность вскрыть эволюцию капитализма в земледелии. Но пользоваться этим методом надо очень осторожно: на основе одних и тех же данных можно делать совершенно разные выводы, так что голая статистика еще не может служить верной гарантией за правильность делаемых на основе ее выводов. Ленин первый дал нам блестящие образцы, как пользоваться этим оружием. «В одной местности,—говорит Ленин,—капитализм концентрирует данную отрасль земледелия и выталкивает в пролетариат ряд мелких хозяйств. В другой местности рост торгового земледелия создает ряд новых мелких хозяйств (напр., молочное хозяйство в пригородных деревнях и в целых странах, поставляющих продукты за границу в роде Дании). В третьих местностях дробление средних хозяйств увеличивает число мелких. *Огульная статистика прикрывает все эти процессы, для изучения которых необходимы детальные исследования*»[2]).

Заслуга тов. Гайстера и состоит в том, что он не пользуется огульными данными. Зная цену статистическим данным,—количеству земли, количеству скота,—тов. Гайстер в своем исследовании цент тяжести переносит не на эти показатели, а на другие: доходность хозяйства, ценность скота и инвентаря, количество арендуемой земли и кто ее сдает, кто арендует, наем рабочей силы и какие группы крестьян этим наймом пользуются и т. д. В этом большой плюс разбираемой книги.

Вышеразобранный своеобразный характер развивающегося капитализма в земледелии и вытекающий отсюда подход для анализа сельского хозяйства очень многое говорит и о том, по какой линии должен итти анализ социального лица нашей советской деревни. Ко всему, что было сказано, надо прибавить то новое, что дала Октябрьская революция, то новое, что дает каждый день диктатуры пролетариата. Только учет своеобразного характера капиталистических форм в сельском хозяйстве, учет новых особенностей, которые получены завоеванием пролетариата и крестьянства, позволяет вскрыть процессы, происходящие в сельском хозяйстве.

Для того, чтобы судить о том, верно ли учтены как старые особенности капиталистической деревни, так и новые особенности, вытекающие из наличия диктатуры пролетариата, в разбираемой книге, попытаемся проследить общую линию анализа, применяемую автором в своем исследовании расслоения советской деревни.

---

[1]) Каутский «Аграрный вопрос», стр 114—115.
[2]) Ленин. Т. IX, стр. 156.

III.

Книга содержит восемь глав. Первая глава — вступление — трактует общеметодологические принципы, которые, по мнению автора, должны лечь в основу исследования расслоения деревни. На вопросах, поднимаемых автором, мы подробнее остановимся в другой связи. Вторая глава трактует вопрос о тех изменениях, которые произведены были Октябрьской революцией. Здесь указывается, прежде всего, на уничтожение старых латифундий и изменение форм землепользования, вытекающее из национализации земли пролетарским государством. С другой стороны, разобран и статистически доказан процесс раскулачивания. В общем выводы на основе данных, разбираемых во второй главе, можно формулировать следующим образом: пролетарская революция, национализировавшая землю, уничтожая помещичьи и крупнокапиталистические латифундии, разбила как производственные отношения феодального типа, так и отношения капиталистического типа, остатки же капиталистических отношений, уцелевшие на первом этапе революции в процессе гражданской войны, были почти уничтожены. Результатом аграрной революции явилось очень сильное уравнение земли на ряду с уравнением—хоть и не в такой степени, как земли,—живого и мертвого инвентаря.

Начиная с третьей главы—доход крестьянского хозяйства—автор приступает вплотную к анализу расслоения. Здесь же происходит основная установка в анализе. Все хозяйства, в которых имеются бюджетные данные, разбиваются на 5 групп. Вот какие группы и признаки групп кладутся в основу: «Для большей отчетливости,—говорит Гайстер,—нашего суждения о путях развития отдельных групп разобьем все хозяйства на пять основных групп: I—мельчайшие, II—мелкие, III—средние, IV—выше средних и V—крупные хозяйства. Величину хозяйства будем в дальнейшем измерять следующими ценностными измерителями: в I группу—мельчайших—входят хозяйства со стоимостью средств производства до 200 руб.; во II группу—от 201 до 500 руб., в III группу—от 501 до 800 руб., в IV группу—от 801 до 1.400 руб. и в V группу—свыше 1.400 руб.». (стр. 15).

В этой главе детальным образом рассматривается доход и расход каждой группы в отдельности, при чем как доход, так и расход берется не только в общей сумме, но получаемая сумма рассматривается в аспекте как отдельных источников поступления, так и статей расхода каждой группы. Анализ дохода и расхода в такой градации дает возможность заглянуть внутрь крестьянских хозяйств, дает возможность уже здесь нащупать те производственные отношения, которые складываются между отдельными группами. Тов. Гайстер говорит, что анализ таблиц расходов и доходов крестьянских групп свидетельствует «прежде всего о наличии в хозяйствах различной мощности социально-разнородных источников дохода. Доход крестьянских хозяйств разнится не только по своей величине, но и по социальным источникам его образующим» (стр. 24).

Четвертая глава трактует вопрос о социально-производственной структуре различных групп крестьянских хозяйств. Здесь каждая группа рассматривается по количеству скота, по стоимости средств производства, кто сдает и нанимает из этих групп скот и инвентарь, сколько дохода приносит одна корова в каждой группе, товарность каждой группы и характер этой товарности, которые из групп продают и которые нанимают рабочую силу и т. д. На основе всех приводимых данных можно судить о складывающихся внутригрупповых отношениях. Жаль только, что в конце главы нет сравнительных таблиц всех пяти групп вместе по основным показателям для того, чтобы судить о возникающих между ними противоречиях.

Пятая глава — аренда и сдача земли — решает вопрос: кто сдает в аренду землю и кто ее берет?

Оказывается, что в арендные отношения становятся в большей степени крайние группы, при чем из крайних групп,—мельчайших и мелких,—сдают больше те, кто меньше имеет земли. Сдают землю те хозяйства, в которых недостает средств производства для обработки своей земли, берут в аренду хозяйства более мощные по стоимости инвентаря.

Ясно, что отношения аренды показывают на зародыш капиталистических отношений.

Шестая и седьмая главы трактуют вопрос о сдаче и найме скота и инвентаря и купле - продаже рабочей силы.

На основе приводимого материала автор показывает, как верхушечные группы завязывают эксплоататорские связи с малоимущими группами при помощи сдачи внаем скота и инвентаря. Сдаваемый скот и инвентарь является одной из форм эксплоатации в нашей деревне.

Революция, наделившая малоимущих землей, не могла дать им с.-х. инвентаря. Раскулачивание в период военного коммунизма шло, главным образом, по линии доходов и земли капиталистической верхушки деревни. Инвентарь у этой группы был меньше всего затронут революцией. Новая экономическая политика развязала эти производительные силы верхушки деревни. Для освоения полученной земли малоимущие вынуждены брать инвентарь у зажиточных, залезая в кабалу.

Вот характерные данные о сравнении расходов на наем скота и инвентаря с валовой продукцией мелких и мельчайших хозяйств (стр. 79).

Губернии	В хоз. со стоим. ср. пр. до 200 р.					В хоз. со стоим. ср. пр. от 201—500 р.				
	Вал. прод. сел. хоз. на 1 хоз-во	Стоимость прод. полев. на 1 хоз.	Уплач. за наем скота и инвент.	%% упл. к стоим.: Всей прод. с.-х.	%% упл. к стоим.: Стоим. прод. полев.	Валов. продукц. с. х. на 1 хоз.	Стоимость продук. полев. на 1 хоз.	Уплач. за наем скота и инвентаря	%%: Всей прод. с. х.	%%: Стоим. прод. полев.
Смоленская	202,0	79,3	6,3	3,1	7,9	413,5	184,1	3,8	0,0	2,1
Тамбовская	173,9	105,9	20,3	11,6	19,1	348,0	186,3	11,5	3,3	6,2
Укр. лесост.	160,4	80,4	14,8	9,2	18,4	316,8	166,0	17,8	5,6	10,7
„ степь	232,1	127,9	41,0	17,6	32,0	377,9	182,3	48,0	12,7	26,3
Новосиб. окр.	218,2	93,4	17,6	8,1	18,8	372,3	150,7	29,6	7,9	19,6

Приводимая таблица показывает, что во всех губерниях мельчайшие хозяйства, как более малоимущие, тратят на наем скота и инвентаря большую часть своего валового дохода, чем более крепкие хозяйства, а значит и зависимост их от сдатчиков большая. Сдают же внаем скот и инвентарь высшие группы хозяйств. Общий итог, к которому приходит тов. Гайстер, следующий: «Как видим сдача и наем скота и инвентаря представляют широко распространившиеся явления в советской деревне. Значительность безлошадных и безынвентарных хозяйств создает возможность эксплоатации их со стороны хозяйств, владеющих в достатке средствами производства» (стр. 88).

Наем рабочей силы, по данным тов. Гайстера, идет за счет беспосевных и малопосевных. Вот данные РКИ о социально-имущественном положении нанимающихся.

Число батраков, о которых имеются сведения	% наемных рабочих				Итого
	Не имеющ. никакого имущества	Имеющие только жил. строение	Бедн. хоз.	Хоз., имеющ. раб. скот	
10.949	37,0	9,2	52,5	1,3	100

Мы видим, что 46,2% батраков не имеют своих средств производства, 52,5% батраков, имеющих бедняцкое хозяйство, и только 1,3% имеющих свой скот. Таков контингент наемной рабочей силы в деревне. Нанимает этих батраков тот, кто имеет средства производства, т.-е. кулак.

В последней, восьмой главе—соотношение классов и групп в деревне—тов. Гайстер дает характеристику классовым группам нашей деревни.

«Признаками отнесения хозяйств к группам являлись:

«А. Пролетарские и полупролетарские хозяйства:

«I — пролетарские хозяйства: продажа рабочей силы хозяйством свыше 50 дней.

«II — полупролетарские хозяйства (бедняцкие) продажа рабочей силы от 20 до 50 дней, или наем скота свыше 20 дней, или инвентаря свыше 10 дней.

«Б. Самостоятельные производители (середняки).

«III — середняцкие хозяйства, при наличии отпуска рабочих до 20 дней, найма или сдачи скота до 20 дней, инвентаря до 10 дней.

«IV — с элементами предпринимательства: при найме рабочей силы от 2 до 50 дней, или сдаче скота свыше 10 дней, аренде пашни свыше 2 дес., или сенокоса свыше 5 дес.

«В. Мелкокапиталистические хозяйства.

«V — мелкокапиталистические и полукапиталистические (кулацкие) при найме рабочих сыше 50 дней» (стр. 105—106).

Таковы главные признаки, положенные в основу характеристики социальных групп советской деревни. Автор, давший анализ на основе данных 1.242 бюджетов, разработал 1.021 хозяйство по социальным типам. На основе вышеприводимой социальной характеристики тов. Гайстер при помощи экстраполяции дает социальную характеристику главнейшим районам нашего Союза. Вот к каким выводам он приходит:

Распределения всего числа хозяйств по социальным типам (в %% стр. 110).

Типы по социальным признакам	Украина	Сев. Кавказ	Уральская область	Новосиб. округ
I	16,5	19,3	9,8	15,5
II	21,7	16,8	11,9	17,7
III	45,8	40,3	52,6	51,6
IV	10,3	18,3	15,4	7,5
V	5,7	5,3	9,3	7,7

Следует здесь же указать, что разбираемые районы тов. Гайстер характеризует как районы, где «... классовое расслоение деревни и происходило и происходит в наибольшем размере». Но, несмотря на специфичность районов, все же центральной фигурой является середняк: «По лесостепи и степи их (середняков) 56,1%, Сев. Кавказу 58,6%, Уральской области

68,0% и Новосибирскому округу 59,1%». Как видно, т. Гайстер «предпринимательскую» IV группу относит к середнякам, а не к кулакам, как сделала это оппозиция в своих контртезисах. Тщательный анализ этой «предпринимательской», как неудачно названной группы, показывает, что относить ее к эксплоататорской группе ни в коем случае нельзя. Вот несколько цифр, которые покажут, что представляют собой эти, с позволения сказать, «предпринимательские» хозяйства. Доход от сдачи скота и инвентаря на одно хозяйство IV группы в Смоленской губ.—9,2 руб., Тамбовской—35,1 руб., Лесостепь—31,5 руб., Степь—81,8 руб., Сев. Кавказ—14 руб., Новосибирский округ—40 руб. За исключением степной Украины (81,8 р.), во всех остальных районах хозяйства IV группы получают мизерный доход от сдачи инвентаря.

Доход в 26 руб. в год на одно хозяйство только в перепуганных глазах оппозиции делает крестьянское хозяйство кулацким. Вот данные, куда тратится доход этой группы хозяйств. По Смоленской губ. 82,1% всего дохода тратится на личное потребление и только 17,9% на хозяйственное потребление, по Тамбовской губ. 80,5%—на личное потребление и 19,5%—на потребление хоз., в Лесостепной Украине 76,2%—личное потребление, 23,6% хозяйственное, в Степной Украине 83,3%—личное, 16,7% хозяйственное, Сев. Кавказ на личное — 82,9%, хозяйственное — 17,1%, Новосибирский округ—60,8% личное и 39,2% производительное. В рублях на промышленное потребление на одно хозяйство падает: Смоленская губ.—30,2 руб., Тамбовская—22,5 руб., Лесостепь—30,5 руб., Степь—29,3 руб., Сев. Кавказ—32,6 руб., Новосибирский округ—48,2 руб. Присоединение IV социальной группы к кулакам было не чем иным, как сознательной фальсификацией, которая пусть останется на совести оппозиционных писак, пользовавшихся таким гнилым оружием в борьбе с партией.

Немного другую картину дает экстраполяция в отношении распределения стоимости с.-х. машин и орудий по социальным типам в % % (стр. 111).

Типы по социальным признакам	Украина	Сев. Кавказ	Уральская область	Новосиб. округ
I	5,3	1,7	1,7	2,8
II	6,9	6,0	1,8	3,3
III	47,0	34,0	38,3	51,6
IV	22,1	40,8	29,1	20,4
V	18,7	17,5	29,1	21,9

И здесь, по стоимости средств производства, средние группы сосредоточивают основную массу производительных сил в своих руках.

Выводы, к которым приходит автор на основе анализа расслоения советской деревни, таковы: «Аграрная революция, уничтожив помещичье хозяйство и ликвидировав полукрепостнический гнет в деревне, вместе с тем смела и крупнокапиталистические хозяйства. Развитие рынка, товарного производства возродило в деревне капиталистические формы связи отдельных хозяйств, расширив рынок для рабочей силы, толкая беднейшие хозяйства к пролетаризации, отрыву от своего хозяйства. Еще более интенсивно, чем развитие рынка труда шло за последние годы в деревне развитие найма — сдачи скота и инвентаря. Недостаток в средствах производства у бедняцких хозяйств вызывал в их среде наем скота и инвентаря, сдачу земли, продажу рабочей силы. Накопление средств производства в одних хозяйствах, лишение их в других, приводит к классовым изменениям хозяйств, развитию социально-антогонистических отношений между ними. Процесс расслоения советской деревни и выражает это классовое изменение мелких товарных производителей, переводя разницу в наличии средств производства

у хозяйств в ряд общественных отношений, где собственники средств производства выступают в качестве эксплоатирующих, собственники рабочей силы—в качестве ее явных или скрытых продавцов. Развитие расслоения тем самым означает усиление противоречия между хозяйствами, усиление тенденции капиталистического пути развития сельского хозяйства» (стр. 116—117).

Таков результат исследования, таков и конец книги.

IV.

Мы подробно, шаг за шагом проследили на протяжении всей книги, как те вопросы, которые решаются автором, так и способы, при помощи которых они решаются, а также и выводы, к которым привел автора результат анализа. Такое подробное изложение книги необходимо для всестороннего ознакомления с методом, применяемым автором в его исследовании.

Выше мы останавливались на тех особенностях сельского хозяйства, которые необходимо учитывать при анализе социального лица капиталистической деревни.

Эти особенности суть следующие:

1) Наличие разных комплексов производственных отношений докапиталистического характера, с которыми развивающийся капитализм в земледелии, сталкиваясь, переделывает по разному. Учет этих комплексов необходим для того, чтобы видеть и уметь вскрыть те формы земледельческого капитала, которые принимает он, прокладывая себе дорогу в сельское хозяйство.

2) Отличие условий развития земледельческого капитала от условий развития промышленного капитала в области наемной рабочей силы. Учет данного фактора позволяет рассмотреть силу фундамента, на котором должно происходить развитие земледельческого капитала.

Октябрьская революция, национализацией земли пролетарским государством уничтожила старые формы землевладения. На место них были созданы, вернее, расширены другие отношения, отношения простого товарного хозяйства, при чем эти отношения существенно отличаются от отношений простого товарного хозяйства, существующих в капиталистическом обществе. Отличие идет по линии связи простого товарного хозяйства с советским государством через пользование землей. Тогда как при капитализме эта связь или отсутствует (связь с буржуазным государством) или существует как связь на капиталистических началах, при диктатуре пролетариата эта связь налицо, при чем в основе связи лежат не капиталистические принципы, а принципы другого порядка. Вот это отличие нашего простого товарного хозяйства от простого товарного хозяйства капиталистического типа должно быть со всей решительностью подчеркнуто.

Другая сторона дела,— развивающийся капитализм в земледелии требует наличия мелкого хозяйства, которое могло бы служить поставщиком рабочей силы. Благодаря революции такое мелкое и мельчайшее хозяйство было насаждено в достаточной степени, так что у нас для развития капитализма со стороны рабочей силы имеется хорошо вздобренная почва. Это является, пожалуй, главным фактором того, почему до настоящего времени в деревне кулацкая верхушка, хоть и медленно, а все же растет. Это второй факт, который должен был быть отмечен перед тем, как приступать к анализу расслоения советской деревни. Автор, такого положительного фактора для капитализма не отмечает. Так обстоит дело с теми двумя особенностями земледелия, которые мы отметили в начале статьи.

Теперь уже стало общим местом указание на ведущую роль промышленности по отношению к сельскому хозяйству. Эта ведущая роль про-

мышленности является фактом не только для капиталистического строя, но, пожалуй, даже в большей степени при диктатуре пролетариата в переходный период от капитализма к социализму.

Когда дается анализ сельскому хозяйству капиталистического общества, то можно абстрагироваться как от промышленности, так и от экономической политики буржуазного государства. Можно абстрагироваться (да и то не всегда) потому, что анализируется строй тех же отношений, которые господствуют в промышленности, тех же отношений, которые насаждаются в сельском хозяйстве экономической политикой буржуазии, так что они (экономическая политика и капиталистическая промышленность) являются толчком, усилителем процессов, происходящих в сельском хозяйстве. Капиталистическое развитие сельского хозяйства стимулируется капиталистической промышленностью, влияние последней на с. х. результатом своим имеет производственные отношения капитализма или расслоение деревни. Так обстоит дело с эволюцией сельского хозяйства при господстве капиталистического способа производства.

Но не так обстоит дело при диктатуре пролетариата.

Производственные отношения нашей крупной промышленности являются отношениями социалистического типа. Ведущая роль социалистической промышленности в отношении сельского хозяйства толкает ведь последнее по другому пути развития, по пути коллективного, а не капиталистического характера. Вот здесь и выплывает основа основ метода анализа советского сельского хозяйства и вся трудность анализа. Благодаря наличию простого товарного хозяйства и новой экономической политики налицо имеются условия развития капиталистических отношений в нашей деревне. С другой стороны, благодаря наличию социалистической крупной промышленности, и вообще командных высот, в руках пролетариата перед сельским хозяйством становится реальным другой путь—путь социалистический, кооперативный. Оба эти пути, вернее, два диаметрально противоположных вида производственных отношений, имеют место в нашем сельском хозяйстве. Они сталкиваются друг с другом, ведут борьбу между собою, переплетаются во всей сети разнообразных производственных отношений самым причудливым образом. На стороне капиталистического пути развития стоит та организация простого товарного хозяйства, которая «ежечасно, ежеминутно рождает капитализм», на стороне социалистического пути развития стоит вся могучая крупная промышленность, вся банковская система пролетарского государства, все командные высоты пролетариата, вся экономическая политика пролетариата и вообще вся техника и вся наука. Спрашивается, влияет ли ежечасно, ежеминутно все, что толкает деревню по другому, некапиталистическому типу развития, на капиталистические формы развития или не влияет?

Да, влияет. А раз такое влияние есть, значит процесс расслоения, о котором идет речь в разбираемой книге, видоизменяется, принимает особые, своеобразные, только диктатуре пролетариата присущие формы. Вот эту особенность форм расслоения и надо было показать. Автор ее не показал, не только не показал, но даже этого вопроса и не поставил. «О каком процессе речь идет, когда мы говорим о расслоении советской деревни?»—задает себе вопрос автор. И отвечает: «Процесс расслоения деревни представляет нарастание противоречий внутри крестьянских хозяйств, идущих по линии сосредоточения средств производства в одних хозяйствах, использования ими, благодаря наличию в одних хозяйствах средств производства, рабочей силы других хозяйств, а с другой стороны, у других хозяйств—лишение средств производства и неизбежно связанная с этим для них либо продажа своей рабочей силы в чужое хозяйство, либо использование чужих средств производства, создающее видимость своего хозяйства»

(стр. 2—3). Эту формулировку можно без изменения применить по отношению к процессу расслоения, происходящего при капитализме. Здесь ни одного звука, ни одного штриха о тех особенностях расслоения, которое происходит в условиях диктатуры пролетариата.

Если мы говорим об особенностях расслоения при диктатуре пролетариата, то спрашивается: можно ли абстрагироваться от экономической политики пролетариата, можно ли абстрагироваться от всех социалистических элементов нашей экономики, воздействующих на расслоение советской деревни, а значит, и видоизменяющих это расслоение, или нельзя? На этот вопрос т. Бухарин отвечает так:

«К сожалению, иногда даже коммунисты позабывают основное методологическое требование, необходимое при анализе отдельных больших хозяйственных сфер, например, сельского хозяйства. Люди думают, будто можно правильно наметить общие пути развития, не рассматривая деревни в связи с городом, сельского хозяйства в связи с индустрией, траспортом, кредитом. Рассматривают какую-то изолированную деревню, замкнутую в себе, знаменитого «сфинкса», подчиненного в своем развитии каким-то совсем особым законам, не находящимся в преступном сообществе с законами развития всего народного хозяйства в целом» [1]).

Все содержание книги тов. Гайстера доказывает обратное. Только вторая глава—итоги аграрной революции—рассматривает значение диктатуры пролетариата. Дальнейший же анализ имеет дело лишь с этим «сфинксом», изолированным сельским хозяйством. Верно, что расслоение показывает на капиталистические элементы развития деревни, верно, что здесь мы имеем дело с производственными отношениями не социалистического круга, а капиталистического. Все это верно. И тов. Гайстер это понимает очень хорошо. Он пишет: «Вся сумма отношений, существующих в советской деревне, шире вопроса о расслоении, ибо расслоение есть вопрос о путях капиталистического превращения. Лишь вскрыв всю сумму общественных отношений в советской деревне, мы сумеем уяснить пути развития деревни. Вопрос о расслоении есть лишь вопрос об одном из путей ее развития» (стр. 2). Но, ведь, оба эти круга—социалистический и капиталистический—развиваются не самостоятельно, независимо друг от друга, а влияют один на другой. Такое влияние видоизменяет формы расслоения. У тов. Гайстера такого влияния нет. У него есть признание лишь другого пути—и только. Отсутствие взаимодействия, приводит к механическому противопоставлению двух линий развития.

Во всем исследовании произведено абстрагирование от диктатуры пролетариата. По нашему мнению, такой методологический прием не верен.

Результат и завершение книги — восьмая глава, в которой тов. Гайстер производит экстраполяцию по отношению главнейших районов нашего сельского хозяйства. Бюджетные данные переносились на динамические показатели при помощи следующего метода. Средние показатели каждой социальной группы, полученные на основе бюджетных данных, принимаются за средние нормы. Средние показатели по бюджетам умножаются на число хозяйств в каждом типе динамики. Полученный результат по каждому социальному типу в отдельности суммируется и берется за 100. После чего устанавливается удельный вес каждого из пяти социальных типов. Таким путем устанавливается процент земли, находящейся в распоряжении каждой группы крестьян, % скота, % стоимости инвентаря, количества товарных излишков и т. д. Тов. Гайстер отмечает «условность» и «несовершенность» такого метода. По нашему мнению, такой метод перенесения результатов

[1]) Бухарин. «В защиту пролетарской диктатуры» (сборник), стр. 124

анализа бюджетных данных тысячи с чем-то хозяйств на целые районы Советского Союза совершенно не применим. Метод экстраполяции даже в условиях капитализма, где заведомо налицо лишь один процесс развития деревни, является условным. Что же касается советской деревни, где наряду с процессом расслоения происходит процесс обобществления, который видоизменяет как количественно, так и качественно процесс расслоения, применение метода экстраполяции предполагает, что других процессов развития деревни нет или же, в крайнем случае, другие процессы (обобществление) являются только противодействующими факторами, задерживающими процесс расслоения, который является основным в линии развития нашей советской деревни. Основной линией развития нашей деревни мы считаем процесс обобществления, который из года в год суживает капиталистические элементы, а значит, и экстраполяция капиталистической линии развития так, как она поставлена тов. Гайстером, ни в коем случае применена быть не может.

Когда мы изучаем развитие сельского хозяйства при капитализме, то, разобрав этот процесс в чистом виде, после привносим элементы, противодействующие капиталистическому процессу развития. Противодействующие факторы не уничтожают основного закона, его лишь либо видоизменяют (он прокладывает себе дорогу в других формах), либо замедляют. В советском сельском хозяйстве наметились две линии развития—социалистическая и частнокапиталистическая, которые ведут борьбу между собою. Которая из них является главной?

Тов. Гайстер отвечает: «Но, если на эти процессы капиталистического преобразования крестьянских хозяйств господство капитализма оказывает побудительное и помогающее действие, то диктатура пролетариата, рост социалистической индустрии, кооперации и государственного хозяйства в деревне оказывает процессам расслоения з н а ч и т е л ь н о е п р о т и в о д е й с т в и е» (стр. 117). Не пора ли поставить вопрос как раз наоборот.—Что не социалистические производственные отношения оказывают значительное противодействие капиталистическому пути развития нашей деревни, а капиталистические производственные отношения есть противодействующие факторы? Такой постановкой вопроса мы ставим его на принципиально другие рельсы. Ведь не случайным является тот факт, что наше сельское хозяйство достигло за годы нэпа довоенного уровня, тогда как капиталистические элементы далеко не достигли. Да, наконец, того удельного веса, который имел капитал в сельском хозяйстве до революции, он никогда и не достигнет. Можно было бы на основе фактического матариала показать и доказать, что главная линия деревни уже теперь есть линия по пути коллективного хозяйства, а не по пути капитализма. А это значит, что капиталистическое развитие сельского хозяйства есть задерживающий фактор развивающегося социализма. Таковы основные замечания по вопросу о методе анализа социального лица нашей деревни.

Богатейший материал, широко и умело использованный тов. Гайстером, делает его книгу одной из ценнейших монографий по сельскому хозяйству. Главнейшие показатели, положенные в основу данной работы, имеют большую ценность. Особенно ярко выделяется эта работа на фоне других работ по сельскому хозяйству, страдающих, главным образом, плохим фактическим материалом. Обстоятельная вступительная статья тов. Крицмана об анализе классовой структуры крестьянства, разбирающая вопрос о правильном применении статистических данных при анализе классов современной деревни, делает еще более ценной данную книгу. Но главный недостаток разбираемой книги лежит по линии абстрагирования от влияния социалистических элементов нашей экономики на характер расслоения советской деревни.

Письмо в редакцию.

(Ответ тов. Сорину).

У меня, как и в книге, сказано, что IV том вышел под редакцией Л. Каменева. Тов. Сорин напрасно прячет Каменева за спину тт. Бухарина, Скворцова и Молотова. Буду отвечать только по существу моего «Письма в редакцию».

В такой книге, как собрание сочинений Ленина, обязателен список опечаток. Его нет. В этом все дело. И вряд ли будут довольны читатели, что Сорин не только оспаривает необходимость принятия всех обычных мер против искажения текста, но и проповедует очень легкое отношение к этим искажениям.

Сорин острит над часовыми «изысканиями» Ольминского: он, очевидно, не способен понимать иронии.

Теперь о примечаниях.

П р и м е ч а н и е 92. Смысл моего указания в том, что тов. Ленин не полез в пеструю и отчасти сомнительную компанию литераторов прежнего «Образования», а печатался в журнале, в который уже вошли наиболее видные большевики. Тов. Сорин этого не понял. А для характеристики тов. Ленина это имеет значение. Относительно Н. Иорданского Сорин в форме возражения подтверждает мое указание, что в 1906 г. Иорданский не был в числе сотрудников «Образования».

П р и м е ч а н и е 109. Достаточно признания Сорина, что он не знал того, о чем печатал в примечании. В возражении он заметает следы, говоря только о преемственной связи двух типографий.

П р и м е ч а н и е 174. Сорин приписывает мне нелепую фразу; это—ошибка машинистки или Сорина—не знаю. Знаю только, что в № 1 «Пролетарской Революции» напечатано верно, и моя поправка к примечанию нужна.

П р и м е ч а н и е 199. В одном месте книги указан 1894, а в другом—1895 г. Во избежание возможных недоразумений тем более нужно было точно указать 1895 год.

М. Ольминский.

От редакции.

Помещая ответ тов. Ольминского на письмо в редакцию тов. Сорина (см. «Большевик» № 2 с. г.), редакция этим считает законченным обсуждение на страницах «Большевика» тех замечаний, которые были сделаны тов. Ольминским в журнале «Пролетарская Революция» (см. «Пролетарская Революция» № 1) по поводу последнего издания IV тома сочинений Ленина и которые, по мнению редакции, следовало бы учесть для внесения отдельных поправок в это издание.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.